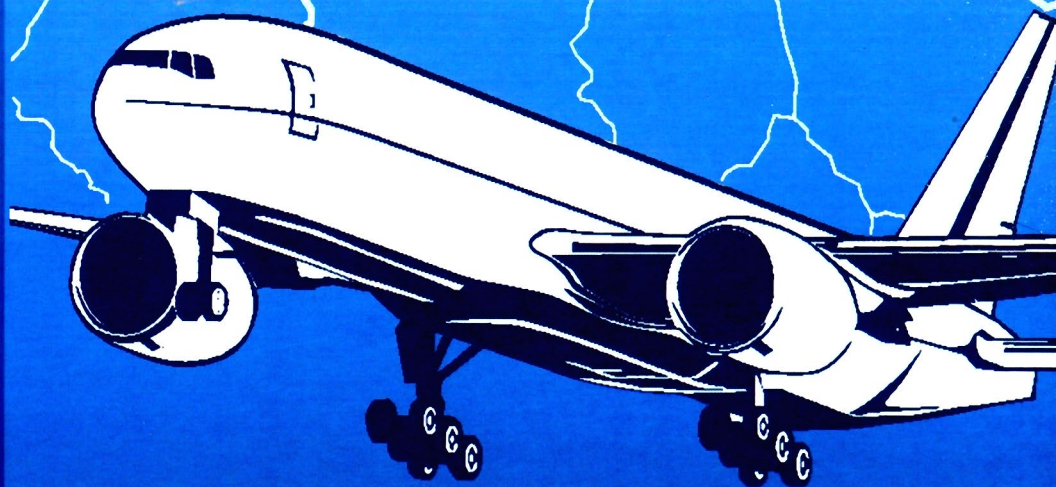

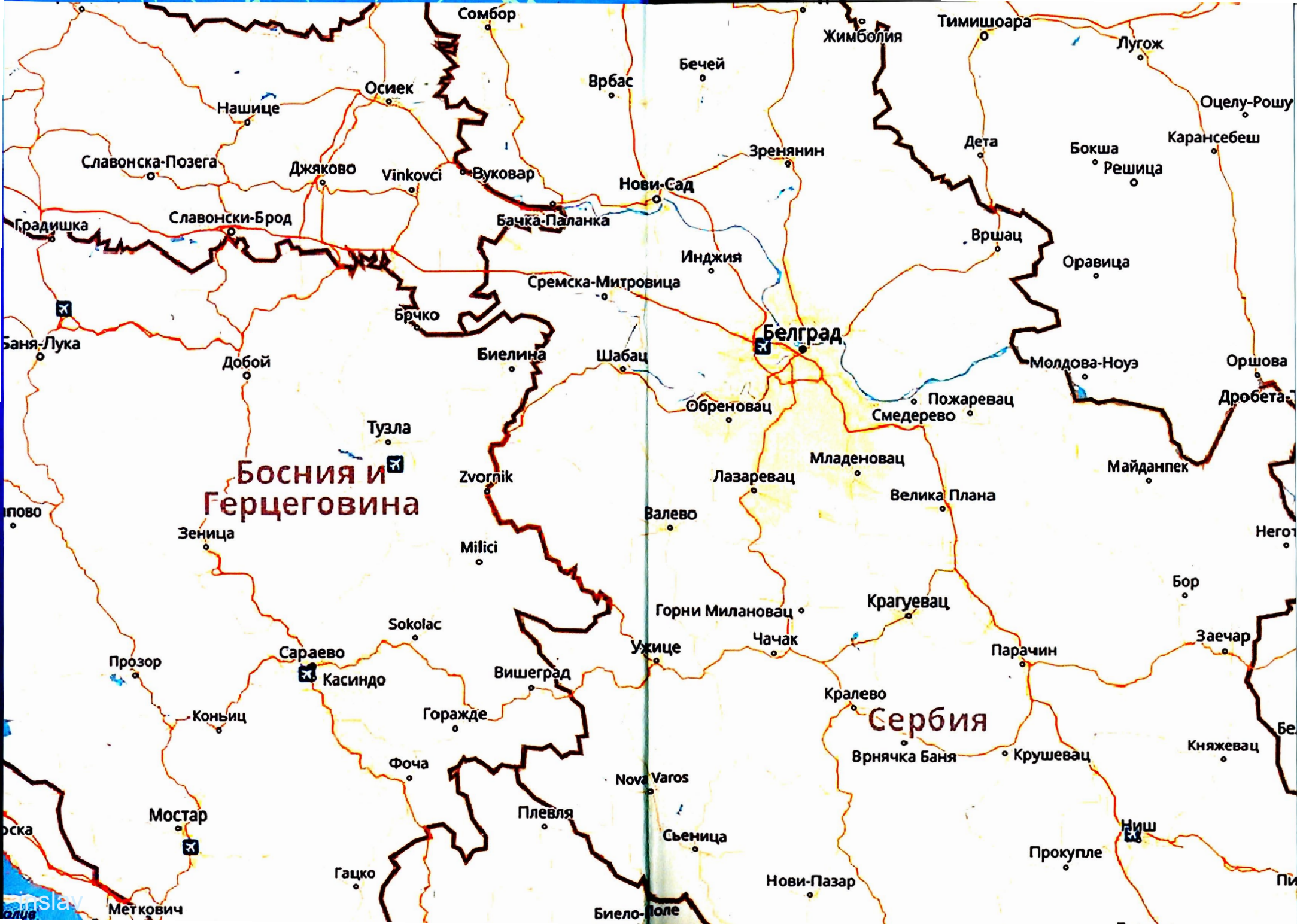
НЕБОЙША
ВУЙОВИЧ

ПОСЛЕДНИЙ
РЕЙС
из
ДЕЙТОНА

ПЕРЕГОВОРЫ
ЗА ЗАКРЫТЫМИ
ДВЕРЯМИ

NEBOJŠA
VUJOVIĆ

POSLEDNJI
IZ LET
DEJTONA

PREGOVORI
IZA ZATVORENIH
VRATA

Beograd
2018

НЕБОЙША
ВУЙОВИЧ

ПОСЛЕДНИЙ
из РЕЙС
ДЕЙТОНА

ПЕРЕГОВОРЫ
ЗА ЗАКРЫТЫМИ
ДВЕРЯМИ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

НЕБОЙША
ВУЙОВИЧ

ПОСЛЕДНИЙ
из РЕЙС
ДЕЙТОНА

ПЕРЕГОВОРЫ
ЗА ЗАКРЫТЫМИ
ДВЕРЯМИ

*Перевод с сербского
Александра Силкина*

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2019

УДК 94
ББК 63.3(0)64
В88

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *К.В. Никифоров*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Я.В. Вишняков*,
кандидат исторических наук *А.С. Аникеев*

Вуйович Н.
В88 Последний рейс из Дейтона : Переговоры за закрытыми дверями /
Н. Вуйович ; пер. А. А. Силкина ; введение и примечания Г. Н. Энгель-
гардта. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История,
2019. — 200 с.
ISBN 978-5-4469-1494-4

В книге приводятся свидетельства очевидца переговоров, происходивших в 1995 году в американском городе Дейтоне и положивших конец гражданской войне в Боснии и Герцеговине и первому этапу югославского кризиса (1991–2001). Заключенный в Дейтоне мир стал важным рубежом для сербов, хорватов и бошняков (боснийских мусульман), для постюгославских государств, всего балканского региона, Европы и мира в целом. Книга является ценным источником для понимания позиции руководства СРЮ/Сербии в тот период и сложных процессов, повлиявших на складывание новой системы международной безопасности.

ISBN 978-5-4469-1494-4

© Н. Вуйович, 2019
© А. А. Силкин, пер., 2019
© Г. Н. Энгельгардт, введение и примеч., 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

Содержание

Введение	7
Вместо предисловия	13
Гамбургер с острым сыром	14
Случайная встреча	18
Пятидневная миссия Милана Милутиновича	20
Письмо Слободана Милошевича	24
Первые очертания новой Боснии	27
Американцы перехватывают инициативу	34
Ружье Милошевича	38
Тайна больше не тайна — новое место проведения: Дейтон	40
Время установлено	43
Первые вопросы и ожидания	46
Прибытие передовой группы	50
День первый	58
Разминка — большие надежды американских представителей	61
Караджич и Младич отправлены на «пенсию»	65
Все друг друга подслушивают	68
Всё на бумаге, а ее слишком много	70
Как вызвать журналиста?	72
Милошевич говорит от имени всех сербов	74
Gag order нарушен	76
Авторитет Станишича	78
Демонизация Милошевича и западня в Сараево	81
Жизнь или письмо	84
Туфли для Миры Маркович	88
Инициалы на договоре	90
Свободу Дэвиду Роду	94
Суп с телефоном	95
Войну надо остановить!	96
Санкции остаются?	98

Кто посмеет разбудить Милошевича?	100
Ибрагим Ругова ждет в Дейтоне своего шанса	106
Ложь генерала Младича и ее последствия	112
Как сделать мусульман более податливыми?	115
О восстаповлении брака между политическими лидерами и проститутках на пенсии	118
Европейские статисты и распад брачного союза	122
Министр как метрдотель и фотограф	126
Вооружение сербской делегации	129
Решение просматривается	131
Мадлен Олбрайт: санкции остаются!	133
Последний козырь — Ал Гор	135
История совершается на наших глазах	137
Эпизод с исчезнувшей пахлавой и карты	141
На арену выходят все более сильные игроки	146
О лобстерах, Боснии и Косово... Прелюдия к Рамбуйе	151
Контуры договора	156
Когда у сербов лопнуло терпение — Клинтон	158
Две горы за счастье	160
Горевестник	165
Наконец... ..	168
Последний рейс из Дейтона	174
Недремлющее око Большого брата	176
Единожды дипломат — всегда дипломат	179
«Служебка» о Дейтоне	182
Годовщина Дейтона — два послания для Милошевича	184
Обесценивание наследия Дейтона	193
Об авторе	197

Введение

Записки экс-главы югославского представительства в Вашингтоне Небойши Вуйовича посвящены Дейтонским переговорам, завершившим кровавую гражданскую войну в Боснии и Герцеговине (БиГ). Длившаяся с апреля 1992 г. по октябрь 1995 г. эта война не только унесла почти 100 тысяч жизней и отправила в изгнание сотни тысяч жителей, но и вовлекла в себя множество внешних участников. Финальную точку в ней поставило массированное вмешательство США, оттеснивших от процесса урегулирования европейские державы и продиктовавших сторонам конфликта решение на конференции 1–21 ноября 1995 г. на авиабазе ВВС США Райт-Паттерсон в г. Дейтоне (штат Огайо).

Хотя почти уже четверть века отделяет нас от описываемых событий, книга Н. Вуйовича говорит и о вполне современных элементах международной политики — санкционном режиме и демонизации неподчиняющихся стран и их лидеров, двойных стандартах и силовом диктате.

Записки Вуйовича продолжают серию публикаций мемуарных источников по истории югославского кризиса 1991–2001 гг., издаваемых Институтом славяноведения РАН. Так, в последние годы опубликованы сборники воспоминаний участников миротворческих операций на Балканах¹, записки высокопоставленного македонского дипломата Р. Никовского², готовится к печати перевод книги генерала М. Секулича «Книн пал в Белграде». Задача этих

---

¹ Наши миротворцы на Балканах / сост. Е. Ю. Гуськова. М., 2007; Балканский кризис: говорят участники / сост. Е. Ю. Гуськова. М., 2016.

² *Никовский Р.* США и независимая Македония. М., 2017.

изданий — познакомить российского и русскоязычного читателя с восприятием событий и процессов югокризиса самими его участниками и/или очевидцами и тем самым дать возможность лучше понять его ход и механизмы. В значительной степени к текстам такого рода относится и работа К. В. Никифорова, посвященная контактам Москвы с Белградом и боснийскими сербами в 1994–1995 гг.³

В посвященной Дейтону обширной литературе до сих пор доминирует американская версия, сформированная сразу по горячим следам переговорного марафона. Помимо мемуаров главы американской делегации Ричарда Холбрука «Остановить войну»⁴, это прежде всего работа Д. Чоллета «Тайная история Дейтона. Американская дипломатия и мирный процесс в Боснии 1995 г.»⁵, написанная на основе проведенного Госдепартаментом США «Дейтонского исторического проекта». И записки Холбрука, и монография Чоллета фокусируются на действиях дипломатов США, их мотивациях и планах, контактах с боснийскими сторонами, прежде всего — с властями Сараево, с европейскими державами и Россией. Большое внимание в них, естественно, уделено и переговорам с лидером Сербии С. Милошевичем. Однако американская версия так или иначе, вольно или невольно подчинена демонстрации внешнеполитического триумфа США, навязавших свое решение «неразумным балканцам» и принесшим мир туда, где до них провалились все прежние попытки урегулирования конфликта.

Ясно, что мотивация и действия местных участников конфликта, их интересы занимают в этих работах второстепенное место. Тем более что в момент публикации американской версии Дейтона противостояние Вашингтона с С. Милошевичем снова нарастало,

---

³ *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.

⁴ *Holbrooke R.* To End a War. N. Y., 1998; сербское издание: *Holbruk R.* Put u Dejton. Od Sarajeva do Dejtona i posle. Beograd, 1998.

⁵ *Chollet D.* The Secret History of Dayton U.S. Diplomacy and the Bosnia Peace Process 1995. National Security Archive Electronic Briefing Book. № 171. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB171>; хорватское издание: *Chollet D.* Tajna povijest Daytona. Američka diplomacija i mirovni proces u Bosni i Hercegovini 1995. Zagreb, 2007.

двигаясь к своему пику — войне НАТО против Югославии 1999 г. и к смене режима в Белграде 5 октября 2000 г.

Сербские источники по Дейтону были откровенно бедны — главным переговорщиком с их стороны был президент Сербии Слободан Милошевич, но он скончался в заключении Гаагского трибунала через десять лет после конференции на авиабазе ВВС США, унеся с собой в могилу основной объем информации (свергнутый лидер Югославии не успел оставить цельных воспоминаний). Книжки же представлявших на мирной конференции Республику Сербскую (РС) ее вице-президента Николы Колевича и министра иностранных дел Алексы Бухи⁶ отражают лишь факт практически полного отстранения боснийских сербов от реального переговорного процесса.

Поэтому предлагаемые ныне российскому читателю записки Небойши Вуйовича ценны тем, что проливают свет на видение ситуации руководством Сербии и на принятие им тех или иных решений в ходе дейтонских переговоров.

Конечно, никакие мемуары не могут претендовать на всеобъемлющее объяснение причин и мотиваций участников. Например, не выдержала испытания временем версия о стремлении США переместить на Балканы выводимые из Германии войска и базы. Через 25 лет оказалось, что американские базы в Германии остались на своем месте, тогда как базы в Боснии были закрыты, а база в Косово подверглась серьезному сокращению в пользу операций на Ближнем Востоке и в Афганистане. Тем не менее именно такая интерпретация логики Вашингтона определяла действия лидера Сербии и его сотрудников.

Конечно, сам автор дает прекрасный пример того, что язык (как и перо) дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли. Описание меню обедов и ужинов, кулуарных подколов во многом позволяет ему умалчивать о сути тех или иных этапов переговоров.

Тем не менее записки показывают дипломатическое искусство С. Милошевича, находившегося в Дейтоне в сложнейшей

---

⁶ Кољевић Н. Стварање Републике Српске. Дневник 1993–1995 сећања и сведочења / Службени гласник, Београд, 2008. Књ. 1–2; Буха А. Аргументи за Републику Српску. Нови Сад, 1996. Буха А. Српска у контексту. Расправе. Огледи. Документа. Интервју. Сарајево, 2008.

обстановке — не имея никаких внешних союзников и/или покровителей, более того — будучи объектом давления единственной сверхдержавы тогдашнего мира, покровительствовавшей боснийским мусульманам, сталкиваясь с крайне враждебным к сербам западным общественным мнением, в условиях удушения экономики страны из-за международных санкций ему все же удалось выторговать относительно приемлемые для своей страны и сербского народа условия. Президент Сербии стремился использовать малейшие возможности для наведения мостов с вашингтонскими чиновниками, используя ресурсы дружественных диаспор, прежде всего — греческой, а также успешно разыграв карту заинтересованности администрации президента Б. Клинтона в скорейшем завершении боснийской войны под эгидой США. Вуйович показывает, как, умело подыграв в этом Белому дому, Милошевич смог стать для него необходимым и даже, находясь в крайне слабой позиции, вынудить учитывать хоть какие-то интересы сербов. В этом отношении весьма показательно выглядит описание им использованных главой Сербии методов давления на принимающую сторону — неоднократная демонстративная подготовка к отлету из Дейтона, вплоть до погрузки чемоданов в самолет.

Показывают воспоминания Вуйовича и то, как перенос центра тяжести переговоров на вопросы разграничения, принадлежности тех или иных конкретных территорий позволил С. Милошевичу добиться закрепления весьма существенных прерогатив для Республики Сербской в Дейтонской конституции БиГ. Дальнейший ход постконфликтного урегулирования показал, что, несмотря на все болезненные территориальные потери, именно правовой статус стал фундаментом сохранения сербской автономии в условиях фактического режима международного протектората, установленного в БиГ после 1997 г. Более того, само имя Республики Сербской стало нарицательным для западных дипломатов на Балканах, от которых впоследствии прямо требовали исключить повторения ее прецедента при урегулировании других конфликтов (например, в Косово и Метохии).

Глава представительства в Вашингтоне прекрасно описал сложные отношения внутри югославской делегации, несколько карикатурно изобразил лидеров Черногории и своего непосредственного

начальника, главу МИД Милана Милутиновича. Все это еще больше подчеркивает, в сколь сложной и ответственной ситуации оказался в Дейтоне С. Милошевич.

Вуйович видит события глазами белградского функционера, круг его общения — коллеги по МИДу и вашингтонские чиновники, политики и журналисты. Поэтому события на боснийских фронтах фактически проходят вдали от его внимания и знает он о них крайне поверхностно. Даже авиаудары НАТО в августе-сентябре 1995 г. по войскам и объектам боснийских сербов, оказавшие значительное влияние на крах их обороны и стремительное наступление хорватов и мусульман, упомянуты лишь в контексте истории с освобождением сбитых в ходе налетов французских пилотов. Точно так же довольно туманны его представления о размере подконтрольной армии Республике Сербской территории БиГ, о конкретных спорных территориях (прежде всего в районе Сараево) и об их значении для местных сербов.

Автор описывает недовольство отстраненных от переговоров представителей боснийских сербов и не скрывает пренебрежительного к ним отношения. Как политические, так и военные лидеры боснийских сербов изображены в качестве докучливых провинциалов, лишь мешающих настоящим переговорщикам. Даже случай с обмороком М. Крайшника после уступки мусульманам всех сербских районов Сараево для него был скорее любопытным анекдотом, а не прологом к трагедии исхода десятков тысяч жителей этих кварталов в начале 1996 г.

Он также практически не касается перипетий формирования единой сербской делегации с решающей ролью С. Милошевича, согласие на что было вырвано у руководства РС началом авиаударов НАТО.

Вуйович описывает свою сферу ответственности — поддержание технических контактов с американской делегацией (и в меньшей степени — с другими участниками переговоров). Особенно интересен его пересказ бесед и рассуждений С. Милошевича. Например — не совсем убедительное, но развернутое обоснование отказа от придания особого статуса Сараево попаданием столицы под полный контроль мусульманской стороны. Весьма живо показаны рассветные переговоры с делегацией Франции по сбитым пилотам,

отражающие тогдашние реальные приоритеты официального Парижа, его готовность к срыву переговоров ради внутривнутриполитических эффектов.

Некоторый новый свет проливает Вуйович и на российское участие в Дейтоне. Традиционно считалось, что Россия, вместе с другими их европейскими участниками, была полностью оттеснена американцами от переговорного процесса и лишь пассивно ожидала его исхода. Записки Н. Вуйовича показывают, что и в столь сложных условиях И. С. Иванов и его коллеги оказывали сербской делегации посильное содействие — в том числе информируя о состоянии дел по крайне важному для Белграда вопросу снятия санкций с Союзной Республики Югославии (СРЮ). Данные российской делегации помогали С. Милошевичу ориентироваться в переговорах с американцами.

Споры о том, добился ли Милошевич в Дейтоне максимума возможного или все же пошел на излишние уступки, не утихают в Сербии и Республике Сербской с самого конца 1995 г. Тем не менее практически общепризнанной стала оценка закрепленного в Дейтоне статуса Республики Сербской как главного (если не единственного) сербского исторического успеха эпохи распада Югославии. Действительно, на фоне череды тяжких поражений и территориальных утрат от 1991 г. до отделения Черногории в 2006 г. и сецессии Косово в 2008 г. создание ранее не существовавшей сербской автономии в Боснии и Герцеговине, к тому же наделенной широчайшими правами, и закрепление ее статуса на международном уровне выглядит вполне внушительно.

Автору присуща легкость стиля, бережно сохраненная в переводе А. А. Силкина. Единственное отличие перевода от исходного текста — постраничные сноски, кратко знакомящие читателя с упомянутыми в тексте действующими лицами, событиями и балканскими реалиями. Также в отдельных местах мы позволили себе указать на фактические неточности.

Записки Небойши Вуйовича — полезный исторический источник, он пригодится как балканистам, так и всем исследователям и практикам, интересующимся современными международными отношениями.

Г. Н. Энгельгардт

*Посвящаю книгу
супруге Весне и дочери Атине,
без которых это историческое
свидетельство не увидело бы свет*

Вместо предисловия

Перед вами свидетельство об одном из переломных периодов новейшей сербской истории. Прежде чем поделиться с вами тем, чему довелось быть свидетелем и участником, пришлось терпеливо прождать двадцать лет, в течение которых я обязан был хранить государственную тайну. Вместе мы проследим хронологию и драматичные события, произошедшие в 1995 г. и ставшие судьбоносными для трех народов, трех государств, региона и Европы в целом. Я старался достоверно представить всех действующих лиц «балканской драмы» и все события, ранее не известные общественности. Не исключено, что это книга развеет многие предрассудки и стереотипы, что совершенно необходимо. Ведь историки и современники должны оперировать ясными и недвусмысленными фактическими данными, дабы лучше понимать и трактовать события недавнего прошлого.

Н.В.

Гамбургер с острым сыром

Вашингтон, 25 апреля 1995 г. В 12:30 шофер нашего посольства Миодраг-Мича Джурджевич повез меня на обед с Дэйвидом Байндером⁷ — знаменитым корреспондентом *New York Times*, специализировавшимся на дипломатии и весьма неплохо осведомленным о сербской проблематике. Он на протяжении многих лет писал репортажи из Берлина, Праги и Белграда. Женат был на Хельге — германской гражданке, с которой познакомился во время командировки в Берлин. Там он успел написать книгу о Вилли Брандте — очень хороший портрет немецкого канцлера. Одна дочь у него родилась в Праге, а две других — в Белграде, где он тоже работал дипломатическим корреспондентом.

Столик я заказал в его любимом ресторане «Баристер»⁸. Мы, по сложившейся традиции, мельком поприветствовали друг друга, ведь это была очередная, и бог знает какая по счету наша встреча. Со времени моего приезда в августе 1990 г. он стал одним из самых близких моих друзей. Я знал, что он закажет, — гамбургер с острым сыром и картофель фри. А перед этим — «Джонни Уокер» с большим количеством льда. Я давно привык к американской кухне, поэтому составил ему компанию и тоже заказал гамбургер, но только с сыром чеддер и салат из помидоров с луком. Эти наши обеды не затягивались надолго, нам хватало часа или полутора, если выпадал случай обсудить что-то интересное. Дэйвид называл этот resto-

---

⁷ Дэйвид Байндер (David Binder) (р. 1931), дипломатический корреспондент *New York Times* в 1961–2004 гг. В период войн за югославское наследство один из немногих симпатизировавших сербам американских журналистов.

⁸ *Barrister* — адвокат.

ран «наш клуб» — из-за того, как часто мы в нем встречались. Здесь мы пересекались с Обрадом Кесичем⁹, который работал в Вашингтоне в компании *Irex*, а также с Игорем Масловым — российским дипломатом, который тоже хорошо разбирался в американских делах. Он где-то в конце 1990-х гг. уехал в Сан-Франциско, откуда его после известного конфликта двух дипломатических служб, разгоревшегося в связи со шпионским скандалом, выдворили с группой других российских коллег.

В тот день Дэйвид сказал, что у него состоялся неприятный разговор с главным и ответственным редактором Митчеллом Левитасом, поводом для которого стала статья об испанском командире одной из частей сил ООН. В Сараево произошло нападение на гражданских лиц из числа мусульман, стоявших в очереди за водой. Прилетела мина и убила много народа. Испанский лейтенант тогда на коричневом бумажном пакете записал, что мину выпустили с позиций боснийских мусульман. В то время ходили слухи, что мусульмане сами это сделали, чтобы вызвать возмущение международного сообщества, которое наказало бы после этого боснийских сербов и Сербию. Тот испанский офицер подтвердил свою позицию в разговоре с Питером Бруком¹⁰ — техасским писателем и автором колонки в выходившем раз в три месяца журнале *Foreign Affairs*. Однако Митч Левитас за эту якобы оскорбительную статью, которую Дэйвид написал для *New York Times*, подвергся серьезным нападкам со стороны американской администрации, а также боснийских мусульман и их лоббистов. Дэйвиду он сказал, что они старые друзья, и он опубликует любую его статью, но с условием, что тот не станет больше писать об «этих проклятых сербах».

---

⁹ Обрад Кесич (Обрад Кесић) — американский и сербский юрист и лоббист, советник ряда сербских политиков. С 2013 г. глава представительства Республики Сербской в США.

¹⁰ Питер Брук (Piter Brock), автор статьи «The Partisan Press», одного из первых анализов пристрастного и одностороннего освещения югославского конфликта ведущими западными СМИ, показавшего их априорно антисербский настрой. Публикация статьи привела к кампании обвинений его в лоббировании интересов Белграда. *Brock P. Dateline Yugoslavia: The Partisan Press // Foreign Policy. Winter, 1993–1994. № 93. Pp. 152–172.*

Дэйвид выглядел очень разочарованным и подавленным из-за разговора, состоявшегося утром того же дня. Поэтому он и предложил мне встретиться, — чтобы пожаловаться. Говорили, что мусульмане организовали еще одно аналогичное нападение на своих гражданских — теперь на тех, кто стоял за хлебом. Все это ради того, чтобы спровоцировать бомбардировки сербских позиций, которые и состоялись чуть позднее — летом 1995 г. Я сказал Дэйвиду, что разговаривал об этом происшествии с начальником политического управления Государственного департамента по Юго-Восточной Европе Джимом Свайгартом. Тому я напомнил, что есть рапорт испанского офицера, а также некоторые другие донесения и газетные статьи, свидетельствующие о том, что сербские военные формирования не обстреливали ни очередь за водой, ни очередь за хлебом. Свайгарту я заявил, что ему, несомненно, известно о статьях Питера Брука в журнале *Foreign Affairs*, Дэйвида Байндера в *New York Times*, журналиста Стивена Розенфильда¹¹ в *Washington Post* и даже Чарльза Краутхаммера¹², которые в один голос указывают, что сербы не виновны в мусульманских жертвах. Свайгарт мне на это ответил: «Небойша, важно, чтобы сербы отступили с позиций, с которых возможно обстреливать, и с которых из их оружия ведется огонь по Сараево. Если бы они отступили, как того требует американское правительство и парламент, и если бы прекратился обстрел Сараево, не было бы таких ситуаций, и не приходилось бы выяснять — кто виноват, а кто нет. Значит, сам факт, что сербы занимают эти позиции, ставит их в положение обвиняемых. Если бы они отступили туда, откуда нельзя обстреливать, ничего этого не произошло бы. Поэтому не важно, кто это сделал. Для правительства важно, чтобы войска отступили, чтобы прекратился обстрел Сараево,

---

¹¹ Стивен Розенфильд (Steven Rosenfeld) (1932–2010), сотрудник *The Washington Post* в 1959–2000 гг., член редколлегии газеты с 1961 г., замредактора отдела редакционных материалов в 1982–1999 гг., автор более 10 000 таких статей.

¹² Чарльз Краутхаммер (Charles Krauthammer) (1950–2018), журналист-комментатор, лауреат Пулитцеровской премии 1986 г., один из ведущих идеологов американского неоконсерватизма. Считал неоправданным вовлечение США в войны в бывшей Югославии.

так как это вызов всему международному сообществу. Не отвлекайтесь на незначительные детали, смотрите на глобальную картину в целом. Уберите сербские силы с гор, и нам не придется искать выход из таких ситуаций. Пока войска занимают высоты над городом, они априори будут виноваты, так как они здесь, и они обстреливают позиции противника в Сараево». Дэйвид меня внимательно выслушал и сказал, что, по его мнению, такова позиция американских властей безотносительно подобных отвратительных действий мусульман. Мы еще немного поговорили, выпили по бокалу вина, и я вместе с Мичей вернулся в посольство.

Случайная встреча

Из-за этого разговора в тот вечер я дольше обычного задержался на своем рабочем месте в посольстве. Обработывал информацию и готовил депеши, когда Милутин Новович — охранник, водитель и по совместительству домоправитель нашего посольства — сказал мне, что кто-то внизу звонит в дверь. Представившись Милутину конгрессменом, посетитель спросил, кто здесь главный, и сказал, что ему надо поговорить с ним. Я велел пустить его внутрь.

Спустившись на первый этаж, я увидел человека в домашнем халате и тапочках. Он сказал, что его зовут Билл Ричардсон¹³, что он конгрессмен из Нью-Мексико, а в Демократической партии его должность называется *deputy whip*. То есть он был «заместителем кнута» — того человека в партии, кто следит за дисциплиной в рядах однопартийцев, побуждая их приходить на заседания и участвовать в голосовании по определенным законопроектам. По его словам, он пришел, так как имел к нам одну серьезную претензию. А именно (было 19 часов и 10 минут), из-за жужжания, которое издавало наше здание или, точнее, наша антенна, он не мог спокойно смотреть вечернюю новостную программу, которая транслировалась с 19 до 20 часов. Конгрессмен попросил, чтобы мы, хоть и посольство, вели себя более предупредительно в отношении жителей района и, по возможности, приглушали шум антенны на время про-

---

¹³ Билл Ричардсон (William Blaine Richardson III), (р. 1947), американский политик, в 1983–1997 гг. член Конгресса США от штата Нью-Мексико. В середине 1990-х гг. по поручению президента Б. Клинтона осуществил ряд деликатных миссий в КНДР, Ирак, Бангладеш и др. В 1997–1998 гг. представитель США в ООН, в 1998–2001 гг. министр энергетики США, в 2002–2011 гг. губернатор штата Нью-Мексико.

граммы новостей. Я от души расхохотался и ответил ему, что у нас, по-видимому, технологически устаревшие громоздкие антенны, производящие такой шум.

Вообще, все, кто обращал внимание на облик посольства бывшей СФРЮ (в то время СРЮ)¹⁴ в Вашингтоне, утверждали, что никогда не видели более уродливого здания и такой большой антенны. Она была необходима для криптозащиты шифрованной радиосвязи между посольством и Министерством иностранных дел в Белграде. Позднему посетителю я пообещал, что попрошу нашего радиоинженера Бранислава Баича перенести время работы антенны с 19:00 на 20:30. Американец не только выразил мне горячую благодарность, отдав должное за то, как я отреагировал на просьбу соседа по улице, но и предложил вместе пообедать на днях. Так я познакомился с Биллом Ричардсоном, не зная еще, что чуть позднее, незадолго до конференции в Дейтоне именно он сыграет одну из ключевых ролей в преодолении кризиса на территории бывшей Югославии¹⁵.

---

¹⁴ СФРЮ — Союзная Федеративная Республика Югославия, название Югославии с 1974 г. до ее распада в 1992 г.; СРЮ — Союзная Республика Югославия, образованная Сербией и Черногорией после распада СФРЮ в 1992 г. и просуществовавшая до 2003 г. (преобразована в Государственное сообщество Сербии и Черногории, прекратившее существование с отделением Черногории в 2006 г.).

¹⁵ Возможно, автор все же несколько преувеличивает роль Б. Ричардсона в ходе Дейтонских переговоров.

Пятидневная миссия Милана Милутиновича

В середине мая, в воскресенье после обеда опять звонит мне Милутин Новович: «Шеф, лучше тебе приехать в посольство, тебя разыскивает наш посол в Греции, хочет увидеться». Я ответил, что буду через 15–20 минут. Столько мне требовалось, чтобы из городка Чеви-Чейз в Мэриленде, где я жил, добраться до Вашингтона.

Когда я приехал в посольство, на первом этаже на диване сидел посол СРЮ в Афинах Милан Милутинович¹⁶. После формального приветствия он сказал, что заехал меня проведать, что он очень высокого мнения о моей работе, и, будучи послом в Афинах, следил за отправляемой мной информацией и телеграммами. В Вашингтон его привела специфическая миссия, и, прежде чем приступить к ее выполнению, он счел нужным проконсультироваться со мной по нескольким вопросам. Во-первых, он спросил, что я думаю о конгрессмене Билле Ричардсоне. Я поведал ему про антенну и помехи в его телевизоре, упомянув, что расстались мы довольные друг другом и что он пообещал пригласить меня на обед. Милутинович

---

¹⁶ Милан Милутинович (Милан Милутиновић) (р. 1942) югославский и сербский политик, близкий к С. Милошевичу. В 1989–1995 гг. посол СФРЮ (с 1992 г. — СРЮ) в Греции, в 1995–97 гг. министр иностранных дел СРЮ, в 1990–2003 гг. президент Сербии. В марте 1999 г. возглавлял делегацию Сербии на переговорах по Косово в Рамбуйе, предшествовавших нападению НАТО на СРЮ, а в мае 1999 г. обвинен Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) в военных преступлениях в Косово. Милутинович не стал сопротивляться свержению С. Милошевича 5 октября 2000 г., и пришедшая к власти в Белграде оппозиция позволила ему остаться на посту президента Сербии. В 2009 г. единственным из участников процесса против политических и военных лидеров СРЮ был оправдан МТБЮ по всем пунктам обвинения.

сказал, чтобы я не ждал и сам при первой возможности пригласил его в ресторан, а после этого обязательно поделился с ним, что я думаю о Ричардсоне и его политическом весе. Общаясь с Ричардсоном, надлежало быть уклончивым и следить за тем, чтобы не выдать секретной информации.

Затем Милутинович рассказал, что у него запланировано еще две-три встречи в Вашингтоне, а после этого он собирался в Джорджию, чтобы встретиться с бывшим американским президентом Джимми Картером в его институте неподалеку от Атланты. Я вспомнил, что был на приеме, который Картер дал на католическое Рождество накануне своего отъезда в Боснию и Герцеговину, в Сараево. Тогда благодаря Картеру впервые удалось добиться соблюдения соглашений о прекращении огня¹⁷. Замолчали орудия, обстреливавшие Сараево с окрестных гор, и прекратились провокации мусульманских сил в отношении сербов, занимавших позиции над городом.

Перед поездкой в Сараево Картер, кроме меня, пригласил на прием и хорватского поверенного в делах Крешимира Чосича¹⁸ — прославленного баскетболиста, игрока сборной Югославии. В юности он учился в Юте, играл за местный колледж и стал мормоном. Чосич оставил о себе добрую память и в общине мормонов в Юте, и в Вашингтоне, куда его привела дипломатическая работа. Чуть раньше — в апреле того же года — Чосич на одном обеде признался мне, что США оказывают сильное давление на боснийских

---

¹⁷ Джеймс «Джимми» Картер (James “Jimmy” Carter) (р. 1924) — президент США в 1977–1981 гг. В 1981 г. основал Центр Картера, НПО в области международной гуманитарной деятельности и публичной дипломатии. Неоднократно привлекался руководством США к деликатным миссиям в такие страны, как КНДР, Судан, Никарагуа, Куба, Сирия, Египет, Тунис. В декабре 1994 г. он посетил Республику Сербскую, находившуюся в тот момент практически в полной изоляции, и содействовал достижению 4-месячного перемирия в БиГ, завершившего Бихачский кризис ноября-декабря 1994 г. Лауреат Нобелевской премии мира 2002 г.

¹⁸ Крешимир Чосич (Krešimir Ćosić) (1948–1995) — олимпийский чемпион 1980 г., двукратный чемпион мира (1970 и 1978 гг.), трехкратный чемпион Европы (1973, 1975, 1977 гг.), с 1992 г. министр-посланник в посольстве Хорватии в Вашингтоне.

хорватов и на официальный Загреб, принуждая к формированию Мусульманско-хорватской федерации¹⁹ — одного из так называемых энтитетов²⁰ Боснии и Герцеговины. Он не распространялся о деталях, о которых и не был осведомлен, просто обозначил направление американской политики. На приеме у Картера в Госдепе мы по большей части разговаривали об общих друзьях — баскетболистах клубов «Партизан», «Црвена звезда», «Задар» и «Югопластика». По словам Чосича, он понимал, что мы, то есть он и я, будучи представителями хорватского и сербского народов, являемся в некотором смысле отверженными, если смотреть с точки зрения магистрального направления американской политики²¹. И в шутку добавил, что мы, несмотря на это, по-видимому, неплохие люди. Мы оба рассмеялись. После этого вечера мы встречались один или два раза перед тем, как он скончался.

Потом Милутинович попросил меня подбросить его до отеля «Хилтон» на Капитолийском холме, где через полчаса у него была назначена встреча. Новович отвез нас, а когда мы подъехали к отелю, я проводил Милутиновича до дверей. Там он представил меня Крису Спиру²² — бывшему лидеру Демократической партии в аме-

---

¹⁹ Мусульманско-хорватская федерация (Федерация Боснии и Герцеговины) — одна из двух составных частей дейтонской Боснии, основана в марте 1994 г. по Вашингтонскому соглашению, прекратившему войну между боснийскими хорватами и мусульманами.

²⁰ Энтитеты (от англ. *Entities*) — обозначение двух составных частей (автономий) дейтонской Боснии — Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской.

²¹ Автор имеет в виду линию США на поддержку боснийских мусульман в гражданской войне 1992–1995 гг.

²² Крис Спиру (Chris Spiro) (р. 1942) — видный деятель демократической партии, один из лидеров греческой общины США, первый греческий эмигрант, избранный в Конгресс штата. В 1970–84 гг. член Палаты представителей штата Нью-Гемпшир, в 1974–84 гг. лидер демократического меньшинства в этой палате. В 1989 г. избран председателем демократической партии в Нью-Гемпшире, с 1991 г. — политический союзник и друг Б. Клинтона, оказывал поддержку клану Клинтон до президентских выборов 2016 г. С 1994 г. один из лоббистов переговоров с Белградом для урегулирования боснийского конфликта.

риканском штате Нью-Гемпшир. Когда мы познакомились, Спиру возглавлял парламент в одном из американских штатов. Впоследствии он претендовал на пост губернатора Нью-Гемпшира, но проиграл выборы республиканскому кандидату Джону Сунуну.

Милутинович остался в отеле, а я вернулся в посольство. Впоследствии я узнал, что у него была американская виза всего на пять рабочих дней, в течение которых он провел несколько встреч, в том числе и с конгрессменом Биллом Ричардсоном, с которым он встретился в «Хилтоне» в тот же день, когда я его подвозил.

Письмо Слободана Милошевича²³

Уже в начале июня Милутин Новович появился как-то раз в дверях моего кабинета: «Шеф, внизу женщина, она принесла дипломатический паспорт конгрессмена Билла Ричардсона и требует, чтобы ему срочно поставили визу». Я ответил, чтобы ее провели ко мне. Дама представилась шефом протокола Конгресса и заявила, что принесла просьбу о предоставлении визы Ричардсону. Ответив, что мы с ним знакомы, и он мой сосед, я рассказал ей о проблеме с антенной, которую мы решили к взаимному удовлетворению. После этого я спросил ее о цели поездки в Белград. Она сказала, что Ричардсона пригласил президент Милошевич, а наши люди из консулата переадресовали ее ко мне, потому что им требовалось согласие начальства для выдачи визы такому высокопоставленному лицу. Затем она извлекла из папки письмо, в котором было написано: «Приглашаю конгрессмена Билла Ричардсона в любое удобное для него время приехать и увидеться со мной в Белграде». Подпись — «президент Слободан Милошевич».

---

²³ Слободан Милошевич (Слободан Милошевић) (р. 1941) — югославский и сербский политик. В начале 1980-х гг. представитель югославского «Беобанка» в Нью-Йорке. В 1984 г. избран первым секретарем Белградского горкома Союза коммунистов Югославии (СКЮ), а в 1986 г. — председателем президиума ЦК Союза коммунистов Сербии, в мае 1986 г. был председателем президиума ЦК СКЮ, в 1986–1989 гг. был членом президиума Социалистической республики Сербии. 23–24 сентября 1987 г. на 8-м пленуме ЦК СК Сербии оттеснил от власти своего многолетнего покровителя Ивана Стамболича и утвердился в качестве лидера республиканской парторганизации. В 1988–1989 гг. организует так называемую «антибюрократические революции» в Воеводине, Косово и Метохии и Черногории и приводит к власти там своих сторонников, а также ограничивает автономию Воеводины и Косово в составе Сербии.

Я поинтересовался, когда Ричардсон планирует отправиться в дорогу. «Рано утром», – ответила она. Мне стало ясно, что из-за разницы во времени я не располагаю пространством для маневра и не могу отправить в Белград вопросы относительно выдачи визы. Я сразу распорядился удовлетворить ее просьбу. Ведь я не только познакомился с Ричардсоном и разговаривал с ним, но и увидел письмо за подписью президента Милошевича, которое само по себе было достаточным основанием для выдачи визы. Нечасто мне доводилось видеть корреспонденцию такого рода. Я был осведомлен о том, к какой технике и методам он прибегал в своей работе. Многие могли похвастаться тем, что имели бумагу с его автографом.

В 1990 г. преобразовал СК Сербии в Социалистическую партию Сербии. В 1990 г. и в 1992 г. избирался на пост президента Сербии. После распада Социалистической Федеративной Республики Югославии в 1992 г. инициировал создание Союзной Республики Югославии в составе Сербии и Черногории, в ходе войн 1991–1995 гг. изначально поддерживал сербские общины Хорватии и Боснии и Герцеговины в их борьбе за сохранение в составе Югославии и/или вхождение в Сербию, но под давлением международных санкций был вынужден отказаться от их поддержки, что привело к разгрому хорватскими войсками Республики Сербская Краина в августе 1995 г. и тяжелым поражениям Республики Сербской в августе-октябре 1995 г. В 1997 г. Милошевич избран президентом СРЮ. В ходе косовского кризиса 1998–1999 гг. он отверг требования западных держав о фактическом отказе от суверенитета над Косово, что привело к агрессии НАТО против Югославии в марте-июне 1999 г. Под угрозой тотальных бомбежек гражданских объектов страны Милошевич был вынужден пойти на вывод югославских войск и полиции из края и передачу Косово под контроль ООН и НАТО. Перед досрочными президентскими выборами в 2000 г. США оказали массированную помощь сербской оппозиции. С. Милошевич проиграл первый тур выборов кандидату оппозиции В. Коштунице и, столкнувшись с массовыми выступлениями своих оппонентов и отказом в повиновении со стороны спецназа госбезопасности, был вынужден оставить власть 5 октября 2000 г. 1 апреля 2001 г. был арестован новыми властями Сербии и 28 июня 2001 г. передан МТБЮ (обвинение в военных преступлениях было выдвинуто трибуналом еще в мае 1999 г., в разгар авиаударов НАТО). Процесс по его делу начался 12 февраля 2002 г., с дополнительными обвинениями в военных преступлениях в БиГ и Хорватии. На процессе С. Милошевич показал себя умелым юристом, опровергая доводы обвинения. 11 марта 2006 г. он скончался в своей камере после неоднократных отказов МТБЮ отпустить его на лечение в Москву.

Я вызвал Нововича и велел проводить даму, чтобы ей поставили в паспорт Ричардсона многократную визу на полгода. Это было мое решение, которое я принял в отсутствие времени на дополнительные проверки и консультации. Письмо, по моему глубокому убеждению, было подлинным. Проводив американскую гостью, довольную тем, как быстро она выполнила поручение, я позвонил Горану Милиновичу — шефу протокола Слободана Милошевича. Выслушав мой отчет, он сказал, что я все сделал правильно.

Первые очертания новой Боснии

В течение следующей недели, в середине июня, у меня состоялись интенсивные дипломатические переговоры и встречи с представителями дипломатического корпуса в Вашингтоне, потому что представители Госдепа и Совета национальной безопасности (NSC²⁴) были абсолютно недоступными для общения. Нельзя было не заметить, что мои собеседники вели себя особенно сдержанно, когда речь заходила о Боснии и Герцеговине, а в воздухе витало ощущение, что «заваривается» что-то серьезное. Первым карты передо мной открыл советник греческого посольства Янис Янокопулос. По его словам, американская администрация составила план формирования Мусульманско-хорватской федерации, который был предъявлен мусульманам и хорватам как дело решенное, не подлежащее обсуждению. Еще одним «энтитетом» станет Республика Сербская. Раздел территории будет следующим — 51 % на 49 % в пользу Мусульманско-хорватской федерации.

В переговорах в Вашингтоне участвовали следующие представители боснийских мусульман: Алия Изетбегович²⁵, Неджиб

---

²⁴ Совет национальной безопасности США (National Security Council) — создан в 1947 г. как основной консультативный орган для координации спецслужб, вооруженных сил, государственного департамента и советников президента США в вопросах национальной безопасности.

²⁵ Алия Изетбегович (Alija Izetbegović) (1925–2003) — боснийский мусульманский политик. В 1943–1945 гг. активист движения «Молодые мусульмане», в 1947 г. осужден за пособничество оккупантам, в 1970 г. написал «Исламскую декларацию», изложив в ней идеи исламского фундаментализма. В 1983 г. за нее был осужден на Сараевском «процессе 11-ти». Освобожден в 1988 г., в 1989–1990 гг. возглавил создание национального движения боснийских

Шачирбегович²⁶ и его сын Мухаммед Шачирбей²⁷, изменивший собственную фамилию. Хорватскую сторону представлял Крешимир Зубак²⁸, однако решающее слово оставалось за державшимся в тени хорватским послом Миомиром Жужулом²⁹, который получил

мусульман Партии демократического действия (ПДД). В 1990 г. избран председателем Президиума БиГ, в 1991–1992 г. возглавлял борьбу за отделение БиГ от СФРЮ. В 1992–1996 гг. председатель Президиума БиГ, глава боснийских мусульман, руководивший ими в ходе боснийской войны. Участник Дейтонских переговоров. В 1996–2003 гг. член Президиума БиГ от бошняков.

²⁶ Неджиб Шачирбегович (Nedžib Šaćirbegović), (р. 1926) – боснийский мусульманский политик, соратник А. Изетбеговича по движению «Молодые мусульмане», вместе с ним осужденный в 1947 г. В 1963 г. эмигрировал из Югославии, а в 1967 г. поселился в США, в 1973 г. получил американское гражданство, сменив фамилию на Шачирбей и работал психиатром. С 1992 г. стал специальным представителем А. Изетбеговича в США.

²⁷ Мохамад Шачирбегович, или Мохамад «Мо» Шачирбей (Mohamad Šaćirbegović Mohamad “Mo” Sacirbey) (р. 1956) – боснийский и американский политик, сын Н. Шачирбеговича. В 1992–2000 гг. представитель БиГ в ООН, в мае-ноябре 1995 г. – глава МИД БиГ. Один из наиболее активных лоббистов вовлечения США в боснийский кризис. В 2000 г. уволен с поста представителя БиГ в ООН по обвинению в хищении средств. В 2003 г. арестован в США по запросу БиГ, в 2004 г. выпущен под залог, а в 2009 г. суд отказал в его экстрадиции в Боснию.

²⁸ Крешимир Зубак (Krešimir Zubak) (р. 1947) – боснийский хорватский политик. В 1994 г. сменил М. Бобана на посту президента Херцег-Босны (непризнанного государства боснийских хорватов), а после подписания Вашингтонского соглашения избран первым президентом мусульманско-хорватской Федерации БиГ (1996–1997). В 1996–1998 гг. член Президиума БиГ от хорватов. В 1998 г. проиграл борьбу за лидерство в Хорватском демократическом содружестве БиГ, вышел из партии и создал собственную структуру, «Новую хорватскую инициативу» (НХИ), опиравшуюся на поддержку международных структур в БиГ. В 2001–2002 гг. министр по правам человека и по делам беженцев в правительстве «Альянса за перемены». В 2010 г. отошел от политической деятельности.

²⁹ Миомир Жужул (Miomir Žužul) (р. 1955) – хорватский дипломат и политик. В 1992–1993 гг. заместитель министра иностранных дел Хорватии и советник по национальной безопасности президента Ф. Туджмана, а также председатель Комитета по внешней и политике и международным отношениям Президентского совета Хорватии в 1995–1999 гг. В 1993–1996 гг. представитель Хорватии в ООН, затем в 1996–2000 гг. посол Хорватии в Вашингтоне.

назначение после кончины Крешимира Чосича. По итогам непродолжительных переговоров, сопровождавшихся серьезным давлением со стороны американцев, удалось достичь соглашения о формировании Мусульманско-хорватской федерации. По требованию мусульман из документов была изъята принципиальная договоренность о соотношении территорий новосозданной федерации и Республики Сербской³⁰ (51% и 49%, соответственно). Эту информацию мне подтвердил советник итальянского посольства Стефано Стефанини, а затем и германский министр-советник Штайнер (позднее он погиб в Боснии вместе с боснийским министром обороны Дервишбеговичем в результате падения вертолета).

Получив подтверждение информации, я отправил ее вместе с кратким указанием источников в Белград, а также в нашу постоянную миссию при ООН в Нью-Йорке. При этом я указал, что теперь, имея на руках соответствующие аргументы и карты, я собираюсь вступить в переговоры с представителями Государственного департамента и NSC. На следующий день я разговаривал с Энди Воржбером — старшим директором в Совете национальной безопасности (по-видимому, имеется в виду Александр Вершбоу³¹. — *Прим. перев.*). Ему я рассказал о том, что мне стало известно, не называя

В 2003–2005 гг. министр иностранных дел в правительстве Иво Санадера, был вынужден подать в отставку из-за обвинений в коррупции. Считался одним из самых проамериканских политиков в руководстве страны.

³⁰ Республика Сербская — государственное образование боснийских сербов, созданное в ходе гражданской войны 1992–1995 гг. и получившее юридическое закрепление по Дейтонским соглашениям, предоставившим РС статус одной из двух составных частей БиГ, наделенной весьма широкой автономией.

³¹ Александр «Сэнди» Вершбоу (Alexander “Sandy” Vershbow) (р. 1952) — американский дипломат, специалист по России. В 1993–1994 гг. заместитель помощника госсекретаря США по делам Европы и Канады, затем в 1994–1997 гг. специальный помощник президента США и старший директор по делам Европы в Совете национальной безопасности США. В 1998–2001 гг. постоянный представитель США в НАТО, в 2001–2005 гг. посол США в России, а в 2005–2008 гг. посол США в Южной Корее. В 2009–2012 гг. заместитель министра обороны США по вопросам международной безопасности, в 2012–2016 гг. заместитель генерального секретаря НАТО.

при этом имен европейских коллег, поделившихся со мной сведениями. Подтвердив их достоверность, мой собеседник лестно отозвался о моей осведомленности. По его словам, в Вашингтоне про меня говорили следующее: «Если вы выставите Небойшу Вуйовича за дверь, он залезет к вам в окно. Если вы его выкинете и закроете окно, он проберется сквозь дымоход. Везде, где происходит что-нибудь важное, всегда окажется Небойша Вуйович, даже если это ваш собственный дом». Я рассмеялся в ответ: «Что мне остается? Меня избегают, приходится изворачиваться, заниматься гимнастикой».

Признав еще раз точность моих данных, Воржбер посетовал на то, как непросто пришлось им с боснийскими мусульманами, из-за которых атмосфера в ходе переговоров была очень напряженной. В конце концов, сооротив скорбные мины, — продолжал мой собеседник, — они приняли американское предложение и согласились на формирование Мусульманско-хорватской федерации. Более выгодные для себя условия пытались выговорить и хорваты из БиГ и Хорватии, которые тоже настаивали на том, чтобы не определять наперед, сколько кому достанется процентов совокупной территории. Этот вопрос они считали нужным обсуждать в ходе мирной конференции, если таковая состоится. На самом деле в то время ни хорватам, ни мусульманам не нравилась идея федерации. Не устраивает она их и сегодня. И те, и другие хотели иметь отдельные «энтитеты». Американцы придерживались формулы: 51 % — мусульманам и хорватам, а 49 % — сербам. Я на это возразил, что подобное решение противоречит демографии и топографии Боснии и Герцеговины. Как народ сербы располагают большинством и проживают на 64 % территории БиГ, которые находятся под контролем их вооруженных сил³². Поэтому доля, предложенная мусульманам и хорватам, отнюдь не так мала. Однако, подчеркнул я, если дело дойдет до мирной конференции, а нельзя не заметить, что США что-то «замышляют», мы будем готовы к переговорам.

---

³² Автор, видимо, имеет в виду тезис о том, что боснийские сербы владели 64 % всех частных сельскохозяйственных земель в БиГ, часто использовавшийся лидерами РС для обоснования прав сербской общины на самоопределение. На начало 1995 г. войска РС контролировали около 70 % территории БиГ.

После этого я отправился в Госдеп, где имел беседу с политическим директором по Юго-Восточной Европе Джимом Свайгартом. Он также подтвердил верность имеющейся у меня информации, добавив, что удалось добиться значительного прогресса в создании дорожной карты мирного процесса. Я попросил его разузнать в Госдепе, когда мне просить о встрече, чтобы меня проинформировали надлежащим образом, как это принято в дипломатии. Потому что сам я на протяжении всей своей дипломатической карьеры никогда не вел себя иначе по отношению к коллегам. Ведь не должен я слоняться по всяким ресторанам и отелям, дергать за рукав европейцев, чтобы из вторых-третьих рук узнавать о том, что происходит. Недопустимо, добавил я, чтобы те, кому принадлежит решающее слово, держали в курсе мусульман и хорватов, обсуждали с ними стратегию преодоления конфликта, а я, будучи представителем СРЮ, был вынужден окольными путями добывать информацию о происходящем. В ответ он улыбнулся и сказал, что понял меня, и что я могу звонить в любое время, когда мне понадобится поговорить с ним.

Вскоре ситуация действительно изменилась к лучшему, однако мне по-прежнему всерьез казалось, что о некоторых вещах мне недоговаривают. Я задействовал свою «связь с местным обществом»³³, свой контакт в Пентагоне, или, проще говоря, обратился к своему другу Грегу Вукшичу, который когда-то работал помощником американского военного атташе в Белграде, а после этого служил в Оборонно-разведывательном агентстве сухопутных войск. Это был исключительно корректный человек. Встретившись со мной в одном из ресторанов в Вирджинии, он сообщил мне, что американское правительство наняло Корпорацию профессиональных военных в отставке (Military Professional Retired Incorporated — MPRI) — американскую частную компанию, принадлежавшую отставным офицерам и торговавшую оружием. С помощью MPRI власти США поставляли его хорватам в Хорватии и Боснии³⁴.

³³ Человек, с помощью которого устанавливаются контакты (так в тексте. — Прим. перев.).

³⁴ Точное название — *Military Professional Resources Incorporated*. Одна из старейших американских частных военных компаний (ЧВК), созданная высшими генералами армии США MPRI, не поставляла оружия армии Хорватии,

Вообще, в Америке принято, чтобы офицеры, уходя на пенсию и получая выходное пособие, основывали частные фирмы по продаже оружия и тем самым зарабатывали себе на жизнь. Обычно они сотрудничают с крупными военно-промышленными компаниями: *Texas Instruments, Gedeon, Northrop Grumman, Boeing, Lockheed* и т. п. MPRI снабдила хорватов в Хорватии и БиГ эффективным вооружением, с помощью которого им удалось непосредственно накануне переговоров в Дейтоне осуществить серьезное наступление на позиции боснийских сербов. Американцы полагали, что перед переговорами в Дейтоне следовало «установить баланс сил на игровой площадке» (*level the playfield*, как они это называют). В какой-то момент хорваты даже двинулись на Баня-Луку, но отступили³⁵. Тем не менее они добились серьезного успеха, проведя наступление в направлении городов Шипово, Бихач и Славонски-Брод³⁶. С помощью этих операций, специально приуроченных к началу переговоров, американская администрация стремилась ослабить позиции сербов и вынудить их согласиться на раздел территорий по формуле 51 % на 49 % в пользу Мусульманско-хорватской федерации.

Все это мне подтвердил и Джим Брайт — заместитель главы Оборонно-разведывательного агентства сухопутных войск. Этот

но оказала ей услуги как в области подготовки личного состава, прежде всего — командного к ведению боевых действий, так и в разработке операции «Буря» по разгрому Республики Сербская Краина в августе 1995 г. В последующем MPRI привлекалась правительством США к подготовке армии ФБиГ, армий Афганистана, Ирака, Уганды, Колумбии и др.

³⁵ Речь идет о наступлении хорватских и мусульманских войск в Западной Боснии в октябре 1995 г., остановленном под жестким нажимом США на подступах к крупнейшему городу РС Баня-Луке.

³⁶ Автор смешивает события летне-осеннего наступления хорватских и мусульманских войск в Западной Боснии. Так, г. Бихач был деблокирован хорватами в ходе операции «Буря» против РСК в начале августа 1995 г.; находившийся всю войну под хорватским контролем г. Славонски-Брод ошибочно упомянут вместо соседнего Босански-Брода (занят сербами в 1992 г.), а г. Шипово был взят хорватскими войсками в сентябре 1995 г. Собственно, хорватско-мусульманское наступление качественно изменило территориальный баланс в БиГ, так как под контролем сербов осталось заметно менее 49 % территории республики.

«рабочий контакт» в Пентагоне тоже был исключительно корректным собеседником. К тому же он был женат на македонке. Все сведения я скрупулезно передал в Белград. Американский департамент нашего МИДа поручил мне выразить Госдепу протест в связи с поставками оружия хорватам и мусульманам через компанию MPRI. В срочном порядке я отправился к Джиму Свайгарту. Встретившись с ним, я заявил, что снова от третьих лиц мне стало известно, что MPRI вооружает хорватов в Хорватии и Боснии. Делается это с целью проведения масштабного наступления на позиции боснийских сербов, что серьезно осложняет ситуацию и делает ее взрывоопасной. Я подчеркнул, что Белград крайне взволнован, и что необходимо срочно положить конец подобным действиям, которые могут поставить под сомнение перспективу проведения мирной конференции и, в целом, процесс мирного урегулирования в БиГ. Я также выразил негодование в связи с тем, что не был проинформирован и об этой операции, о которой мне снова пришлось добывать сведения окольными путями. Все произошедшее я назвал военными играми американской администрации. Свайгарту не оставалось ничего другого, как подтвердить, что таков их план, с помощью которого они хотели установить равновесие на фронте. А без него, по их мнению, — невозможно политическое решение конфликта.

Полный отчет об этих встречах я отправил в наш МИД.

Американцы перехватывают инициативу

Через несколько дней после моего разговора с Джимом Свайгартom в Госдепе состоялся брифинг специального посланника на Балканах Джона Корнблюма³⁷, на котором, кроме меня, присутствовали представители боснийских мусульман и хорватов, а также чиновник из посольства Хорватии. Нам рассказали, что в ближайшее время — после проведения нескольких дополнительных консультаций и поездок по региону, а также переговоров с ключевыми фигурами — президентами Милошевичем, Туджманом и Изетбеговичем — американская администрация планирует очертить план долгосрочного решения проблемы Боснии и Герцеговины. Нас попросили оповестить свои правительства, что руководящая роль в преодолении кризиса перешла к Вашингтону.

Я отправил соответствующее донесение в Белград, однако ответа не последовало. Вместо этого главная ассистентка помощника государственного секретаря Ричарда Холбрука Розмари Гикаш снова пригласила нас в Госдеп, где сообщила, что на одной из американских военных баз планируется проведение мирной

---

³⁷ Джон Корнблюм (John Kornblum) (р. 1943) — американский дипломат и бизнесмен, входил в Управление политического планирования Госдепартамента США в 1973–75 гг., руководитель Центральноевропейского отдела Госдепартамента в 1981–1985 гг., посол США и замкомандующего войсками в Берлине в 1985–1987 гг., замглавы миссии США при НАТО в 1987–1991 гг., глава миссии США при ОБСЕ в 1991–1994 гг. В 1995–1997 гг. занимал пост помощника госсекретаря США по европейским делам и специального посланника по Балканам. Затем, в 1997–2001 гг. американский посол в Германии, позже стал президентом банка Lazard Freres (2001–2009), входил в советы директоров крупнейших германских компаний.

конференции. В спокойной обстановке ее участники, огражденные от давления со стороны СМИ, обсуждали бы в двустороннем и многостороннем порядке пути устойчивого мирного урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине. С опозданием на встречу появился и Холбрук³⁸ в сопровождении группы помощников, именовавшейся *American Task Force*, которая, по моим прикидкам, тогда насчитывала 50 человек. Это подразделение, специализацией которого были проблемы политической безопасности, ежедневно отслеживало развитие кризиса в бывшей Югославии и готовило план действий, подразумевавший в том числе и применение силы. У группы было пять руководителей: Ричард Холбрук — помощник

---

³⁸ Ричард Холбрук (Richard Holbrooke) (1941–2010) — американский дипломат и банкир. Начал карьеру во Вьетнаме, сотрудником «программы аграрного умиротворения», затем помощником посла США в Южном Вьетнаме, а позже — вошел в группу экспертов Белого дома по региону. В 1968 г. был включен в состав делегации США на мирных переговорах в Париже. В 1972–1976 гг. управляющий редактор журнала *Foreign Policy* и соредатор журнала *Newsweek International*. В 1977–1981 гг. помощник госсекретаря США по Восточной Азии и Тихому океану. С приходом к власти республиканцев Холбрук в 1981 г. уходит в бизнес, в 1985–1993 гг. он управляющий директор банка *Lehman Brothers*. В 1992 г. консультировал по внешней политике Б. Клинтона в ходе предвыборной кампании, в том числе выступая за активизацию США на Балканах. В 1993–1994 гг. посол США в Германии, сыграл важную роль в выработке американской позиции по расширению НАТО и по боснийской войне. В 1994–1996 гг. занимал пост заместителя Госсекретаря по Европе и стал ключевым координатором балканской политики США, главным организатором Дейтонских переговоров и заключенных на них соглашений. Покинув Госдепартамент, стал вице-президентом банка *Credit Suisse First Boston* и на общественных началах спецпредставителем президента США по Балканам и Кипру в 1996–1999 гг. В 1998–1999 гг. принимал участие в переговорах по Косово, оказывая давление на президента СРЮ С. Милошевича. В 1999–2001 гг. был представителем США в ООН, где добился существенных скидок при уплате задолженности США по взносам в эту организацию. Затем возглавил НПО «Глобальная бизнес коалиция против ВИЧ, туберкулеза и малярии» (с 2011 г. — *GBC Health*), был внешнеполитическим советником Х. Клинтон при выдвижении ее кандидатуры в 2008 г., предлагался ею на пост госсекретаря, но был назначен президентом Б. Обамой в 2009 г. на должность спецпредставителя США по Афганистану и Пакистану. Отсутствие успехов на этом поприще привели к смерти от сердечного приступа в декабре 2010 г.

государственного секретаря по делам Европы и специальный представитель президента США по бывшей Югославии; Джеймс Пердью³⁹ — специальный советник по вопросам военной безопасности и разработчик военных вариантов решения тех или иных проблем; генерал Уэсли Кларк⁴⁰; Джон Корнблюм, который вскоре отправился послом в Германию; сменивший его Дэйвид Липтон⁴¹ — по-

---

³⁹ Джеймс Пердью (James Pardew) (р. 1944) — американский военный разведчик (1966–1994) и дипломат (1995–2008). В 1995 г. возглавил Балканскую группу в управлении замминистра обороны по политическим вопросам, в августе 1995 г. был назначен представителем министра обороны США в американской переговорной группе. В 1996–1998 гг. возглавил американскую программу «Обучи и вооружи» по переоснащению армии ФБиГ. В 1999–2001 гг. был заместителем специального советника президента США по демократизации Балкан, участвовал в переговорах по Косово, был американским координатором наблюдательной миссии в Косово в 1998–1999 гг. (предшествовавшей воздушной кампании НАТО). В 2001 г. возглавил американскую делегацию на Охридских переговорах, завершивших македонско-албанский конфликт в Македонии и приведших к реформе устройства этой страны. В 2002–2005 гг. посол США в Болгарии, в 2005–2008 гг. помощник замгенсекретаря НАТО по управлению кризисами, отвечал за операции в Косово, Афганистане и Ираке.

⁴⁰ Уэсли Кларк (Wesley Clark) (р. 1944) — в 1994 г. генерал-лейтенант армии США. В 1969–1970 гг. служил во Вьетнаме, в начале 1990-х выступал за внедрение цифровых технологий в военное дело. В 1994 г. назначен начальником отдела стратегического планирования и политики Объединенного комитета начальников штабов США, отвечал за операцию в Боснии. В рамках своих обязанностей посетил командующего армией РС генерала Ратко Младича, обменявшись с ним фуражками, что позднее привело к кампании нападков в его адрес. Был включен в состав американской переговорной группы. В 1996–1997 гг. глава Южного командования ВС США, в 1996 г. получил звание полного (четырёхзвездного) генерала армии США, с 1997 по 2000 г. командующий ВС США в Европе и Верховный главнокомандующий НАТО. В. Кларк руководил действиями альянса в ходе войны против Югославии в 1999 г. При занятии российским отрядом аэродрома Слатина под Приштиной 10 июня 1999 г. требовал от своих британских подчиненных применения силы против контингента ВС РФ. В 2000 г. вышел в отставку, участвовал в демократических праймериз на президентских выборах 2004 г.

⁴¹ Дэвид Липтон (David Lipton) (р. 1953) — американский экономист и финансист. В 1981–1989 гг. экономист в Международном валютном фонде (МВФ). В 1989–1992 гг. входил в группу Дж. Сакса, консультировавшую власти России, Польши и Словении по переходу к рыночной экономике, в 1993–1997 гг.

мощник министра финансов. Заместителем последнего работал Марк Медиш⁴² — исключительно корректный человек, близкий нам по происхождению. Он всегда информировал меня о том, что происходит. В руководство *Task Force* также входили Роберт Фрейзер⁴³ — заместитель помощника госсекретаря, а также Нельсон Дрю⁴⁴ и Джо Фрейзер. Примечательно, что мужем его сестры был никто иной, как Мухаммед Шачирбей. Эти трое американцев, перечисленные последними, впоследствии погибли в автокатастрофе на горе Игман в БиГ⁴⁵.

помощник министра финансов США по Восточной Европе и постсоветскому пространству, а в 1997–1998 гг. заместитель министра финансов США по международным вопросам (отвечал за борьбу с азиатским финансовым кризисом). В 2008–2011 гг. был старшим директором по международной экономике в Национальном экономическом совете и Совете национальной безопасности США. С 2011 г. — первый заместитель директора-распорядителя МВФ.

⁴² Марк Медиш (Mark Medish) американский юрист и финансист. В 1994–1996 гг. был спецпомощником координатора по Европе и новым независимым государствам в Агентстве по международному развитию США, старшим советником руководителя Программы развития ООН. После Дейтона (в 1997–2000 гг.) помощник по международным вопросам замминистра финансов США, курировал Центральную Европу, постсоветское пространство, Ближний Восток и Южную Азию. В 2000–2001 гг. — спецпомощник президента США и старший директор по России, Украине и Евразии в Совете национальной безопасности. Член Совета по внешней политике, в 2006–2008 гг. вице-президент Международного фонда Карнеги.

⁴³ Роберт Фрейзер (Robert Frasure) (1942–1995) — американский дипломат, в 1989–1991 гг. директор по Африке в СНБ США, в 1991–1994 гг. первый посол США в Эстонии. С 1994 г. помощник замгоссекретаря США, курировал боснийскую политику.

⁴⁴ Нельсон Дрю (Nelson Drew) (1948–1995) — полковник армии США, занимал ряд разведывательных и штабных должностей в США и НАТО, в 1995 г. назначен директором по европейским делам в СНБ США, отвечал за разработку военных аспектов американской политики в Боснии.

⁴⁵ Автор несколько ошибается. Третьим американцем, погибшим при падении БТР с горной дороги на горе Игман близ Сараево 19 августа 1995 г. был Джозеф Крюзел (1945–1995) помощник замминистра обороны США и один из разработчиков программы НАТО «Партнерство во имя мира».

Ружье Милошевича

В конце сентября конгрессмен Ричардсон пригласил меня отобедать с ним: «Давай, я тебя выведу на прогулку из вашего дома, который трясется от этой огромной антенны. Заодно расскажу, как я съездил, как погостил у президента Милошевича». В Сербии американца отвезли в охотничьи угодья в Караджорджево⁴⁶, и там он получил от гостеприимного хозяина, возможно, самый ценный подарок в своей жизни — превосходное, стильное, сделанное вручную охотничье ружье, на котором была выгравирована надпись: «Моему дорогому другу Биллу Ричардсону от Слободана Милошевича». Сейчас это ружье находилось в вашингтонской резиденции Ричардсона, который собирался забрать подарок в свой дом в Санта-Фе, который он долго строил. Ружье должно было украсить стену над великолепным камином в его гасиенде, служившей предметом его гордости. Слушая этот рассказ, я не переставал думать об апрельском приезде Милутиновича и его встрече с Ричардсоном на Капитолийском холме, а также о создании, по настоянию США, Мусульманско-хорватской федерации. Началась подготовка к предстоящему перекачиванию друг другу мяча, к которому во многом сводятся мирные переговоры, в том числе и по урегулированию боснийского кризиса.

Когда я во время разговора, обращаясь к нему, по обыкновению, назвал его конгрессменом, он перебил меня: «Небойша, прошу тебя,

---

⁴⁶ Караджорджево (Карађорђево) — заповедник, охотничье хозяйство в Воеводине (Сербия). С 1957 г. — государственная резиденция, а с 1973 г. — «Военный объект Караджорджево». В 1957–1980 гг. — одна из излюбленных резиденций Й. Броза Тито.

зови меня Билл. Не говори мне “конгрессмен Ричардсон”». Я предложил позвать с нами на обед и Небойшу Човича — градоначальника Белграда⁴⁷, который со своей командой совершал поездку по Юте, Лос-Анджелесу, Вашингтону и Нью-Йорку. Согласившись, Ричардсон сказал, что завтра позвонит и скажет, в какой ресторан отправимся. Около 10 утра он сообщил, что обедать будем в знаменитом ресторане «Ротонда», расположенном под куполом американской Палаты представителей.

---

⁴⁷ Небойша Чович (Небојша Ћовић) (р. 1958) — сербский политик. В 1994–1997 гг. мэр Белграда. В ходе кризиса после муниципальных выборов в 1997 г. вступил в конфликт с С. Милошевичем и был исключен из правившей Социалистической партии Сербии (СПС). Стал оппозиционером, создав «Демократическую альтернативу», вступил в оппозиционную коалицию ДОС. После свержения С. Милошевича 5 октября 2000 г. стал вице-премьером правительства ДОС. В 2000–2003 гг. глава координационных центров по Южной Сербии и Косово и Метохии в правительстве Сербии. С 2011 г. президент белградского баскетбольного клуба «Црвена Звезда».

Тайна больше не тайна — новое место проведения: Дейтон

За обедом Ричардсон в двух словах рассказал нам, что у него сложилось исключительно благоприятное впечатление по итогам переговоров с президентом Милошевичем, состоявшихся в Белграде и Караджорджево. Тот ясно дал понять, что хочет внести решающий вклад в завершение войны в Боснии и согласен с тем, что нужно создать необходимые условия для проведения мирной конференции. В какой-то момент Чович оставил нас, чтобы осмотреть здание Палаты представителей, а мы, оставшись за столом вдвоем, продолжили беседу. Я спросил — где состоятся переговоры? Ричардсон ответил, что есть планы провести их на военно-морской базе Норфолк в Вирджинии. Он подчеркнул, что решение принято, но говорить об этом никому нельзя. Эта информация предназначалась только мне.

После встречи я отправил в Белград телеграмму, в которой изложил суть нашего разговора. И, хотя Ричардсон просил меня не распространяться, я сообщил, что, согласно американскому плану, конференция пройдет в Норфолке. Я не мог скрыть столь важную информацию. Через два дня *Washington Post* напечатала, что мирные переговоры пройдут в Норфолке. «Долго» же сами американцы хранили тайну. Тем временем из МИДа, из канцелярии министра, пришла телеграмма, в которой сообщалось, что прежний министр иностранных дел Владислав Йованович⁴⁸ отправляется послом СРЮ при ООН, а на его место назначен посол в Греции Милан Милутинович.

---

⁴⁸ Владислав Йованович (Владислав Јовановић) (р. 1933) — югославский и сербский дипломат, министр иностранных дел СРЮ в 1992 г. и в 1993–1995 гг., представитель СРЮ при ООН в 1995–2000 гг.

Вскоре пришла телеграмма от Милутиновича, который интересовался — в каких условиях делегации будут жить на базе Норфолк, как предполагается разместить отдельные делегации, где их расселят и т. п. Просил раздобыть как можно больше логистической информации о военно-морской базе, узнать, какую погоду можно ожидать в ноябре, чтобы члены делегации не ошиблись с выбором одежды. Новый министр также велел передать американцам, что делегация весьма многочисленная, что прибудет на отдельном самолете и т. д. После многочасовых изысканий и бесед с коллегами из Госдепа — с Джимом Свайгартом, шефом отдела Госдепа по СР Югославия, Джоном Барли и Джимом Брайтом из Пентагона — я отправил депешу, в которой имелись ответы на все вопросы. Сразу после этого позвонила Розмари Гикаш и сказала, чтобы я в 16 часов явился в Госдеп, куда, кроме меня, приглашены представители хорватского посольства, а также хорваты и мусульмане из Боснии и Герцеговины.

Войдя быстрым шагом в зал, Ричард Холбрук сразу заявил, что хотел бы поставить нас в известность, что предстоящие переговоры (автор неверно переводит *proximate* как решающий. — *Прим. перев.*) состоятся не в Норфолке, а на американской военно-воздушной базе Райт-Паттерсон, расположенной в штате Огайо неподалеку от города Дейтон. Американские власти не скрывали раздражения в связи с тем, что пресса прознала про Норфолк и уже начала строить там свои «бастионы» и корпункты. Стремясь предотвратить утечку информации, американцы собирались провести переговоры за закрытыми дверями подальше от электронных и печатных СМИ. Подчеркивалось, что во время мирных переговоров в Райт-Паттерсоне будет действовать *gag order* — запрет на какую-либо коммуникацию с внешним миром. Вход и выход с базы будет затруднен, планируются жесткие меры поддержания безопасности и секретности, дабы отсечь всех, кто попытается что-нибудь выведать или нарушить течение и порядок проведения конференции.

Обо всем этом я сразу проинформировал МИД. Уже на следующее утро поступила телеграмма из министерства, в которой от меня требовали ускорить получение от Госдепа и американского правительства разрешения на прилет специального самолета с передовой

группой, а затем и самолета с делегацией во главе с президентом Милошевичем. Я сразу связался с Джимом Свайгартом, который сообщил, что имеется техническое затруднение. А именно, один из наших двух бортов не имеет системы автоматического предотвращения столкновения (*Automatic Collision Avoidance System*), которой, согласно американским законам и требованиям Федеральной авиационной администрации (*Federal Aviation Administration — FAA*), должны оснащаться все самолеты. Однако это, по словам Свайгарта, не должно стать проблемой, так как американские власти найдут другой способ следить за полетами и контролировать воздушное пространство во время приближения самолета без указанной системы. В 17:00 я получил положительный ответ Госдепа, подтвердившего, что разрешен прилет обоих судов.

Время установлено

Вскоре пришла новая телеграмма от министра Милутиновича, который велел мне немедленно отправляться в Дейтон на базу Райт-Паттерсон и подготовиться к приему рейса с передовой группой. В качестве руководителя оной мне также надлежало проверить условия размещения делегации, а также организовать специальный центр связи. О всех приготовлениях к конференции мне следовало ежедневно оперативно сообщать лично министру и никому другому.

Утром я вылетел из Вашингтона в Дейтон, где меня встретили Джон Барли, лейтенант Дэйв Миллер — офицер связи, предоставленный Пентагоном в распоряжение нашей делегации, а также Дэнни Стоянович — тоже офицер связи и наш официальный переводчик, который мог понадобиться в случае, если бы нам потребовался перевод. Стоянович, у которого, судя по фамилии, были сербские корни, понимал наш менталитет, поэтому с ним было легко и приятно сотрудничать. С момента приземления самолета с передовой группой мы называли Дэнни Стояновича исключительно «Срба». Срба оказался незаменимым человеком в решении всяческих логистических проблем: добывания автомобилей или микроавтобусов для поездок в город и совершения покупок; резервации мест в ресторанах; организации встреч; резервации конференц-залов и т. п. Дэйва Миллера мы использовали для решения более деликатных вопросов, которые возникали во время обсуждения проблем военной безопасности.

Когда я прилетел, в Дейтоне стояла хмурая осенняя погода — шел холодный дождь, на город опустился туман. Словом, день, о котором назавтра хочется забыть. Но как забыть, если именно в этот

день совершаются первые шаги в рамках серьезного исторического начинания, если идут приготовления к началу мирных переговоров с участием прибывающих делегаций и всего американского руководства, если на кону достижение мира в Боснии и Герцеговине! Всплыла в памяти информация, которой со мной поделились мой друг из ЦРУ Дэвид Кеннан и его личный контакт Обрад Кесич. А особо крепко я задумался над тем, что мне рассказывал Джим Брайт в свою бытность заместителем руководителя Разведывательного управления армии США⁴⁹.

От него я узнал, что кризис в Боснии и Хорватии побудил американскую администрацию сформировать так называемую Оперативную группу (*Task Forces*) численностью в 50 человек. По его словам, в Совете национальной безопасности состоялось 128 встреч, на которых обсуждался кризис в Боснии и Герцеговине: 24 — на уровне руководителей (*principal*); 90 — на уровне заместителей руководителей (*deputy principal*); остальные — на уровне оперативной группы. Это демонстрирует, в какой мере американские политические, военные и все прочие структуры, а также органы безопасности и разнообразные сторонние лоббистские группы участвовали в процессе разработки и утверждения концепции решения проблемы. Разумеется, для американцев, с точки зрения их жизненных государственных и национальных интересов, а также интересов участвовавших в конфликте сторон, было очень важно, чтобы именно они сыграли главную роль в наступлении мира. Это подразумевало следующее: Америка доминирует, Америка предоставила больше всех ресурсов, Америка держала в руках все нити — с помощью спутников 24 часа в сутки она следила за происходящим, высылала своих представителей на места событий, забрасывала разведгруппы, непрерывно вела дипломатические переговоры и, если надо, «выкручивала руки» непослушным. Любимым выражением Ричарда Холбрука были слова одного американского политического деятеля прошлого: «Надо схватить их за яйца, тогда

---

⁴⁹ Разведывательное управление армии США (U.S. Army Intelligence Agency) — структурное подразделение Разведывательного управления министерства обороны США.

они последуют за тобой всем сердцем и разумом»⁵⁰. Когда надо, применяй силу, без нее не решить проблемы. Излюбленный американский подход.

Я припомнил, сколько же телеграмм и аналитических записок я отправил. А теперь все само постепенно и без труда прояснялось. Все предложения, обсуждавшиеся в ходе секретных, скрытых от чужих глаз встреч и переговоров, в один момент оказались на большом столе конференции в Дейтоне. Все тайное стало явным. «The things came to be in the open water», — сказали бы американцы.

---

⁵⁰ *Grab them by the balls hard and heart and mind would follow.*

Первые вопросы и ожидания

Райт-Паттерсон — крупнейшая американская база ВВС в мире и огромный военный комплекс. Есть там и отель «Хоуп» («Надежда») с рестораном «У Паки» (*Packy's*), большой конференц-зал и залы поменьше для встреч делегаций. Не только сербской, хорватской или мусульманской, но и американской, европейской и российской. Все эти объекты я обошел в сопровождении Барли, Миллера и Дэнни Стояновича-Србы.

Когда мы, припозднившись, пришли ужинать, в ресторане уже сидели представители посольств Боснии и Хорватии — Неджиб Шачирбегович и Невен Влахович, к которому потом присоединился посол Миомир Жужул. Все три передовые группы — хорватская, мусульманская и наша во главе со мной — ужинали вместе с представленными к нам офицерами связи. Я отметил, что только у меня их было двое. После ужина я договорился с Србой, чтобы он мне завтра до обеда показал военную базу.

В комнате на втором этаже Павильона 836 находился Бранислав Баич — инженер и шеф центра связи нашего посольства в Вашингтоне, который настраивал оборудование и обеспечивал криптозащиту связи с МИДом. После того как он подтвердил мне, что все готово, мы договорились, что завтра я как глава передовой группы отправлю первую большую телеграмму со своим донесением.

На следующий день до обеда я в сопровождении Дэйва Миллера и Дэнни Стояновича-Србы сначала обошел наш павильон, чтобы проверить, где поселится делегация. Я составил список имен всех ее членов с номерами комнат. Президентский номер — президенту Милошевичу. Напротив — апартаменты министра Милана Милутиновича. Перед ним — конференц-зал, очень пригодившийся

нам в течение следующих трех недель, что мы пробыли в Дейтоне. Завершив обход и распределив апартаменты, мы отправились осматривать военную базу, а именно, — все объекты, которые планировалось использовать во время конференции. После официального ознакомления, чтобы удовлетворить мое любопытство, мне показали базу целиком вместе с новейшими американскими военными самолетами. Зашел я и в музей воздухоплавания, в котором выставлены все американские самолеты — от тех, что летали в Первую и Вторую мировые войны, до самых современных: F-117 (так называемый невидимый, один из которых был сбит в 1999 г. во время бомбардировок Югославии), F-14 «Tomcat», F-15, F-16, бомбардировщик B-52. Мы залезали во все самолеты, нам продемонстрировали, как у них заводятся и заглушаются двигатели. Трехмерный проектор показал, как все самолеты действуют в боевых условиях.

Видели мы и два русских МИГа, полученных от русских пилотов, сбежавших на Запад через Восточный Берлин. Наверное, совершали рутинный облет Восточной Германии, перелетели границу и больше не вернулись. Один из пилотов приземлился в Западном Берлине и попросил политическое убежище.

После этого мы зашли и в мастерскую, где делают кожаные куртки для пилотов.

Когда мы с Джоном Барли отправились обедать в *Packy's*, я сообщил, что с точки зрения логистики я проверил все, что требовалось. Кроме того, я сказал, что перед приездом нашей делегации я должен отправить телеграмму министру Милутиновичу. Наша передовая группа прибывает завтра, поэтому я попросил его не держать меня во мраке и рассказать все, что ему известно. Спросил, станет ли следствием подписания или, точнее, парафирования итогов переговоров в Райт-Паттерсоне (Дейтон) отмена Советом безопасности ООН всех санкций в отношении СРЮ⁵¹. Джон Барли

---

⁵¹ Речь идет о международных санкциях против СРЮ, установленных резолюцией 757 СБ ООН от 30 мая 1992 г., наложившей запрет на торговлю, финансовые операции, воздушное и морское сообщение, культурное, научное и спортивное сотрудничество с этой страной. Также замораживались все зарубежные финансовые активы СРЮ. В дальнейшем санкционный режим последовательно ужесточался резолюциями 787 и 820 СБ ООН от 16 ноября 1992 г.

ответил утвердительно. Затем я спросил, что будет с финансовыми санкциями — с так называемой *the outer wall of sanctions*⁵². Барли ответил, что, возможно, и их отменят, а может быть, и оставят, чтобы использовать как инструмент принуждения к исполнению мирных договоренностей. Санкции послужат защитным механизмом, обеспечивающим полную реализацию соглашений в том случае, если сербская сторона откажется от воплощения каких-либо его статей. Я заявил, что несправедливо, когда одна из делегаций, участвующих в переговорах, серьезно ущемлена в правах. Пришлось напомнить, что многие предлагали президенту Милошевичу и делегации вообще не приезжать на конференцию, если нет гарантий равноправия с остальными участниками переговоров. Барли ответил, что, в принципе, понимает, о чем я говорю. Однако за сербами следят с особым пристрастием, потому что в глазах американских

и от 17 апреля 1993 г. соответственно. Международное эмбарго нанесло тяжелейший удар экономике СРЮ, к январю 1994 г. промышленное производство сократилось на 62 %, в 1992–1993 гг. страну охватила гиперинфляция. Именно отмена санкций была приоритетом внешней политики С. Милошевича с начала 1993 г., вынуждая его к сокращению поддержки боснийских и краинских сербов в гражданских войнах в БиГ и Хорватии и к давлению на них в пользу принятия внешних планов урегулирования. Впервые санкции были смягчены резолюцией 943 СБ ООН от 23 сентября 1994 г. после введения Белградом эмбарго против боснийской Республики Сербской. После подписания Дейтонских соглашений 22 ноября 1995 г. резолюции 1021 и 1022 СБ ООН приостановили действие санкций против СРЮ, а окончательно ограничения были отменены резолюцией 1074 СБ ООН от октября 1996 г.

⁵² «Внешняя стена санкций» — проводимая США с середины 1990-х гг. политика блокировки членства СРЮ в международных организациях, включая финансовые, а также недопуска страны к западным, прежде всего американским, финансовым ресурсам и к замороженным зарубежным активам. «Внешняя стена» стала мощным инструментом постоянного давления США на СРЮ. Изначально заявив ее целью обеспечение полномасштабного исполнения СРЮ Дейтонских соглашений (т.е. урегулирования боснийского и хорватского конфликтов), Вашингтон последовательно выдвигал все новые условия для ее снятия или смягчения — сотрудничество Белграда с МТБЮ, уступки по косовскому вопросу, демократизацию страны и т.д. Окончательная отмена «внешней стены санкций» произошла лишь в 2001 г., после свержения С. Милошевича.

политических и общественных кругов они — главные злодеи и агрессоры. Добавил затем, что не может точно сказать, повлечет ли парафирование Дейтонского соглашения отмену «внешней стены санкций», или это произойдет, когда состоится подписание официального мирного договора в Париже или еще позже — на каком-то из этапов выполнения договоренностей. Однако он твердо уверен, что американское правительство, в том случае если договор будет реализован полностью, и Сербия сделает свою часть работы, уберет и эту «внешнюю стену».

После обеда с Барли я отправился в центр связи, чтобы отправить так называемую логистическую телеграмму. Я точно передал все свои впечатления о военной базе, о павильоне, об апартаментах, общей обстановке, конференц-залах (совместных и отдельных), ресторанах и погоде, которая нас ожидала. Затем я написал исчерпывающую политическую телеграмму, в которой изложил все, что мне поведал Джон Барли, особенно в части, касавшейся санкций. В донесении указывалось, что реалистично, что не поддается прогнозу, и что следует ожидать.

Прибытие передовой группы

Утром я отправился на завтрак и приготовился к приему передовой группы, самолет с которой приземлился около 11 часов. В ее состав вошли сотрудники протокола президента Сербии, протокола министерства иностранных дел, а также службы, отвечающей за безопасность высших должностных лиц во главе со Златко Радничем — начальником управления министерства внутренних дел. Я предварительно договорился об их встрече с местной службой безопасности, дабы они смогли вместе со всех сторон проанализировать передвижения делегации — от прибытия рейса до размещения в объектах базы. Наши офицеры потребовали показать им все рестораны, конференц-залы, места общего пользования, парки, офицерский клуб, коридоры, по которым будут ходить делегации. Вскоре стало ясно, что военная база абсолютно герметично изолирована. Ее безопасность обеспечивали военные и полицейские силы, специально обученные собаки, автомобили и прочие технические средства и людские ресурсы. Златко Раднич отправил соответствующее донесение в МВД.

Позабавившись о размещении экипажа югославской авиакомпании JAT, которые поселились в отдельном павильоне над военной базой, я отправился на обед. Здесь ко мне подошел Барли со словами, что, согласно сегодняшним американским донесениям и информации из Белграда, делегация Сербии прибывает преисполненная веры и надежд добиться мира в Боснии. Кроме того, что особенно важно, она готова внести решающий вклад в достижение этой цели. Барли добавил, что американское правительство отдает себе отчет, что президенту Милошевичу пришлось предпринять масштабную политическую кампанию в стране, чтобы, с одной

стороны, заручиться поддержкой ведущих интеллектуалов из Сербской академии наук и искусств, Сербской православной церкви, а с другой, убедить боснийских сербов согласиться с тем, что он станет вести переговоры в Дейтоне от их имени. И это имело исключительное значение, так как давало ясный сигнал, что вне игры остаются Радован Караджич⁵³ и Ратко Младич⁵⁴, которых Международный трибунал⁵⁵ в Гааге обвиняет в совершении военных преступлений.

⁵³ Радован Караджич (Радован Караџић) (р. 1945) — сараевский психотерапевт и литератор, основатель и председатель Сербской демократической партии БиГ (СДП БиГ), политический лидер боснийских сербов в первой половине 1990-х, первый президент Республики Сербской. В 1992 г. избран председателем Президиума Сербской Республики БиГ, с августа 1992 г. по июнь 1996 г. — президент РС. В середине 1994 г. после отказа безоговорочно принять мирный план Контактной группы был в открытом политическом конфликте с С. Милошевичем. В 1995 г. обвинен в военных преступлениях Международным трибуналом по бывшей Югославии в преступлениях против человечности, более 10 лет скрывался от МТБЮ. В 2008 г. арестован в Белграде и выдан МТБЮ. 24 марта 2016 г. приговорен к 40 годам заключения.

⁵⁴ Младич Ратко (Ратко Младић) (р. 1943) — генерал-майор Югославской народной армии (ЮНА), генерал-подполковник армии Республики Сербской, военный лидер боснийских сербов. В 1991–1992 гг. командир Книнского корпуса ЮНА, с 12 мая 1992 г. начальник Главного Штаба Армии Сербской Республики БиГ, с 17 августа 1992 г. по октябрь 1996 г. начальник Главного штаба Армии Республики Сербской. В 1995 г. он был обвинен МТБЮ в военных преступлениях. В ходе конфликта С. Милошевича с Р. Караджичем генерал Младич и возглавляемые им военные профессионалы ориентировались на Белград. В 1996 г. второй президент РС Б. Плавшич отправил его в отставку. Скрывался от преследований трибунала, но в 2010 г. был арестован в Сербии и выдан МТБЮ. 22 ноября 2017 г. признан виновным и приговорен к пожизненному заключению.

⁵⁵ Международный трибунал для преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1 января 1991 г., был учрежден по резолюции 827 СБ ООН от 23 мая 1993 г. Выдвигавшиеся трибуналом обвинения стали эффективным инструментом воздействия на политическую и военную элиту стран бывшей Югославии. Требования к национальным властям о сотрудничестве с МТБЮ в 1995–2011 гг. были важным рычагом политического давления Запада на страны региона, прежде всего СРЮ и Сербию. В ноябре 2017 г. МТБЮ вынес последний приговор (по делу генерала Р. Младича) и окончательно завершил работу 31 декабря 2017 г. Правопреемником его

Кроме того, он рассказал мне, что в мусульманской передовой группе не только представитель Алии Изетбеговича и боснийских мусульман в Вашингтоне Неджиб Шачирбегович и его сын Мухаммед Шачирбей. В их обществе были замечены и представители Ruder Finn — американской лоббистской группы, работавшей в интересах мусульман БиГ⁵⁶. Они поселились в гостинице *Holiday Inn*, расположенной всего в нескольких милях от военной базы. Барли подчеркнул, что американской команде придется позаботиться о том, чтобы тем не удалось нарушить так называемый *gag order* и повлиять на атмосферу и течение мирных переговоров. По словам моего собеседника, он хотел вести себя корректно по отношению ко мне и рассказать, как обстоят дела, и предупредить, что уже на следующее утро запланирована пресс-конференция.

После обеда в своей комнате я посмотрел по CNN выступление Холбрука, который заявил, что это последние переговоры и последний шанс прийти к миру. И, если американскому правительству, вопреки всем его усилиям, это не удастся, война, кровопролитие и гибель людей продолжатся еще бог знает сколько времени. Прозвучали очень жесткие слова о совершенных сербами преступлениях, о вине Радована Караджича и Ратко Младича. Обвинений и нападок не избежал и президент Милошевич. Так Холбрук, с одной стороны, напрямую и открыто, а с другой, опосредованно, направляя американские СМИ, ориентируя их, как следует говорить, — старался укрепить свои позиции как ведущего переговорщика и одновременно ослабить наши. В ходе всех своих выступлений он исключительно критически и остро высказывался о президенте Милошевиче, дабы оказать на него давление и ослабить его основные способности как переговорщика на предстоящей конференции. При этом Холбрук не выбирал средств. В кампанию по дискредитации

стал механизм международных уголовных трибуналов. Всего МТБЮ осудил 62 серба (включая высших политических и военных руководителей СРЮ, РС и РСК), 18 хорватов, 5 бошняков, 2 македонцев, 2 черногорцев и 1 албанца.

⁵⁶ *Ruder Finn* — американская лоббистская фирма, проводившая эффективные медиа-кампании в интересах правительства БиГ в 1992–1995 гг., способствовавшие устойчивой демонизации сербской стороны в общественном мнении США.

включились все СМИ и журналисты, на которых он мог рассчитывать. В какой-то момент один из комментаторов спросил его, зачем вообще вести переговоры и искать компромиссы с такими злодеями, какими, по словам Холбрука, являются Караджич, Младич и Милошевич. Холбрук ответил, что наступил момент, когда можно остановить войну в Боснии, и он готов для достижения этой приоритетной цели разговаривать и работать с кем угодно. Противореча своим предыдущим заявлениям, помощник госсекретаря сказал, что президент Милошевич прибывает в Дейтон с искренней надеждой на достижение мира. Этим Холбрук выбрался из западни, в которую его завела собственная острая риторика, а также избежал вопроса — к чему переговоры, если дело обстоит именно так, как он утверждает. Таково было мое мнение, которое я не замедлил изложить в телеграмме, отправленной в Белград сразу по завершении программы. Вышеописанным образом Холбрук готовил почву для того, чтобы все заслуги за положительный исход конференции достались американскому правительству и ему лично как ведущему переговорщику.

Холбруку, жаждавшему внимания и славы, никогда не удавалось скрыть свои амбиции. Он был высокомерен и груб не только со своими противниками, но и с собственными подчиненными. Намеренно оскорблял людей, коверкая их имена. Например, американского посла Боба Гелбарда⁵⁷ он называл Гепардом или Гебардом. Джима Свайгарта — Сайбертом. Мои имя и фамилию он также редко произносил правильно. Побывал я Ваёвичем, Валковичем, Вановичем и т. п. Впрочем, мое имя непривычно для американцев, я приехал из другой части мира, поэтому ошибиться несложно. Однако, как я заметил, у людей из его окружения такие «ошибки» вызывали большее раздражение, чем у меня.

---

⁵⁷ Роберт Гелбард (Robert Gelbard) (р. 1944) — американский дипломат. В 1989–1991 гг. посол США в Боливии, в 1993–1997 гг. помощник госсекретаря по вопросам противодействия наркотикам, в 1997–1999 гг. спецпредставитель президента США и госсекретаря США по реализации Дейтонских соглашений. Член совета директоров Атлантического Совета, в 2008 г. был советником Б. Обамы по внешней политике.

На ужин мы со Златко Радничем отправились в офицерский клуб, так как я хотел осмотреть помещение и обстановку, в которой пройдут самые важные двусторонние встречи и переговоры с участием посредников. С представителями хорватской и мусульманской команд я поздоровался холодно, но учтиво — по-дипломатически. После этого надо было отправить несколько телеграмм и подготовиться к прилету президента Милошевича с остатком делегации. К этому времени самолет уже вылетел из Белграда. Миновав Исландию, он приземлился для дозаправки на канадском военном аэродроме Гузбэй (Гусиный Залив). После вылета из Канады мне позвонил поверенный в делах нашего посольства в Оттаве Александр Митич и сообщил, что борт в пути и приземлится в Дейтоне приблизительно через 2 часа и 45 минут.

Около 20 часов, когда сообщили, что самолет снижается и приближается к посадочной полосе, я вышел встречать его. Спустя несколько минут подошел Ричард Холбрук в сопровождении Криса Хилла⁵⁸, Джима Пердю и Уэсли Кларка. Когда самолет приземлился, трап подъехал к передней двери, из которой первым вышел представитель протокола и сказал, что президент Милошевич сейчас спустится. Он вскоре появился и поздоровался с Холбруком, который его поприветствовал и указал на транспарант, на котором было написано: «Добро пожаловать в Соединенные Штаты, господин президент Милошевич». Затем президент крепко пожал мне руку, поинтересовался моими делами, как держусь, и сказал, что увидимся позднее. Поздоровавшись с остальными, он вошел в здание. За ним последовали и остальные члены делегации: министр иностранных дел Милан Милутинович, президент Черногории Момир Булатович⁵⁹, председатель Скупщины Республики Сербской

---

⁵⁸ Кристофер Хилл (Christopher Hill) (р. 1952) — американский дипломат. Заместитель Р. Холбрука в американской переговорной группе, после Дейтона — посол США в Македонии (1996–1999), спецпредставитель США по Косово в 1998–1999 гг., посол США в Польше с 2000 по 2004 г., затем посол США в Южной Корее в 2004–2005 гг. В 2005 г. назначен замгоссекретаря США по Восточной Азии и Тихому океану. Представлял США на шестисторонних переговорах по ядерной программе КНДР в 2005–2008 гг., а в 2009–2010 гг. был послом США в Ираке.

⁵⁹ Момир Булатович (Момир Булатовић) (р. 1956) — югославский и черногорский политик, соратник С. Милошевича. В 1989 г. в ходе

Момчило Краишник⁶⁰, член президиума Республики Сербской Никола Колевич⁶¹ и глава МИД Республики Сербской Алекса Буха⁶², глава Службы государственной безопасности Йовица Станишич⁶³,

---

«антибюрократической революции» был избран председателем президиума ЦК СК Черногории (с 1990 г. преобразован в Демократическую партию социалистов, ДПС), в 1990–1997 гг. президент Черногории, отстаивал политику сохранения Югославии и союза республики с Сербией. После конфликта внутри республиканского руководства проиграл президентские выборы 1997 г. М. Джукановичу, создал Социалистическую народную партию (СНП). В 1998–2000 гг. премьер правительства СРЮ, покинул свой пост после свержения С. Милошевича.

⁶⁰ Момчило Краишник (Момчило Крајишник) (р. 1945) — боснийский и сербский хозяйственник и политик. Друг и соратник Р. Караджича, один из основателей и лидеров Сербской демократической партии БиГ. После первых многопартийных выборов 1990 г. — председатель Народной скупщины (парламента) БиГ. С 25 октября 1991 г. председатель Скупщины сербского народа БиГ (с января 1992 г. — Скупщины Сербской республики БиГ, затем — Народной скупщины Республики Сербской), занимал этот пост до середины 1996 г., член Военного президиума РС. В 1996–1998 гг. член Президиума БиГ. В 2000 г. арестован по тайному обвинению МТБЮ и отправлен в Гаагу. В 2006 г. приговорен к 20 годам заключения, освобожден в 2013 г. по отбытии 2/3 срока заключения. Среди руководства боснийских сербов считался наиболее жестким переговорщиком, главным противником территориальных уступок, а в 1996–1998 г. был главным объектом давления структур внешнего управления Дейтонской Боснии.

⁶¹ Никола Колевич (Никола Кољевић) (1935–1997) — югославский литературовед и боснийский политик. Шекспировед, литературный критик, профессор Сараевского университета. Один из основателей и лидеров Сербской демократической партии (СДП). С декабря 1990 по апрель 1992 г. член Президиума БиГ, вышел из его состава после начала гражданской войны в апреле 1992 г. В 1992–1996 гг. вице-президент РС, участник всех переговоров с международными посредниками и структурами. Среди руководства боснийских сербов Колевич считался сторонником компромиссов. В январе 1997 г. покончил жизнь самоубийством в Белграде.

⁶² Алекса Буха (Алекса Буха) (р. 1939) — югославский ученый и боснийский политик. Профессор Сараевского университета, специалист по Гегелю. Один из основателей СДП БиГ. В 1990 г. избран членом Народной скупщины БиГ. В 1992–1998 гг. министр иностранных дел РС, в 1996–1998 гг. председатель СДС БиГ. Оттеснен от власти органами внешнего управления Дейтонской Боснией.

⁶³ Йовица Станишич (Јовица Станишић) (р. 1950) — югославский и сербский офицер госбезопасности, на рубеже 1980–1990-х гг. обеспечивавший

академик Коста Михайлович⁶⁴, член Конституционного суда Балша Шпадиер⁶⁵, помощник министра иностранных дел Никола Чичанович, шеф кабинета главы МИД Влада Надеждин, шеф кабинета президента Горан Милинович. Министерство иностранных дел представляли: Войкан Миленкович, Бояна Адамович, Ольга Влахович, шеф протокола Республики Сербия Станко Стаич-Стая и шеф протокола МИДа Чела Борозан.

С ними был и Крис Спиру — член нашей делегации в должности советника президента Милошевича и министра Милутиновича. Он установил контакт с конгрессменом Биллом Ричардсоном и, в целом, с американской администрацией, энергично добиваясь того, чтобы та согласилась принять президента Милошевича в качестве одного из участников мирных переговоров. Будучи видным активистом Демократической партии, спикером парламента в Манчестере (Нью-Гемпшир), а также главой коллегии выборщиков (так в тексте. — *Прим. перев.*), избравших Билла Клинтона президентом, Спиру оказал большую помощь сербской делегации. Его очень ценили в Новой Англии, в которую входили штаты Массачусетс, Вермонт,

---

возвышение и приход к власти С. Милошевича (антибюрократическая революция в Воеводине, взятие под контроль архива МВД Югославии, переход Сербии к многопартийной системе, подготовка сербских отрядов в Краине и БиГ). В 1991 г. замглавы Службы госбезопасности Сербии (в системе МВД Сербии), в 1992–1998 гг. начальник СГБ Сербии. В ходе войн 1991–1995 гг. пользовался значительным влиянием в непризнанных сербских республиках. В 1998 г. снят с должности. После убийства премьера Сербии З. Джинджича 12 марта 2003 г. арестован и выдан МТБЮ. Процесс по делу Й. Станишича начался в 2009 г. Тогда же ЦРУ США ходатайствовало о нем перед МТБЮ как о своем сотруднике с 1992 г., который способствовал установлению мира в регионе. В 2013 г. Станишич был полностью оправдан, но после опротестования приговора новый процесс начался в 2017 г. Вместе с тем он по состоянию здоровья был отпущен на лечение без требования возвращения в Гаагу.

⁶⁴ Коста Михайлович (Коста Михаиловић) (1917–2007) — югославский экономист, директор Экономического института Сербии, с 1987 г. член республиканской комиссии по экономическим реформам, член Сербской академии наук и искусств (САНИ), в 1998–2001 гг. член Президиума САНИ.

⁶⁵ Балша Шпадиер (Балша Шпадијер) — югославский и сербский юрист, профессор Белградского университета, в 1990–1996 гг. председатель Конституционного суда Сербии.

Коннектикут, Нью-Гемпшир, Мэн и Род-Айленд. Крис Спиру сыграл важную роль и в избирательной кампании президента Клинтона, проводя агитацию среди греческого населения этой части США, традиционно голосовавшего за республиканцев. Благодаря Спиру Клинтон добился хорошего результата в Новой Англии. Когда Пол Цонгас, тоже грек, из-за болезни отказался от участия в борьбе за место кандидата от демократов, Клинтону не составило труда привлечь на свою сторону голоса избирателей греческого происхождения. Он победил в Манчестере, и в целом в Нью-Гемпшире.

Спиру был тем загадочным «одиннадцатым сербом», одиннадцатым членом делегации, имя которого я не указал на двери его комнаты в нашем павильоне. Так меня проинструктировал министр Милутинович, который хотел, чтобы это оставалось в тайне как можно дольше.

Ненадолго мы задержались в зале приема делегаций, где состоялась краткая протокольная беседа. Холбрук произнес несколько слов, мы выпили по бокалу и разошлись. Прибывшие разместились в распределенных мною заранее комнатах. Меня накрыла волна вопросов: что, как, где, кому... Рассказав вкратце, что и где находится, я обратил внимание новоприбывших, что у каждого в комнате имеется краткая памятка, составленная американскими офицерами связи Дэйвом Миллером и Дэнни Стояновичем-Србой. Миллер и Срба выдержали основной вал вопросов от членов нашей делегации. Большая их часть касалась логистики: каков план; какова очередность; что как выглядит; какова роль протокола. Все это продолжалось до двух ночи, когда усталость и разница во времени сделали свое дело, и все отправились спать.

Дэйв Миллер и Дэнни Стоянович объяснили мне, что у президента Милошевича будет свой автомобиль, а остальные члены делегации могут пользоваться еще двумя автомобилями, чтобы ездить из базы в город. Таким образом, нам уже удалось раздобыть две машины, в которых мы очень нуждались, потому что членам делегации из Республики Сербской и Черногории очень часто требовалось ездить в Дейтон.

День первый

На следующее утро, 1 ноября, до начала первой встречи нашей делегации я с сотрудниками логистической службы, протокола и МВД проверял работоспособность «красной линии», которая напрямую связывала апартамент Милутиновича с белградским телефоном председателя правительства Мирко Марьяновича⁶⁶. Требовалось лишь поднять трубку, и на другом конце провода отвечали либо сам Мирко Марьянович, либо шеф его кабинета. Наладить такую связь потребовал лично Милошевич. Я сам потом, шутки ради, несколько раз поднимал трубку, чтобы проверить — не заснули ли они там в Сербии. Нет, бодрствовали и отвечали, как положено. К этой связи мы прибегли позднее, когда произошли два серьезных кризиса с американским журналистом и французскими пилотами.

Некоторое время побеседовал с министром Милутиновичем, Гораном Милиновичем, Владой Надеждиным и Йовицей Станишичем. Перед началом переговоров я хотел поподробнее объяснить им некоторые деликатные логистические моменты, а также проанализировать, как обстоит ситуация в военном, логистическом плане и с точки зрения безопасности. В какой-то момент вошел Милошевич, заинтригованный, что это мы обсуждаем. Увидев, что у многих из нас на бейджиках написано «советник», со смехом спросил, откуда у него столько советников.

---

⁶⁶ Мирко Марьянович (Мирко Марјановић) (1937–2006) — югославский и сербский хозяйственник и политик. В 1994–1998 гг. и 1998–2000 гг. глава правительства Сербии, ушел в отставку после свержения С. Милошевича. В 2001 г. С. Милошевич передал ему полномочия главы Социалистической партии Сербии, которые он исполнял до августа 2002 г.

После этого мы отправились завтракать в офицерский клуб, который я отрекомендовал как лучшее место на военной базе. Дело было не только в отличной кухне, но и в том, что клуб был изолирован от чужих глаз и ушей. Там, по моему совету, следовало проводить самые конфиденциальные переговоры. Познакомил я руководство нашей делегации с помощником государственного секретаря по вопросам логистики Патриком Кеннеди — исключительно способным специалистом в своей области и дипломатом с прекрасным опытом решения организационных проблем. Благодаря проделанной им подготовительной работе все на базе функционировало превосходно. Он заверил, что, если что-либо понадобится с точки зрения логистики, мы всегда можем рассчитывать на его помощь. Надо лишь указать, чего бы нам хотелось, и он нам это обеспечит. Кстати, это именно тот человек, которому в 2016 г. после победы Трампа на президентских выборах пришлось уйти из Госдепа из-за обвинений в причастности к утечке электронных писем из личного почтового ящика Хиллари Клинтон.

После позднего завтрака в офицерском клубе мы прогулялись до главного конференц-зала, куда приехал госсекретарь США Уоррен Кристофер⁶⁷. Нас пригласили с ним встретиться. Он провел серию двусторонних переговоров протокольного свойства с главами делегаций Хорватии, Боснии и Герцеговины, боснийских сербов и СРЮ. Общение свелось к протокольному расшаркиванию друг перед другом и обмену дипломатическими приветствиями. Мы растались, чтобы подготовиться к первому пленарному заседанию, назначенному на 16:00. Перед официальным началом переговоров я в компании Станишича и Раднича отправился в город, чтобы встретиться с представителем ЦРУ. Им нужно было помочь с переводом, а обсуждали они сотрудничество двух спецслужб, которое начало приносить результаты. Однако имелась еще одна тема для беседы, а именно, — попытки нашей госбезопасности освободить

---

⁶⁷ Уоррен Кристофер (Warren Christopher) (1925–2011) — американский политик и дипломат, в 1967–1969 гг. заместитель Генерального прокурора США, в 1977–1981 гг. заместитель госсекретаря США, в 1993–1997 гг. госсекретарь США в первое президентство Б. Клинтона, активный сторонник программы «Партнерство во имя мира».

корреспондента газеты *The Christian Science Monitor* Дэйвида Рода⁶⁸. Он находился в руках боснийских сербов, военный лидер которых Ратко Младич не реагировал на поступавшие из Сербии требования освободить пленника. Разговор под кофе с сотрудником ЦРУ продолжился сорок минут, после чего мы вернулись на базу.

---

⁶⁸ Дейвид Род (David Rohde) (р. 1967) — американский журналист-расследователь. В августе 1995 г. первым опубликовал информацию о массовых расстрелах боснийскими сербами пленных мусульман после взятия г. Сребреница в июле того же года. 29 октября 1995 г. был арестован властями РС. В 1996 г. получил Пулитцеровскую премию за репортажи о Сребренице. В 1996–2011 гг. работал в *New York Times*, где получил вторую Пулитцеровскую премию в 2009 г. за освещение войн в Афганистане и Пакистане (в 2008 г. его похищали боевики Талибан).

Разминка — большие надежды американских представителей

В 16:00 Уоррен Кристофер официально открыл пленарное заседание. В короткой приветственной речи он от лица американских властей выразил убежденность, что главная цель конференции — достижение прочного и устойчивого мира в Боснии и Герцеговине. После лаконичного выступления Кристофера, в котором он подчеркнул, что Америка готова сделать все, чтобы после конференции в регионе наступили более светлые времена, то есть мир, слово взял Ричард Холбрук. Он изложил план работы по группам, сказав, что вначале состоятся смешанные встречи при посредничестве представителей американской администрации. На заседаниях, посвященных важнейшим политическим вопросам, председательствовать станут он сам, Крис Хилл и Джим Свайгарт, а на переговорах по военной тематике и проблемам безопасности — генералы Уэсли Кларк, Джим Пердью и Джо Доббинс. Затем речь зашла о европейских делегациях, которые насчитывали от пяти до двенадцати человек. Евросоюз представлял Карл Бильдт⁶⁹, Германию — Вольфганг

---

⁶⁹ Карл Бильдт (Carl Bildt) (р. 1949) — шведский политик и дипломат. Член парламента Швеции с 1979 г. В 1986–1999 гг. председатель Умеренной партии Швеции, в 1991–1994 гг. премьер-министр Швеции, в 1994 г. подписал договор о присоединении Швеции к ЕС. Активно поддерживал страны Балтии в деле вывода российских войск. В июне 1995 г. был назначен спецпредставителем Евросоюза по бывшей Югославии, в 1996–1997 гг. первый Высокий представитель (ВП) в Боснии и Герцеговине — глава международного гражданского присутствия в этой стране, приложил активные усилия для расширения полномочий ВП и превращения его в орган внешнего управления. В 2006–2014 гг. министр иностранных дел Швеции, активный сторонник предоставления независимости Косово, критик российской политики в ходе кризиса в Абхазии

Ишингер⁷⁰, Францию — Жак Бло⁷¹, Россию — заместитель министра иностранных дел Игорь Иванов⁷². После детального изложения программы конференции, перечисления встреч и описания работы в группах Уоррен Кристофер попросил глав трех делегаций — президентов Милошевича, Туджмана⁷³ и Изетбеговича — пожать друг другу руки, так как до этого не было ни спонтанного, ни протокольного рукопожатия. Затем он объявил, что мирную конференцию можно считать открытой и официально попросил соблюдать *gag order*. Все вышеописанное заняло не более 30–40 минут. Атмосфера

и Южной Осетии 2008 г. и вокруг Украины в 2014 г., занял должность советника президента Украины П. Порошенко.

⁷⁰ Вольфганг Ишингер (Wolfgang Friedrich Ischinger) (р. 1949) — немецкий дипломат. В 1993–1995 гг. директор департамента политического планирования МИД ФРГ, в 1995–1998 гг. директор политического департамента. Замглавы МИД в 1998–2001 гг., затем посол Германии в США (2001–2006) и в Великобритании (2006–2008). В 2007 г. представлял ЕС в тройке международных посредников на переговорах по статусу Косово. С 2009 г. председатель Мюнхенской международной конференции по безопасности. В 2014 г. был посредником ОБСЕ для переговоров между Киевом и регионами.

⁷¹ Жак Бло (Jacques Blot) (р. 1939) — французский дипломат, с 1987 г. директор европейского департамента МИД Франции, с 1992 г. представитель Франции в Совете НАТО, с 1998 г. посол Франции в Италии.

⁷² Игорь Сергеевич Иванов (р. 1945) — советский и российский дипломат. В 1989–1991 гг. начальник Общего секретариата МИД СССР, в 1991–1995 гг. посол СССР/России в Испании. В 1995–1998 гг. первый заместитель министра иностранных дел России, в 1998–2004 гг. министр иностранных дел. В 2004–2007 гг. секретарь Совета Безопасности РФ, с 2011 г. председатель Российского совета по международным делам.

⁷³ Франьо Туджман (Franjo Tuđman) (1922–1999) — югославский и хорватский политик. Считается создателем независимой Хорватии. Участник партизанского движения в 1944 г., генерал-майор ЮНА в 1959 г. В 1967 г. исключен из компартии за национализм, в 1972 г. приговорен к двум годам заключения за национализм (отбыл 9 месяцев), повторно осужден в 1981 г. на три года. Основатель и лидер партии Хорватское демократическое сообщество (ХДС). В 1990–1999 гг. президент Хорватии. Возглавил борьбу за отделение Хорватии от Югославии, а после международного признания независимости страны в 1992 г. — за ликвидацию непризнанной Республики Сербская Краина. В 1992–1994 гг. оказывал активную военную и политическую поддержку боснийским хорватам в ходе боснийской войны.

была церемониальной. Говорили только Кристофер и Холбрук. Оба кратко и по делу.

После непродолжительного угощения Кристофер настоял, чтобы в его присутствии прошли первые двусторонние встречи. Первая подобная куртуазная церемония состоялась при участии Милошевича и Туджмана. Затем оба по отдельности пообщались с Изетбеговичем. Все это — в присутствии Холбрука, Пердью, поверенного в делах США в Белграде Руди Перины⁷⁴, Джима Свайгарта, Криса Хилла и генерала Уэсли Кларка. С нашей стороны компанию Милошевичу составили Милутинович, Станишич, Спиру, Милинович, Булатович и я. Вместе с Туджманом были Мате Гранич⁷⁵, Миомир Жужул, Крешимир Зубак и посол США в Загребе Питер Галбрайт⁷⁶. В свите Алии Изетбеговича находились Харис

⁷⁴ Руди Перина (Rudolf Vilem Perina) (1945–2018) — американский дипломат, эмигрант из Чехословакии. В 1974 г. выдал американскую визу высланному из СССР А. И. Солженицыну. В 1987–1989 гг. руководитель отдела СССР в СНБ США, участник московского саммита СССР и США в 1988 г., замглавы американской делегации на переговорах по европейской безопасности и мерам доверия в Вене, в 1993–1995 гг. глава миссии США в Белграде. В 1996–1997 гг. был помощником замгоссекретаря по европейским и канадским делам, курировал реализацию Дейтонских соглашений, в 1998–2001 гг. посол США в Молдове. В 2001–2004 гг. спецпереговорщик США по Нагорному Карабаху и замороженным конфликтам в Евразии (юго-осетинский и абхазский). В 2004–2006 гг. замдиректора департамента политического планирования Госдепа США.

⁷⁵ Мате Гранич (Mate Granić) (р. 1947) — хорватский диабетолог и политик. В 1990–1991 гг. декан медицинского факультета Загребского университета, в 1991–2000 гг. вице-премьер правительства Хорватии, в 1993–2000 гг. министр иностранных дел. Доверенный соратник Ф. Туджмана, возглавлял умеренное крыло руководства ХДС. После смерти Ф. Туджмана занял третье место на президентских выборах 2000 г. и вышел из ХДС, основав партию «Демократический центр».

⁷⁶ Питер Галбрайт (Piter Galbraith) (р. 1950) — сын знаменитого экономиста Джона Галбрайта, в 1993–1998 гг. первый посол США в Хорватии, соавтор плана «3-4» и Эрдутского соглашения 1995 г. о мирной реинтеграции Восточной Славонии в состав Хорватии. В 2000–2001 гг. замглавы миссии ООН в Восточном Тиморе, после ухода с госслужбы в 2003–2005 гг. лоббировал отделение Иракского Курдистана. В марте-сентябре 2009 г. был замглавой миссии ООН в Афганистане, но уволен после скандала вокруг фальсификаций на президентских выборах.

Силайджич⁷⁷, Неджиб Шачирбегович и Мухаммед Шачирбей. Все это можно назвать основательной разминкой и подготовкой к серьезным переговорам, которые должны были начаться на следующий день. Кристоферу хотелось, как он неоднократно объяснял, создать теплую и расслабленную атмосферу. Поэтому он пригласил участников на совместный ужин, в ходе которого обстановка должна была стать более приятной. Ведь завтра всем вместе предстояло сделать все возможное для решения общей задачи — достижения всеобщего и устойчивого мира в Боснии и Герцеговине.

---

⁷⁷ Харис Силайджич (Haris Silajdžić) (р. 1945) — в 1980-х гг. служащий Исламского сообщества БиГ, один из основателей ПДД, обеспечивал контакты партии со странами исламского мира. В 1991–1993 гг. глава МИД БиГ, в 1993–1996 гг. премьер-министр БиГ (до вступления в силу дейтонской конституции). В 1996–1998 гг. сопредседатель Совета министров БиГ. В 1997 г. вышел из ПДД, создав Партию за БиГ (ПзаБиГ). В 2006–2010 гг. член Президиума БиГ от бошняков, затем отошел от активной политики.

Караджич и Младич отправлены на «пенсию»

Уже 2 ноября в 10 часов утра Джон Барли принес мне проект рамочного мирного договора, который насчитывал 500 страниц и состоял из нескольких глав и приложений. Размножив проект, я отдал копии ведущим членам нашей делегации. В документе были четко прописаны политические и военные императивы: прекращение военных действий, отвод воюющих сторон, вывод хорватских сил из Боснии, ввод в Боснию сил НАТО, достаточных для обеспечения прекращения вооруженных столкновений и создания условий для исполнения договора. Несмотря на рамочный характер, договор отличался детальностью. В нем содержались точные и ясные рецепты: как добиться прекращения огня, обменять пленных, осуществить контроль над перемещением вооружений и процессом всеобщего разоружения в Боснии. При этом одно приложение предусматривало и контроль над вооружениями в Сербии — численностью ее армии, количеством танков и самолетов. Это не могло не вызвать серьезной озабоченности у нашей делегации, которая в какой-то момент предположила, что за этим предложением могла стоять Германия⁷⁸. Та выступала за то, чтобы свести оснащенность сербской армии до уровня Хорватии и Боснии и Герцеговины.

Столкнувшись в дверях отеля «Хоуп» с генералом Кларком, я спросил его, почему проект договора предусматривает контроль над военными средствами и силами Сербии. Он стал объяснять, что Сербия только выиграет в экономическом отношении, если будет тратить меньше средств на вооружения и армию и вкладывать

---

⁷⁸ Подозрения в адрес именно Германии были характерны для белградских политиков 1990-х гг.

их в развитие народного хозяйства. На это я ответил, что немного удивлен тем, что экономическим прогрессом Сербии озаботились именно США, которые с упорством отстаивают применение санкций в ее отношении. Затем я предупредил его, что нам потребуется немало времени, чтобы изучить все бумаги, которые я раздал членам делегации. Тогда Кларк сказал, что в течение дня его люди принесут проект карт, на которых будет указано, куда следует отводить войска, и в каких зонах надлежит создать все условия для синхронного прекращения огня и разграничения воюющих сторон. Карты, добавил Кларк, разрабатывались на основе снимков со спутников, позволивших точно определить позиции участников противостояния.

В приложении к рамочному договору содержалось требование к Сербии, Хорватии и всем релевантным политическим силам в Боснии в полной мере сотрудничать с Международным трибуналом в Гааге с целью судебного преследования тех, кто обвинялся в совершении военных преступлений. По мнению американцев, создание стабильных условий для введения в БиГ сил НАТО под руководством США требовало, в первую очередь, устранения Караджича и Младича с политической сцены. С точки зрения геополитики, было ясно, что вследствие постепенного уменьшения присутствия НАТО в Германии перед альянсом встала задача сохранения своих позиции в Европе, которая в какой-то степени могла быть решена переброской части сил в БиГ⁷⁹. В ходе переговоров, в которых с американской стороны участвовали специалисты по военной безопасности — генерал Кларк и люди из Пентагона, а с нашей — представители Армии Сербии и Республики Сербской, а также Станишич, Чичанович и я, мы заявили, что Сербия не согласна с тем,

---

⁷⁹ Распространенное в середине 1990-х гг. объяснение мотивов американского военного присутствия в БиГ тем не менее не выдержало испытания временем — в то время как базы в ФРГ до сих пор остаются столпом военного присутствия США не только в Европе, но и во всем восточном полушарии, важнейшим узлом глобальных военных перевозок, базы США в Боснии были свернуты после начала операций в Афганистане и Ираке в 2001–2003 гг., а единственный относительно крупный военный объект в регионе — база «Бондстил» в Урошевце (Косово) не имеет собственного аэродрома.

чтобы натовские офицеры прибыли в Сербию и принялись пересчитывать наши самолеты и прочее вооружение. В какой-то момент Кларк отреагировал: «Нет, мы не это имели в виду. Речь идет о том, чтобы предотвратить ситуацию, при которой военные самолеты из Сербии перебрасываются в Боснию и действуют из Баня-Луки или откуда-нибудь еще».

В составе отдельной группы Коста Михайлович, Балша Шпадиер и Войкан Миленкович участвовали в разработке конституционного соглашения по Боснии.

Все друг друга подслушивают

В перерыве переговоров по секциям президент Милошевич позвал Милутиновича, Станишича и меня подышать воздухом. Помещения и объекты, в которых нас поселили, прослушивались. Поэтому, чтобы поговорить немного свободнее, мы прогулялись по базе, между павильонов, по паркам. Разумеется, не требовалось большого ума, чтобы понять, что в павильонах прослушивается каждый угол. По-видимому, и за прогулкой не составляло труда следить с помощью особых устройств и технологий, которыми американцы располагали и в развитии которых они опережали весь мир на много десятилетий. Позднее выяснилось, что так оно и было. Впрочем, в Дейтоне все службы с особым рвением делали свою работу. Даже наши, установив свою «клетку» и настроив инструменты, слушали, что происходит вокруг нас. Предположу, что и остальные, включая хорватов, имели технику как для подслушивания, так и для его предотвращения. Нашим удалось в пределах павильона прослушивать мобильные телефоны и своей собственной делегации. Однажды утром мне с улыбкой пересказали мой разговор с женой, которая требовала, чтобы я вернул в магазин купленную цветастую куртку американской футбольной команды *San Francisco 49ers* и поменял ее на одноцветную. Тут до меня дошло, что меня и наши слушают, что уж говорить об американцах! Слушают нас повсюду на базе, в каждой комнате, на каждой прогулке, хотя, конечно, на открытом воздухе это делать тяжелее, чем в помещении.

Милошевич попросил нас изложить свое мнение о том, что происходило в тот момент. Кратко обсудив технические вопросы — доступность документации и работу в секциях, — мы согласились с тем, что этот мирный договор создает условия для размещения

войск НАТО под командованием США на территории Боснии и Герцеговины. После распада восточного военного блока и вывода его войск из баз в Германии Североатлантическому альянсу предстояло играть новую роль в Европе. Новый мандат подразумевал предотвращение этнических столкновений и обеспечение мира в бывшей Югославии. Мы также сошлись во мнении, что, столкнувшись с нашим ясно выраженным неприятием, американцы в настоящий момент откажутся от попыток осуществлять внутренний военный контроль в Сербии.

Всё на бумаге, а ее слишком много

После прогулки мы отправились на короткий рабочий обед в офицерский клуб, где вскоре появился Джон Барли. Отозвав меня в сторону, он сообщил, что вечером того же дня Франьо Туджман вылетает в Хорватию. Я рассказал об этом своим спутникам. «Уж не собирается ли он предпринять что-нибудь, пока мы здесь?» — отреагировал Милутинович, опасавшийся, что хорваты нападут на Краину⁸⁰.

Стрессовая ситуация произошла через пару дней, когда мне позвонил Жак Бло и потребовал срочно встретиться с министром Милутиновичем. Ему шеф французской делегации сообщил, что Туджман издал приказ о всеобщей мобилизации, и что колонна из 40 танков движется к Вуковару. По мнению французов, это была серьезнейшая проблема, которая могла привести к осложнению ситуации и прекращению переговоров. Поэтому мне нанес визит и Крис Хилл, который тоже пожелал встретиться с Милутиновичем. Его он заверил, что Туджман не собирается нападать на Славонию, а только лицедействует и устраивает сцены. Убеждал, что нет причины волноваться и на следующий день Туджман вернется в Дейтон.

Мы вернулись к работе в секциях. Самая большая нагрузка пала на военных членов делегации, которые приступили к изучению карт, предоставленных американской стороной. Немало потрудиться пришлось и Косте Михайловичу с Балшой Шпадиером, которые целый день разрабатывали рамочные конституционные механизмы функционирования как двух «энтитетов» в отдельности, так

---

⁸⁰ Возможно, подразумевался остаток территории РСК в Восточной Славонии, не затронутой хорватской операцией «Олуя» в августе 1995 г.

и Боснии как общего государства. Михайлович и Шпадиер сходились во мнении, что конституционный проект исключительно запутан, что его очень тяжело, но все-таки возможно реализовать на практике. Одновременно они полагали, что будущий документ можно будет сбалансировать таким образом, чтобы он служил гарантией прав Республики Сербской⁸¹. Конституционные рамки предполагали наличие трех членов президиума, которые только единогласно могли принять какое-либо решение. Кроме того, каждый «энтитет» должен располагать собственным правительством и ведомствами.

В тот вечер мы отправились в военно-дипломатический магазин, который находился в двух шагах от базы, чтобы закупить все необходимое для дальнейшего проживания в Дейтоне. После этого Станишич, Чичанович, Спиру, Раднич, Надеждин и я пошли ужинать в китайский ресторан. Вернувшись в свою комнату около 23:00, я увидел, какая гора бумаг лежала у меня на столе — рамочный договор и договор о прекращении огня, конституционные соглашения, все приложения. Я подвел черту под тем, что было сделано за этот день. День, заваленный бумагами.

---

⁸¹ Действительно, именно конституционные полномочия стали главной защитой Республики Сербской, обеспечившей ее выживание, несмотря на последовательные попытки унитаризации БиГ.

Как вызволить журналиста?

4 ноября в субботу вся первая половина дня была посвящена преодолению кризиса, вызванного пребыванием в плену Дэйвида Рода — журналиста издания *The Christian Science Monitor*. Эта газета, а также *The Boston Globe*, *Washington Post* и *The New York Times* публиковали громкие заголовки, инициируя общественную и политическую кампанию по вызволению журналиста, находившегося в заточении у боснийских сербов.

The Christian Science Monitor — авторитетный журнал из Бостона, щедро финансируемый церковью и пользующийся влиянием в правых консервативных кругах Новой Англии. Дэйвид Род — тридцатилетний журналист, военный корреспондент, которого захватили в конце лета 1995 г. во время бомбардировок Республики Сербской. Во время завтрака в *Packy's* и обеда в офицерском клубе только и было разговоров о его освобождении и о том, что для этого могла бы сделать наша делегация. Еще раз мы вдвоем со Станишичем выехали с военной базы на встречу с людьми из ЦРУ. Они требовали освобождения Рода, чтобы избавить американскую делегацию от давления со стороны общественности, а нас — от давления со стороны американских властей. Кроме того, это позволило бы восстановить конструктивную атмосферу и продолжить переговоры. Агенты ЦРУ напомнили Станишичу, как успешно и эффективно он действовал при освобождении захваченных представителей Сил ООН по охране (СООНО), которых боснийские сербы привязали к фонарным столбам во время тех же бомбардировок Республики Сербской самолетами НАТО⁸².

---

⁸² Кризис был вызван наступлением армии боснийских мусульман с целью прорыва сербской блокады Сараево в мае 1995 г. Для его отражения сербы

Станишич и я вернулись на базу убежденные в том, что необходимо оказать дополнительное давление на боснийских сербов, чтобы они освободили Дэйвида Рода. Тем самым нормализовалась бы атмосфера переговоров, а наша делегация перестала бы испытывать координированное давление со стороны американской общественности. Станишич вызвал Николу Колевича и потребовал от него немедленно обратиться к боснийско-сербскому руководству, находившемуся в г. Пале⁸³, чтобы оно освободило Рода. Своим людям в Белграде он поручил надавить на боснийских сербов, а также предупредить о серьезных последствиях, которые может иметь такое их поведение. После этого мы отправились в офицерский клуб, в котором Милошевич в присутствии Холбрука встречался с родителями Дэйвида Рода.

задействовали тяжелое вооружение, что, в свою очередь, привело к авиаударам НАТО по их складам вооружения вблизи Сараево 25 и 26 мая 1995 г. В ответ сербы захватили 377 солдат из контингента ООН, используя их в качестве живого щита на военных и инфраструктурных объектах. Кризис с заложниками был разрешен после вмешательства Й. Станишича, последние заложники были освобождены 19 июня 1995 г. Непосредственным следствием инцидента стало размещение в Сараево англо-французских сил быстрого реагирования с тяжелым вооружением для поддержки контингента ООН.

⁸³ Пале — городок в 10 км от Сараево. После начала в апреле 1992 г. гражданской войны в Боснии туда бежали из Сараево лидеры боснийских сербов. В 1992–1995 гг. город был военной столицей РС и оставался ее политическим центром до 1998 г., когда основные учреждения республики были перенесены в Бания-Луку, ее нынешний административный центр.

Милошевич говорит от имени всех сербов

Крис Спиру организовал в офицерском клубе ужин, на котором подавали особый деликатес — почти килограммовых омаров. Из нашей делегации присутствовали только президент Милошевич, Милутинович, Булатович, Милинович и Спиру. За другим столом сидели Станишич, Чичанович, Надеждин, Раднич и я. Американцев было 14. Их делегацию возглавлял Холбрук, компанию которому составили генерал Кларк, Крис Хилл, Руди Перина и генерал-лейтенант Дональд Керрик⁸⁴ из Совета национальной безопасности. На ужине присутствовали жена Холбрука Кэтти Мортон, Розмари Гикаш, Джим Пердью, жена Кларка Герт, а также супруга Криса Хилла.

Во время ужина у Милошевича с Холбруком состоялся разговор *tête-à-tête*. Милошевич требовал, чтобы Холбрук использовал свое влияние и остановил пропагандистскую истерию в СМИ в связи с делом Дэйвида Рода. Он напомнил помощнику госсекретаря, что все сербы и Сербская православная церковь дали ему мандат вести переговоры от их имени ради подписания мирного соглашения. Настаивал на прекращении негативной кампании и создании нормальной атмосферы для переговоров и поиска решения. Со своей стороны, Холбрук требовал арестовать Караджича с Младичем,

---

⁸⁴ Дональд Керрик (Donald Kerrick) (р. 1949) — военный разведчик, генерал-лейтенант армии США, в 1994–1995 гг. член СНБ США, директор по европейским делам, в 1995–1996 гг. директор управления агентурной разведки РУМО США, в 1997–1999 гг. заместитель помощника президента США по национальной безопасности, в 1999–2000 гг. помощник начальника Объединенного комитета начальников штабов США, в 2000 г. заместитель советника президента США по национальной безопасности.

что позволило бы Международному трибуналу в Гааге начать работу. Рассказал, что на президента Клинтона в рамках кампании, развернувшейся в Конгрессе и в целом в обществе, оказывают сильное давление, убеждая его отменить эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам. По моим оценкам, Холбруком двигало стремление обеспечить безопасную обстановку в преддверии вступления в Боснию американских сил. Поэтому он настаивал на устранении экстремистов из боснийско-сербского руководства, в частности, Караджича и Младича.

После ужина мы направились к нашему павильону. Было уже поздно, около двух часов ночи. Осень взяла свое — лил дождь, листья опадали, и дул сильный пронизывающий ветер, пробиравший до костей. В комнату я вернулся совершенно продрогшим, потому что для ужина облачился в слишком легкий костюм для официальных мероприятий. Перед сном я задумался о том, что требование Холбрука арестовать Караджича с Младичем, а не просто убрать их со сцены, потенциально может обернуться огромной проблемой.

Gag order нарушен

Утром 5 ноября Джон Барли передал мне согласованные к этому моменту проекты конституции БиГ и военного соглашения о прекращении огня и разведении воюющих сторон, а также новое предложение документа, санкционирующего вступление войск НАТО в Боснию. Обзор прессы, который мне каждое утро доставлялся в Дейтон из нашего посольства в Вашингтоне, не оставлял сомнений в том, что журналисты уже ознакомились со всеми этими бумагами. Американская пресса, а также главные электронные СМИ всю первую половину дня обсуждали конституционные соглашения, делая неутешительный вывод, что с их помощью уничтожается единое государство Босния и Герцеговина, а «энтитеты» присваивают все властные полномочия. Так, дескать, поощряются военные преступления, преступления против человечности и этнические чистки. Пресловутый *gag order* долго не продержался. Американские СМИ, находившиеся под влиянием мощных и хорошо вознаграждаемых лоббистских и консалтинговых групп, за которыми стояли богатые арабские и мусульманские страны, финансировавшие боснийских мусульман, осуществляли давление, направленное на то, чтобы подверстать конституционные соглашения под концепцию унитарной БиГ. С другой стороны, американская администрация нуждалась в согласии сербской делегации с проектом конституционных соглашений. Иначе нельзя было добиться нормализации обстановки в Боснии, необходимой в преддверии переброски туда сил НАТО, ранее расквартированных в Германии. Поэтому американская сторона приняла предложенные Балшей Шпадиером и Костой Михайловичем поправки, укреплявшие позиции «энтитетов». В то же время в проекте конституционных

соглашений большими полномочиями наделялся конституционный суд БиГ, которому отводилась роль последнего гаранта не ахти какого единства государства.

Около полудня Крис Спиру рассказал мне, что узнал по телефону от журналистки *New York Times* Маргарет Майкс, что Мухаммед Шачирбей передал текст конституционных соглашений ее коллеге по редакции Роджеру Коену. Мы поняли, что *gag order* нарушен. Свой решительный протест в связи с этим серьезным проступком мусульман мы выразили американцам во время наших вечерних переговоров с ними. На встрече с Холбруком президент Милошевич обратил его внимание на игры мусульман и на провокации, осуществляемые вместе с американскими журналистами, которые по-прежнему демонизируют нас. Спросил, можно ли найти средство приструнить Шачирбея, на что Холбрук ответил, что тот не играет существенной роли, и не нужно на него обращать внимание.

Позднее, во время ужина в ресторане *Packy's* на большом экране мы в прямом эфире смотрели похороны премьер-министра Израиля Ицхака Рабина⁸⁵. Проблема конституционных соглашений близилась к своему решению, что дало возможность сербской делегации перевести дух. Мы ожидали, что мусульмане, как анонсировал Холбрук, вскоре выразят свое согласие. За столом Йовица Станишич поведал, что получил от Пердю и Кларка проект документа с предложенными линиями демаркации, на основании которых будут определены границы «энтитетов».

---

⁸⁵ Ицхак Рабин (Yitzhak Rabin) (1922–1995) — израильский генерал и политик, начальник израильского Генштаба во время Шестидневной войны 1967 г., премьер-министр Израиля, заключивший в 1993 г. соглашения в Осло с лидером Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом (лауреат Нобелевской премии мира 1994 г. вместе с Я. Арафатом и Ш. Пересом). Застрелен 4 ноября 1995 г. противником этих договоренностей.

Авторитет Станишича

Из всех членов сербской делегации Йовица Станишич из-за своего имиджа пользовался у американцев исключительным уважением. Особенно среди представителей разведки и служб безопасности. Впервые я это заметил во время одной весьма конфиденциальной встречи с помощником директора ЦРУ по делам Европы, состоявшейся в отеле неподалеку от базы. Я выполнял роль сопровождающего лица и переводчика. Как собеседника его исключительно ценили американские разведслужбы, в том числе и военные. У госбезопасности и оперативников свой общий язык, который позволяет им хорошо понимать друг друга. Станишича уважали, потому что он действовал оперативно и держал слово.

Станишичу был оказан особо теплый прием, когда он после Дейтона приехал с визитом в Вашингтон как директор Службы государственной безопасности. Тогда он подарил директору ЦРУ Джорджу Теннету картину Оли Иванички⁸⁶. С ним обходились исключительно радушно как в ходе официальных переговоров, так и в неформальной обстановке, например, во время ужина в лучшем джаз-клубе Вашингтона *Blue Moon*, где мы как-то вечером наслаждались музыкой. Его авторитет среди американцев очень вырос после эффективного освобождения солдат СООНО в Республике Сербской. Ему также были благодарны за эффективные действия, имевшие результатом вызволение Джона Рода. Сначала он оказал давление на боснийских сербов, а через три дня обеспечил безопасную переправку Рода в Венгрию. Позднее поднялся шум в связи с тем, что

---

⁸⁶ Ольга Васильевна Иваницкая (Оля Ивањицки) (1931–2009) — ведущая югославская художница-авангардистка. Дочь русских эмигрантов.

ЦРУ якобы всегда хотело защитить Станишича от преследований со стороны других ветвей американской администрации, в частности, руководителей Госдепа, которые называли его «хладнокровным убийцей с голубыми глазами». У последних имелись для этого свои резоны. Чтобы ослабить позиции Милошевича, сначала следовало очернить Йовицу Станишича, представив его «плохим парнем» и главным исполнителем преступных указаний своего шефа в Боснии. Мне даже человек из ЦРУ Дэйвид Кеннан позднее в присутствии журналиста Дэйвида Байндера и Обрада Кесича рассказал в Вашингтонском ресторане *Underground*, что Станишича использовали как жертвенного агнца, чтобы насолить Милошевичу. Я напомнил тогда, что Станишич освобождал миротворцев, примирял враждующие стороны. Кеннан воздел в бессилии руки: «Политики решают, а не разведка». Мусульмане регулярно подбрасывали ложные сведения о преступлениях, якобы совершенных людьми Станишича. ЦРУ старалось этому воспрепятствовать, пока не получило по рукам от Мадлен Олбрайт⁸⁷ и Леона Фуерта⁸⁸ — помощника советника по национальной безопасности и творца американской санкционной политики в отношении Сербии. С ним у меня состоялся единственный разговор, в ходе которого я сказал, что США должны отменить санкции. «Нет, мы усилим санкции, чтобы заставить Милошевича отказаться от своей политики», — таков был ответ.

В тот вечер в Дейтоне по моей вине произошел небольшой комичный «инцидент». За ужином в офицерском клубе сидели вместе

---

⁸⁷ Мадлен Олбрайт (Madeleine Albright) (р. 1937) — американская политик и дипломат, дочь чешских эмигрантов. Студентка З. Бжезинского. С 1972 г. функционер Демократической партии, в 1978–1981 гг. член СНБ США, в 1982–1993 гг. профессор Джорджтаунского университета. В 1992 г. советник Б. Клинтона, в 1993–1997 гг. постоянный представитель США в ООН, в 1997–2001 гг. госсекретарь США, первая женщина, занявшая этот пост. Активная сторонница бомбежек Югославии в 1999 г.

⁸⁸ Леон Фуэрт (Leon Fuerth) (р. 1939) — американский дипломат и чиновник, в 1980-х гг. глава аппарата Комитета по разведке Конгресса США, с 1985 г. сотрудник аппарата сенатора А. Гора (вице-президент США в 1993–2000 гг.), в 1993–2000 гг. советник вице-президента США А. Гора по национальной безопасности, сторонник введения и ужесточения санкционного режима против СРЮ.

Йовица Станишич, Никола Чичанович, Влада Надеждин и я. Потом подтянулись шеф кабинета Момира Булатовича Брано Срда-нович, шеф охраны Булатовича и его личный телохранитель. Они припозднились и пришли, когда каждый из нас уже ел свой бифштекс — знаменитый американский *T-bone steak*. Черногорские коллеги за день истрепали мне все нервы. Два раза они ездили на микроавтобусе в город, из-за чего наша делегация осталась без транспорта. В первый раз они отправились покупать какие-то книги, во второй — мигалки для полицейских машин в Черногории. Накупили их двадцать штук, несколько раз туда-сюда катались, а мы весь день сидели без машины. Поэтому, когда появился шеф охраны Момира Булатовича со словами: «Как хорошо выглядит то, что вы едите. Я хочу такое же заказать. Мои там рыбу едят. Как это называется?», я ему раздраженно ответил: «Это называется *big potato* (большой картофель)». Он вернулся довольный за свой стол и позвал официанта, чтобы самому сделать заказ. Официант взглянул на него с удивлением и отошел. Возвращается через несколько минут с большой картофелиной, запеченной в фольге. Человек эту фольгу развернул и говорит: «Смотри-ка, а что мне с такой огромной картохой делать? А где мой бифштекс?».

Демонизация Милошевича и западня в Сараево

На следующий день Станишич меня вызвал и попросил помочь его команде, которая собиралась в Дейтон, чтобы закупить профессиональное снаряжение, компьютеры, соответствующий софтвер и периферийное оборудование. Заказ был большой — на 30.000 долларов. Когда он сказал, что всю эту сумму выдаст мне наличными, чтобы я расплатился в магазине, я ответил, что нельзя этого делать. В магазине это вызвало бы шок, так как в Америке не принято оплачивать наличными такую сумму. Я попросил его дать мне пару часов, чтобы я успел увеличить на своей кредитке лимит, который имею право потратить за месяц. После этого я бы в банке положил все эти деньги на карточку, и потом мы бы расплатились с ее помощью в магазине. Он согласился. Я позвонил в «Ритц-банк» в Вашингтоне и попросил повесить мне месячный лимит на 30.000 долларов. Меньше чем через два часа пришел положительный ответ, и мы со Златко Радничем и его людьми отправились в Дейтон за снаряжением. Расплатился я карточкой, мы забрали товар и чеки. По возвращении на базу все приобретенное было уложено в наш самолет. Покупки эти, включая оружие, не проходили таможенного контроля, а напрямую из Дейтона отправлялись в белградский аэропорт Сурчин.

В эти дни СМИ оказывали давление, обвиняя президента Милошевича и сербскую делегацию в том, что они не соглашаются на контроль вооружений, то есть не разрешают натовцам войти на территорию Республики Сербия и произвести оценку ее военного и прочего потенциала. Принуждали и к тому, чтобы Сербия уже в ходе переговоров в Дейтоне признала БиГ и Хорватию. Из-за неуступчивости сербской делегации Холбрук опять стал рассказывать

американским журналистам, что «переговоры зашли в тупик», что «переговоры провалятся, потому что президент Милошевич против мирного решения» и т.п. Все это, разумеется, с тем умыслом, чтобы с помощью подобных заголовков оказывать на нас давление. А правда состояла в том, что на этих переговорах сербская делегация во главе с Милошевичем была больше всех заинтересована в достижении мира, а сорвать переговоры пытались мусульмане во главе, прежде всего, с Шачирбеем, а также с Изетбеговичем и Силайджичем.

В своем PR-штабе в отеле *Holiday Inn* Шачирбей безостановочно проводил пресс-конференции, на которых обвинял сербскую делегацию в отсутствии гибкости. На самом деле именно он на переговорах отвергал все предложения сербской делегации. В разгар переговоров он делал все, чтобы демонизировать Милошевича, хотя тот никогда не прибегал к каким-либо уловкам и не делал ложных предложений. А вот сами мусульмане грешили этим. Например, как-то раз Мухаммед Шачирбей и Роджер Коэн⁸⁹ отправились вместе в Огайо, чтобы посмотреть матч по американскому футболу. Шачирбей пожаловался спутнику, что сербы отвергают все предложения, что они не хотят мира, а добиваются только легализации фактического положения вещей в Боснии, при котором они смогут по-прежнему совершать преступления и осуществлять геноцид. Вскоре все это было опубликовано на первой полосе *Washington Post*.

Президент Милошевич действительно однажды отверг американское предложение по Сараево. Не без веских оснований. Эту бумагу, автором которой был Холбрук, Милошевич назвал чушью и разорвал прямо перед его лицом. Холбрук собрал обрывки и отправился к американскому эксперту по составлению законопроектов

---

⁸⁹ Роджер Коэн (Roger Cohen) (р. 1955) — английский и американский журналист, в 1977–1983 гг. сотрудник «Рейтер», в 1983–1990 гг. — *The Wall Street Journal*, в 1990–2006 гг. — в *The New York Times*, причем в 1994–1996 гг. был ее корреспондентом по Балканам, с сентября 2001 г. глава внешнеполитической редакции газеты, с 2006 г. старший редактор *The International Herald Tribune*.

Робертсу Оуэну⁹⁰ писать новый документ. Никто из нас, кроме Милошевича, не видел этого предложения. Позднее он с нами поделился, что речь шла о том, чтобы наделить Сараево статусом особого «энтитета», отдельного от Республики Сербской и Мусульманско-хорватской федерации и пользующегося примерно теми же правами, что и Федеральный округ Колумбия в США (Washington DC). Почему Милошевич не пошел на это? Потому что он сразу распознал ловушку. В Сараево на всех выборах правительства победу одерживали бы мусульмане, располагавшие большинством в городе. В результате нашему «энтитету» всегда противостояли бы два враждебных. Это стало бы полным поражением⁹¹. Поэтому он и отверг предложение, а Холбруку не оставалось ничего другого, как смириться с отказом.

---

⁹⁰ Робертс Оуэн (Roberts Owen) (1926–2016) — американский юрист и дипломат, в 1979–1981 гг. юрисконсульт Госдепа США, представлял США в процессе против Ирана в Международном суде в Гааге, один из авторов Алжирского соглашения с Ираном (об освобождении американских заложников), в 1995 г. отвечал за разработку конституции БиГ (приложения IV к Дейтонским соглашениям), в 1996–1999 гг. глава международного арбитража по межэнтитетской линии разграничения в Брчко (БиГ). Изменив предмет рассмотрения, вместо определения линии разграничения в спорном районе Р. Оуэн занялся его статусом. В марте 1999 г. он постановил изъять общину Брчко из состава как РС, так и ФБиГ, и создать отдельный округ Брчко с собственной системой как самоуправления, так и внешнего управления. Тем самым территория РС была разделена на две части (восточную и западную), а округ фактически стал третьей автономией БиГ, не предусмотренной в Дейтонских соглашениях.

⁹¹ Отдав Сараево полностью на откуп боснийским мусульманам, С. Милошевич фактически предопределил сербский исход из этого города. См. также прим. 139. Планы выделения Сараево в особый округ регулярно возникают на протяжении всего постдейтонского периода.

Жизнь или письмо

Уже к 7 ноября мы поняли, что у нас три основных камня преткновения. Первый — проблема Сараево, решение которой подразумевало прекращение всех боевых действий. Второй — ширина коридора в районе Брчко, а третий — судьба Караджича и Младича. Актуальным оставался и вопрос Сребреницы и Жепы, а именно, коридора до этих городов и их подконтрольности мусульманам.

Как будто нам мало было головной боли, в тот день Руди Перина передал нам, что Питер Галбрайт исчез где-то на территории Боснии. Отправился из Загреба в Белград и растворился в густом тумане на сербской стороне. Американцы потребовали, чтобы Йовица Станишич сразу задействовал своих людей в Сербии, чтобы они помогли найти пропавшего Галбрайта. Беспокоились, как бы с ним чего не случилось. Однако через час-полтора сотрудники Станишича его обнаружили. Его безопасности ничто не угрожало.

В те дни в *Washington Post* вышла статья, в которой было опубликовано письмо председателя Международного трибунала по военным преступлениям Ричарда Голдстоуна⁹², адресованное американскому посольству в Гааге. В послании говорилось, что, хотя США всем сердцем поддерживают деятельность трибунала, они

---

⁹² Ричард Голдстоун (Richard Goldstone) (р. 1938) — южноафриканский юрист, в 1990–1994 гг. член Апелляционного суда ЮАР, один из участников процесса передачи власти от белого меньшинства к черному большинству. В 1991–1994 гг. глава комиссии по расследованию актов политического насилия. В 1994–1996 гг. первый главный прокурор МТБЮ и Международного трибунала по Руанде.

не оказывают ему информационно-разведывательной поддержки и не предоставляют достаточной фактической информации о совершенных преступлениях — не показывают снимки массовых захоронений и не делятся разведанными. Голдстон просил американцев поделиться своим архивом, чтобы трибунал смог безотлагательно приступить к работе. После этой публикации на нас опять стали с утроенной энергией оказывать давление, чтобы мы немедленно устранили Караджича и Младича с общественно-политической сцены в Республике Сербской.

Президент Милошевич не мог просто так согласиться с этим требованием, ведь этим он лишь усугубил бы ситуацию на местах. Следовало учитывать, что подпись Милошевича может спровоцировать агрессивную реакцию со стороны Караджича и Младича, в чем мы меньше всего нуждались. Милошевич настаивал на соблюдении презумпции невиновности до вынесения приговора, как это принято в Америке на всех судебных процессах. Однако давление лишь усиливалось с каждым днем. В конце концов Холбрук сформулировал предложение, согласно которому Караджич и Младич самоустранились с политической сцены в обмен на отказ от их судебного преследования. Это предложение существовало в виде письма, которое Милутинович, Милинович, Надеждин и я видели собственными глазами. Это письмо, в котором содержались так называемые гарантии иммунитета от судебного преследования в случае отказа от общественной деятельности, было отправлено Караджичу. Все это выглядело как классическая уловка из американского вестерна. Письмо не стало значимым фактором устранения Караджича с Младичем⁹³. Эта проблема, горячо обсуждавшаяся в американских политических и общественных кругах, была переложена на плечи президента Милошевича. И он с ней справился умело и без лишнего шума.

Процедура принятия решений в США ясно прописана. Президент выносит решения в форме указов, а конгресс — в форме законов. Письмо помощника министра всегда можно истолковать как

---

⁹³ После своего ареста в 2008 г. Р. Караджич безуспешно апеллировал к приглашению с Р. Холбруком.

его личный акт, не имеющий ни значения, ни юридической силы. Если бы письмо подписал госсекретарь, оно имело бы определенный вес. Напротив, речь шла о хитрой уловке Холбрука. Каждому, кто имеет представление о том, как устроено американское общество, ясно, что ценность такого письма такая же, как у красивой открытки, полученной с курорта. Отправляя Караджичу и Младичу свое послание, Холбрук, по его собственному признанию, собирался «загнать их в мышиные норы. А когда придет время, кошка их оттуда выловит». Все это мне позднее подтвердили и высокопоставленные европейские дипломаты, находившиеся в Вашингтоне.

Спустя десять лет после Дейтонской конференции мне опять пришлось иметь дело с одним американским письмом. По требованию защиты Йовицы Станишича меня вызвали в специальный суд по военным преступлениям, чтобы я сделал заявление в связи с письмом ЦРУ, в котором говорилось, что Станишич действовал исключительно эффективно и сыграл конструктивную роль на решающем этапе мирного урегулирования в БиГ. В послании указывалось, что подсудимый много раз решал серьезные проблемы, возникавшие на местах и не должен отвечать перед Международным трибуналом в Гааге. О Станишиче я был самого высокого мнения, которое не изменилось до сих пор. Полагаю, что его осудили несправедливо. Даже когда его освободили, процесс возобновился. По-видимому, у него по-прежнему есть враги среди влиятельных политиков, которые добиваются его наказания.

К сожалению, нельзя было возлагать большие надежды ни на послание ЦРУ, ни на письмо Холбрука. Первое, действительно, подписал директор американского разведывательного агентства, который, в отличие от Холбрука, не собирался кем-либо манипулировать. Однако и это не помогло Станишичу. В середине 2005 г., когда я, находясь в Гааге в качестве эmissара председателя правительства Сербии⁹⁴, убеждал Карлу Дель Понте⁹⁵, что Станишич

⁹⁴ Речь идет о Воиславе Коштунице (р. 1944), премьер-министре Сербии в 2004–2008 гг., главе Демократической партии Сербии (ДПС).

⁹⁵ Карла дель Понте (Carla del Ponte) (р. 1947) — швейцарский и международный юрист и политик, в 1994–1999 гг. генеральный прокурор Швейцарии, получила известность расследованиями против организованной преступности

не военный преступник, в ее глазах и жестикуляции можно было прочесть бешенство от самого упоминания его имени.

и международного отмывания денег. В 1999–2007 гг. главный прокурор МТБЮ и Международного трибунала по Руанде (1999–2003). Активно добивалась от национальных властей выдачи трибуналу обвиняемых им лиц, в том числе С. Милошевича, хорватских генералов А. Готовины и М. Маркача, косовско-албанских лидеров, включая Р. Харадиная. В 2008–2011 гг. посол Швейцарии в Аргентине, в 2012–2017 гг. входила в международную комиссию под эгидой Верховного комиссара ООН по правам человека по расследованию применения химического оружия в Сирии.

Туфли для Миры Маркович⁹⁶

В тот же день после обеда Горан Милинович и я потратили свое свободное время на поездку в торговый центр в Дейтоне. Горан попросил меня помочь купить пару туфель для Миры Маркович — супруги Слободана Милошевича. Он знал и название фирмы, и размер, и как выглядит модель. Так как у нас на одежде имелись бейджи, люди стали нас узнавать. Многие желали успеха в переговорах: «Удачи Вам, мы за Вас молимся». Так в подобных ситуациях ведет себя благонамеренный американец. Что касается туфель, то мы потом дважды возвращали их в магазин. Модель оказалась

---

⁹⁶ Мирьяна «Мира» Маркович (Мирјана «Мира» Марковић) (р. 1942) — югославская и сербская публицистка и политик, жена С. Милошевича. Дочь Момчило Марковича (1912–1992), политкомиссара Главного штаба Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Сербии, видного деятеля югославской номенклатуры 1945–1960 гг. и племянница Драгослава «Дражи» Марковича (1920–2005), главы Скупщины Республики Сербии в 1969–1974 гг., председателя Президиума Сербии в 1974–1978 гг., председателя Союзной скупщины СФРЮ в 1978–1982 гг. и председателя президиума ЦК Союза коммунистов Сербии в 1983–1987 гг. Считается, что именно женитьба на Мире Маркович открыла С. Милошевичу путь карьерного роста. Придерживалась коммунистических и проюгославских взглядов, выступала против сербских националистов. В 1990–1994 гг. входила в руководство Союза коммунистов — Движения за Югославию, партии, возникшей на основе парторганизации Югославской народной армии. В 1994 г. создала партию «Югославские левые» (ЮЛ) (распущена в 2010 г.), выступавшую в качестве коалиционного партнера СПС и объединившую многих олигархов тогдашней СРЮ. Пользовалась огромным влиянием на супруга, в том числе в политических вопросах. После отстранения от власти С. Милошевича новые власти обвинили М. Маркович в злоупотреблении служебным положением и незаконном распределении государственного жилья. С 2000 г. живет в России.

не та, поэтому пришлось поменять ее. В общем, только с третьего раза удалось найти ту, которая требовалась.

Мира Маркович по несколько раз в день звонила Милошевичу. Каждый раз, когда раздавался звонок, он прерывал и переговоры, и обеды. Расхаживал с телефоном по офицерскому клубу, держась подальше от наших столов. Как-то раз Йовица Станишич мне говорит: «Глянь, Небойша, человек с такой харизмой, а сразу отступает, как только жена на него надавит. Совершенно не могу этого понять». Я кивнул в ответ. Трудно было не согласиться, ведь подобная сцена повторялась раз за разом, и всем нам приходилось ждать, пока он разговаривает по 15–20 минут. Во время одной из этих бесед Мира поинтересовалась — куплены ли туфли, удалось ли найти нужную модель. Выслушав описание, размышляла — те ли это туфли, которые она хотела. Горан дважды покупал неправильные, и в третий раз выбирал я, потому что понял, о какой модели идет речь. И не ошибся.

Инициалы на договоре

Чем дольше шли переговоры, тем тяжелее было сотрудничать с мусульманской делегацией. Кроме того, со стороны нельзя было не заметить, что ее раздирают внутренние противоречия. Обстановка накалялась, потому что мусульмане в своем стремлении к максимальной выгоде не знали меры и утратили связь с реальностью. В особом замешательстве пребывали представители Европейского союза и Контактной группы⁹⁷, которые не могли понять, в чем состоит позиция мусульман. Проконсультироваться со мной часто заходили Жак Бло и Пьер Булер из французской делегации, а также Вольфганг Ишингер из немецкой. Они не могли взять в голову, чего хотят мусульмане, согласятся ли они на коридор в районе Брчко⁹⁸. Американцы держали европейцев на отдалении, поэтому они были хуже всех информированы. После американцев самой подробной информацией располагали мы.

Американцы намеревались присвоить себе все заслуги, если переговоры завершатся успешно. Со своей стороны, европейцы настаивали, чтобы в Дейтоне состоялось только парафирование мирного договора, а подписание — в Париже. Свое разочарование

---

⁹⁷ Контактная группа — созданное в 1994 г. неформальное объединение великих держав по урегулированию конфликтов в бывшей Югославии. Включала США, Англию, Францию, Германию и Россию, позже добавилась Италия. В мае 1994 г. в ее рамках был разработан так называемый «План Контактной группы» по боснийскому урегулированию, предполагавший раздел БиГ на мусульмано-хорватскую и сербскую части в пропорции 51:49, и конкретная карта разграничения. Здесь имеются в виду дипломаты стран ЕС и России.

⁹⁸ Коридор — Посавинский коридор в районе Брчко был единственной наземной связью западной и восточной частей РС.

в связи с происходившим больше всех выражал Карл Бильдт как официальный представитель Европейского союза, а Ишингер, Бло и Иванов — как представители Контактной группы. Источником проблем для мусульман служила и сформулированная ими ранее идея создания мусульманского государства, которая, прежде всего, не устраивала Туджмана. Он не мог согласиться с тем, чтобы его соплеменники оказались в чисто мусульманском «энтитете», который диктовал бы свою волю сербам и хорватам. Мусульмане убеждали хорватов в правильности их концепции, в чем особенно усердствовали Мухаммед Шачирбей и Харис Силайджич. Они вели эту игру. Стало ясно, что американцам придется надавить на мусульман, если они рассчитывают успешно завершить конференцию.

В своем апартаменте Милошевич встретился с Изетбеговичем и Силайджичем, а с сербской стороны впервые в переговорах участвовали сербы из Боснии — Краишник и Колевич⁹⁹. Так они впервые оказались за одним столом. Все мы вздохнули с облегчением, потому что лучше им вести переговоры, глядя друг другу в глаза, чем стоять по разные стороны линии фронта. На встрече присутствовали Милошевич и Булатович, Изетбегович и Силайджич, Краишник и Колевич — два югослава, два боснийских мусульманина и два боснийских серба. Шачирбея нарочно исключили из числа участников переговоров. А так как он занимал пост министра иностранных дел, то и Милутиновича пришлось оставить за дверью. Но это был лишь маневр, который мы предприняли, чтобы избавиться от Шачирбея. Впрочем, Изетбегович с Силайджичем тоже не хотели, чтобы он присутствовал, он им только мешал.

Встреча, прежде всего, должна была способствовать установлению более теплых отношений. Поверхностно обсуждались проблемы конституционного устройства, демаркационных линий и «энтитетов». Договорились продолжить встречу на следующий день в 17:00 в конференц-зале сербской делегации. Президент Милошевич пригласит Холбрука в качестве наблюдателя. Ему обеспечат

---

⁹⁹ Фактическое отстранение боснийских сербов от переговоров и замещение их С. Милошевичем было основой переговорной стратегии группы Р. Холбрука.

переводчика, потому что разговаривать будут на сербскохорватском.

На следующей встрече камнем преткновения стала сараевская проблема, потому что предложение о так называемом нейтральном Сараево, воспроизводящем модель округа Колумбия, было абсолютно неприемлемо для нашей делегации. Со своей стороны, Милошевич в ходе первого разговора потребовал прекратить давить на американцев, которых мусульмане с неизменной настойчивостью убеждали не отменять санкции в отношении Сербии. В тот день удалось договориться о том, чтобы составить проект резолюции Совета безопасности ООН об отмене санкций, когда мирный договор будет подписан инициалами, то есть парафирован.

В наш павильон пришел заместитель государственного секретаря Строб Тэлботт¹⁰⁰, которому на мирных переговорах, в отсутствие Уоррена Кристофера, отводилась лишь церемониальная роль. Все нити держал в руках Ричард Холбрук, а Тэлботт пришел напомнить президенту Милошевичу, что Дэвида Роде до сих пор не отпустили. С того момента, как родителям обещали освободить его, прошло уже три дня, и *Christian Science Monitor* готовился опубликовать новую серию статей, чтобы ускорить вызволение своего корреспондента. После этого Милошевич в разговоре, в котором участвовали Милутинович, Спиру и я, задал вопрос — не играет ли Караджич с нами в какие-то грязные игры или, другими словами, не препятствует ли он намеренно решению этого вопроса. Как только мы закончили беседовать, появился Джон Барли и вручил мне письмо, адресованное Уорреном Кристофером президенту Милошевичу. Прочитав его, тот сказал: «Опять Кристофер пишет о Дэвиде Роде». После этого он вернул мне копию письма и велел передать ее Станишичу с требованием немедленно решить эту проблему раз и навсегда.

---

¹⁰⁰ Строб Тэлботт (Strobe Talbott) (р. 1946) — американский политолог и дипломат, специалист по России. С 1972 г. друг Б. Клинтона. В 1994–2001 гг. заместитель госсекретаря США, курировал отношения с Россией, постсоветскими государствами и Восточной Европой. В 2002–2017 гг. президент Брукингского института.

Копию письма я передал Крису Спиру, и вместе мы отправились к Станишичу. Уоррен Кристофер, написавший письмо, только что вернулся из Израиля, где присутствовал на похоронах Ицхака Рабина. Станишич проинформировал нас, что операция осуществляется как-раз в момент нашего с ним разговора. Его элитные части находятся неподалеку от места, где боснийские сербы держат Рода. Можно рассчитывать, что до конца дня 8 ноября Рода освободят, а на следующий день около 8 утра он окажется в Белграде, где его сразу передадут американскому посольству. Мы сошлись во мнении, что было бы прекрасно, если бы мы смогли покончить с этой историей, которая преследует нас с первого дня в Дейтоне.

Свободу Дэвиду Роду

На следующий день — 9 ноября в 9:30 — я пошел спросить, известно ли что-нибудь конкретное о судьбе Рода. Увы, подчиненные Станишича еще не отвзвонились ему, и он не мог ответить, освобожден журналист или нет. Однако уже в 10:15 он сам позвонил мне, после чего мы вместе отправились к Крису Спиру и сообщили, что Род в Белграде, что он в хорошем состоянии, здоров. Некоторое время он провел в здании Службы государственной безопасности, откуда его забрал Том Соренсен — американский дипломат, подменявший Руди Перину, пока тот находился в Дейтоне. Затем Рода переправили в Будапешт и, в конце концов, — в Бостон.

Станишич объяснил нам, что Никола Колевич звонил Караджичу и пытался убедить его, а на самого Колевича давил Милошевич. Однако Колевич как будто имел дело с глухим. Караджич вообще не реагировал на увещания. Только когда к нему нагрянули элитные спецназовцы Станишича и пригрозили физической расправой, он передал им Рода. Крис Спиру сразу обзвонил всех знакомых журналистов. В числе первых — корреспондента Белого Дома Джима Гибсона, Маргарет Майклз из *New York Times*, Ральфа Беклайтера из *CNN*. Пока он сидел на телефоне, а Станишич куда-то ушел, я остался посмотреть, что *CNN* скажет о Роде. Впрочем, репортаж по большей части воспроизводил пропагандистские клише, присущие американским СМИ. По-видимому, Мухамед Шачирбей основательно забил им головы лживыми утверждениями, что сербы только в игры играют и не собираются освобождать Дэвида Рода. В тот момент, когда *CNN* сообщала, будто Госдеп не может подтвердить, что тот на свободе, он уже давно находился в Белграде, и журналистам было известно, что его возвращение в Америку — вопрос одного-двух дней.

Суп с телефоном

Весь тот день Йовица Станишич и наши военные эксперты посвятили проблеме демаркационных линий. Плодом их усилий стало наше предложение по демаркации границы и коридоров в стратегически значимых местах, как, например, Брчко, Сараево, Жепа и Сребреница. В обеденный перерыв, около 13:00, Станишич, Чичанович, Спиру, Влада Надеждин, Бояна Адамович, Ольга Влахович и я отправились в лучший китайский ресторан в Дейтоне. Я был организатором этого гастрономического мероприятия, на которое у нас было всего полтора часа. Как только подали кисло-сладкий суп, у Николы Чичановича зазвонил телефон. То же самое с ним дважды происходило, когда мы отоваривались в военно-дипломатическом магазине. Стоило нам войти туда, как раздавался звонок — Чичановича срочно хотел видеть Милутинович. Каждый раз, когда Чичанович брался за корзинку, чтобы набрать покупок, через две-три минуты следовал приказ вернуться на базу. Поэтому, когда он был с нами, мы всегда ездили на двух микроавтобусах. Потому что знали, где бы мы ни оказались с Чичановичем, Милутинович сразу вызовет его. Чичановичу ни разу не удалось закончить поход в магазин, поэтому мне приходилось покупать предметы первой необходимости, которые ему требовались. И вот, когда мы сели обедать и у Чичановича зазвонил телефон, он его вытащил и утопил в супе со словами: «Ну, теперь ты меня не достанешь. А этот суп я есть не стану, закажу другой». Так он и сделал. А мы, остальные, заказали закуски, главное блюдо и залили все это бокалом вина. Приятно было перевести дух после всего, что мы пережили в тот день.

Разумеется, на следующий день Чичанович появился за завтраком с новым телефоном — «нокией». Тогда уже появились более современные компактные модели. Позднее я узнал, что Милутинович заказал ему такую из Нью-Йорка, из нашей миссии.

Войну надо остановить!

В 14:20 Крис Хилл оповестил меня, что президент Клинтон разговаривал с Родом, который находился в американском посольстве в Белграде. Эту новость уже передали все СМИ. Чуть позже все мы снова оказались в весьма запутанной ситуации. Бесконечная встреча президента Милошевича и нашей делегации с Алией Изетбеговичем проходила в весьма напряженной обстановке и едва не завела всех в тупик. Камнем преткновения стали карты. Единственное, о чем удалось договориться, это продолжение переговоров на следующий день. Из-за сложного рельефа демаркация и создание карт Боснии и Герцеговины очень непростая задача для всех картографов — и военных, и экспертов Станишича. Они подготовили новое предложение, обсуждение которого было отложено на завтра. Наши эксперты передали свой проект проведения демаркационных линий, про который Кларк сказал, что он лучше, и что мы движемся в нужном направлении. С этим в известной мере согласились даже люди Алии Изетбеговича и Хариса Силайджича. Проблемы создавал только Шачирбей.

Приближалось к концу и составление договора по Восточной Славонии. Туджман вернулся в Дейтон и с удвоенной энергией взялся за это соглашение. И в этом случае главные затруднения возникали из-за карт. В какой-то момент, чтобы обеспечить прогресс переговоров, Холбрук и Милошевич договорились взять на себя решение этой проблемы. Новые предложения, которые Милошевич озвучивал Холбруку, тот передавал дальше посредством так называемой челночной дипломатии. Отправлялся к хорватам и мусульманам, устраивал короткие брифинги для Контактной группы и далее по кругу. Не консультируясь с Крайшником и Колевицем,

Милошевич абсолютно самостоятельно занимался проблемой составления карт.

Официально Ричард Холбрук позиционировал себя как представитель американской администрации. С другой стороны, будучи политиком, он понимал, что речь идет о войне, которая унесла тысячи жизней солдат и невинных гражданских лиц. Поэтому судьба мира в Боснии имела исключительное значение для дальнейшей политической карьеры Билла Клинтона. Если бы мирные переговоры провалились и война продолжилась, громче зазвучали бы голоса в пользу американского военного вмешательства в Боснии. А оно, по-видимому, пришлось бы на время второй избирательной кампании Клинтона в 1996 г. Республиканцы могли бы воспользоваться этим, чтобы попытаться изгнать его из Белого дома. Заставили бы Клинтона увязнуть в боснийской войне, что, вероятно, стоило бы ему второго срока. Понимая это, Холбрук, не выбиравший средств для оказания неослабевающего давления на нашу делегацию, начал чуть более серьезным тоном разговаривать и с мусульманскими представителями.

Санкции остаются?

В ресторане *Packy's* за одним столом обедали Алекса Буха, Колевич и Краишник, а за соседним — Неджиб Шачирбегович и Мухаммед Шачирбей со своими друзьями. Последние пребывали в полной информационной блокаде из-за «челночной дипломатии» Холбрука. Тот, обменявшись предложениями с Милошевичем, отправлялся к Туджману и хорватам, которые по большей части со всем соглашались. Затем Холбрук преодолевал сопротивление Изетбеговича, исключая из коммуникации Шачирбея.

Позднее у меня состоялся продолжительный разговор с Крисом Хиллом и Джоном Барли, которые поделились со мной, что решением может стать раздел территории по принципу 51 % на 49 %. Это подразумевало, что сербам, контролирующим 64,6 % территории БиГ, придется пойти на значительные уступки. Кроме того, мои собеседники рассказали, что руководство, а именно Клинтон и Кристофер, оказывают на них серьезное давление, побуждая к скорейшему подписанию договора по Восточной Славонии. Поэтому они ускоренным темпами готовят текст, который, по их убеждению, станет приемлемым для всех сторон, даже для сербской. Ведь документ предусматривает значительную самостоятельность сербской автономной области Восточная Славония, которая располагала бы собственной полицией и даже денежной единицей¹⁰¹. Закончив разговор, я отправился в свою

---

¹⁰¹ Автор ошибается. На деле Эрдутское соглашение от 12 ноября 1995 г. о мирной реинтеграции Восточной Славонии в конституционно-правовые рамки Хорватии не предполагало никакой административной, полицейской и тем более — валютной автономии этого региона. Речь в соглашении шла лишь о гарантиях прав и свобод жителей и свободном возвращении беженцев

комнату, где изложил все услышанное в записке, которую передал Милутиновичу и Милошевичу.

В тот же вечер Холбрук и Крис Хилл по просьбе Милошевича привели на ужин Дэвида Липтона — помощника американского государственного секретаря по финансам. Обсуждали требование Милошевича отменить после подписания Дейтонского договора все санкции в отношении Сербии. На следующий день меня пригласил к себе Игорь Иванов. От сотрудников российской миссии при ООН он узнал, что будут отменены не все санкции, а только торговые. В силе останется так называемая внешняя стена санкций — финансовые ограничения. На деле это означало, что мы получим возможность торговать, но по-прежнему не сможем проводить транзакции и получать кредиты. Иванов передал мне один документ, в котором объяснялось, откуда исходит данное предложение. Позвав Спиру, я пошел с этой бумагой к Милутиновичу. Тот сказал, чтобы мы сами без него рассказали Милошевичу обо всем, потому что он боится.

Войдя к Милошевичу, я пересказал ему свой разговор с Ивановым. Президент выглядел очень озабоченным. Позвонил Милутиновичу, который вскоре присоединился к нам. Ему удалось немного побороть свой страх, и мы еще раз вместе все обсудили. Милошевич позвонил нашему представителю в Совете безопасности ООН Владиславу Йовановичу. Их разговор мы слушали по громкой связи. Йованович пребывал в неведении, но не исключал, что американцы могут осуществить такой маневр. Он полагал, что с учетом того, как они себя вели до сих пор, что-то подобное мы вполне можем от них ожидать. Об этом он раньше говорил и писал.

Когда закончился этот тяжелый и насыщенный день, я ретировался в свою комнату, чтобы поспать. Не догадывался я, что новые потрясения не за горами. Они настигли меня гораздо раньше, чем можно было ожидать.

в свои дома. На переходный период создавалась Временная администрация ООН, которая завершила свой мандат к 1998 г., сроку окончания периода реинтеграции.

Кто посмеет разбудить Милошевича?

10 ноября рано утром, в пятницу, еще пребывая в объятиях Морфея, я услышал какой-то шум. Затем моя дверь распахнулась, и в комнату ворвались два человека, совершенно замерзшие и промокшие, потому что на улице лил дождь. Едва забрезжил по-настоящему осенний день. Проснувшись, я включил настольную лампу. Передо мной стояли шеф французской делегации и помощник министра иностранных дел Жак Бло и главный человек во французском посольстве в Вашингтоне Пьер Булер. Электронные часы на туалетном столике показывали 05:07. Я поднялся и предстал перед ними в пижаме:

— В чем дело, господа?

— Господин Вуйович, мы хотим, чтобы Вы нас немедленно отвели к президенту Милошевичу! — они ответили по-английски с сильным французским акцентом.

— Посмотрите, на часах 5 часов и 7 минут. Если я сейчас разбуджу президента Милошевича, то вряд ли сохраню свою работу.

— Очень срочное дело, господин Вуйович, звонил президент Ширак¹⁰² и требовал, чтобы президент Милошевич вмешался и помог освободить французских пилотов в Боснии¹⁰³.

---

¹⁰² Жак Ширак (Jacques Chirac) (р. 1932) — французский политик, премьер-министр в 1986–1988 гг., мэр Парижа в 1977–1995 гг., президент Франции в 1995–2007 гг. В 2007–2011 гг. член Конституционного совета Франции, в 2011 г. приговорен к двум годам заключения за финансовые нарушения на посту мэра Парижа.

¹⁰³ Экипаж французского «Мираж 2000Н», сбитого в ходе авиаударов НАТО по РС 30 августа 1995 г. над Сараево, был пленен войсками РС. Судьба пленных получила важное внутривнутриполитическое значение во Франции, так

Об этом писали французские газеты *Le Figaro* и *Libération*. Пилотов захватили во время бомбардировок Республики Сербской самолетами НАТО еще раньше, чем Дэйвида Рода. Французы и прежде требовали их освобождения, однако теперь *Le Figaro* на первой странице сообщала, что президент Милошевич освободил Дэйвида Рода, а французских пилотов — нет. В глазах французской общественности Жак Ширак предстал слабым человеком, на которого оказывали огромное давление, чтобы он сделал что-нибудь для вызволения пленников.

— Если удалось освободить Дэйвида Рода из боснийско-сербского плена, то и пилотов можно выпустить. Поэтому, господин Вуйович, мы требуем немедленной встречи с президентом Милошевичем. В противном случае Франция наложит вето на резолюцию ООН об отмене санкций, — пригрозил Бло.

— Не сейчас. Франция может делать, что ей угодно, но я в это время не стану будить президента Милошевича.

На это он пожаловался, что Ширак оторвет им головы.

— Зайдите в 8:00. Посмотрим, что можно сделать.

Прощавшись с ними, я вернулся в комнату и увидел, что они забыли свои зонты. Выйдя в коридор, я окликнул их: «Господа, вы забыли зонты». Но они уже ушли и не слышали меня. Вернувшись к себе, я попытался закрыть замок на двери. Все это время я полагал, что комната закрыта, а она на самом деле оставалась открытой. В военном павильоне двери закрывались совсем не так, как мы привыкли. А именно, против часовой стрелки, в то время как мы поворачивали ключ направо. Поэтому французам и удалось ворваться в мою комнату.

Я улегся обратно в постель, собираясь еще немного поспать перед тяжелым днем. Да и минувший был исключительно утомительным. Однако около 6:15 опять пришли французы — та же парочка. Снова они вломились ко мне в комнату, потому что и на этот раз мне не удалось запереть дверь.

как администрации Ж. Ширака требовалось продемонстрировать свою эффективность на фоне американского доминирования. Также следовало исправить негативное впечатление — изо всех задействованных в операции «Освобожденная сила» самолетов НАТО была сбита именно французская машина. В переговорах по освобождению пилотов участвовала и СВР России.

— Господин Вуйович, мы приносим извинения, но президент Жак Ширак опять звонил и потребовал, чтобы мы безотлагательно встретились с президентом Милошевичем.

— Мы договорились на 8:00, а сейчас 6:20. Сейчас это невозможно. Подождите, я приведу себя в порядок и подумаю, что можно сделать. Может, удастся разбудить министра Милутиновича, — я попытался выиграть немного времени.

Без двадцати семь я вышел в коридор, и мы вместе направились к нашему конференц-залу в павильоне. В отеле «Хоуп» имелся большой зал, а в нашем павильоне — конференц-зал и маленькая рабочая комната с факсом, телефоном и столом для встреч.

Мы шли мимо апартамента президента Милошевича, который был слева по коридору. Перед дверью стоял Сента — начальник его охраны. Увидев меня с парой промокших французов, которые, правда, запаслись новыми зонтиками, он спросил:

— Уж не собираешься ли ты, Небойша, разбудить президента?

— Нет, не собираюсь. Мы идем в конференц-зал звонить Милутиновичу.

На всякий случай, когда мы с ним поравнялись, Сента подался назад и руками перегородил дверь апартамента Милошевича, чтобы кто-нибудь случайно не попытался ворваться в нее.

Пройдя мимо него, мы вошли в конференц-зал, к которому примыкал маленький апартамент министра Милутиновича. Любезно предложив им сесть, я спросил, не желают ли они чего-нибудь выпить. Оба попросили чай, потому что промокли насквозь.

— Извините, сейчас полседьмого, девушки, которые заваривают чай, еще не пришли, они будут только около восьми. Могу предложить только американский кофе из капельной кофеварки, — с разочарованием ответил я.

— Все в порядке, наливайте американский кофе», — махнул рукой Жак Бло.

Медленно я наполнял чашки — себе, потом им, стараясь выиграть еще хоть немного времени, прежде чем звонить министру Милутиновичу, который, по моим сведениям, был отнюдь не «жаворонок». И вот, пока я разливал кофе и подавал чашки, Жак Бло спрашивает: «Господин Вуйович, знаете, что общего между американским кофе

и сексом в каное?» Я ответил, что не знаю. «И то, и другое слишком близко к воде», — говорит.

Это был европейский анекдот про американский кофе. В Европе везде пьют крепкий, основательно приготовленный кофе — эспрессо, капучино и т. д. А в Америке тогда все еще пили исключительно фильтрованный кофе — с молоком, сахаром, сливками и без сливок, черный. Но только фильтрованный. В то время еще мало было итальянских кофеен, где подавали приличный эспрессо или капучино. Тем более в Огайо.

Пока я медленно цедил кофе, они спрашивают:

— Вы будете звонить министру Милутиновичу?

— Да, сейчас наберу его. Только семь утра, куда торопиться?

Жак Бло очень нервничал, ходил вокруг стола и показывал мне на телефон. Около семи я набрал номер Милутиновича. Долго раздавались гудки, и наконец на другом конце провода послышался загробный голос:

— Алло!

— Господин министр, Небойша на проводе.

— Который сейчас час?

— Семь.

— Где пожар?

— Пожара нет, тут со мной пара французов, с которыми я развлекаюсь с пяти утра. Хотели, чтобы я разбудил президента Милошевича, хотят увидеться с ним и организовать ему телефонный разговор с Жаком Шираком.

— Они нормальные?

— По-видимому, ненормальные, если так рано заявляются.

В этот момент Бло, догадавшийся, что я сказал, похлопал меня по спине и произнес: «Нет, я нормальный».

— Небойша, дай мне десять минут причесаться, и заходите ко мне в комнату.

Я положил трубку и передал французам, что надо подождать, пока министр приведет себя в порядок. Через пятнадцать минут мы вошли к Милутиновичу, который принял нас во французской пижаме с медвежатами, поверх которой был одет бирюзовый халат.

— Извольте, господа, присаживайтесь, а ты, Небойша, ве́ди запись беседы для президента Милошевича.

— Они с пяти утра добиваются встречи с Вами из-за французских пилотов.

Разговор продолжился по-французски. Обменявшись с французами несколькими фразами, министр заметил, что я ничего не записываю:

— Небойша, ты не пишешь. Ты говоришь по-французски?

— Нет, только по-английски и по-немецки.

Тогда Милутинович извинился перед французами и попросил их перейти на английский, чтобы я понимал, о чем они говорят. Бло повторил, что президент Ширак позвонил на базу Райт-Паттерсон и потребовал, чтобы его срочно соединили с президентом Милошевичем для обсуждения судьбы французских пилотов, которых боснийские сербы удерживают в г. Пале. Потом они пересказали все, что я уже слышал, — о давлении на Ширака и его настоятельном желании, чтобы Милошевич употребил все свое влияние для освобождения пилотов. Просили Милутиновича, если он может, срочно разбудить Милошевича и передать ему послание. Тогда я вмешался, сказав, что в Париже, возможно, уже рабочий день, а у нас еще только семь утра, и мы не можем будить президента Милошевича до восьми — полдевятого. У него рабочий завтрак назначен на 9:30.

И в этот момент, пока мы разговаривали, в комнату резко вошел раздраженный президент Милошевич в халате: «Милан, меня сейчас Жак Ширак разбудил. Откуда у него номер телефона моей комнаты?». Милутинович многозначительно на меня посмотрел и ответил, что не знает. Я отреагировал: «Господин министр, господин президент, не надо так на меня смотреть. Я ими занимаюсь с пяти утра. Мне и в голову не приходило Вас будить. Только в семь я привел их к министру Милутиновичу, предупредив, что у Ширака уже рабочий день, а здесь еще только светает. Могу предположить, что он позвонил на центральный коммутатор. Там сидел на дежурстве какой-нибудь прапорщик, ему сказали: “Вас вызывает Елисейский дворец. Президент Ширак желает разговаривать с президентом Милошевичем”. И он, испугавшись, сразу соединил».

«Хорошо», — ответил Милошевич и закрыл перед французами дверь, вернувшись в свою комнату.

Я проводил их, сказав, что президент Милошевич проснулся раньше, чем предполагалось, потому что Жак Ширак уже до него дозвонился. Поэтому их миссия выполнена, и они могут спокойно отправиться к себе. Снова забыв зонты, они ушли в свой павильон. А я вернулся в свою комнату, чтобы, не торопясь, подготовиться к предстоящему дню, который, судя по тому, как он начался, обещал быть весьма содержательным.

Ибрагим Ругова ждет в Дейтоне своего шанса¹⁰⁴

В то утро я завтракал вместе с Крисом Спиру, Йовицей Станишичем, Владой Надеждиным, Милутиновичем, Олей Влахович и Бояной Адамович в ресторане *Packy's*. Всех повеселил рассказ о моих похождениях с французами.

Сразу после завтрака ко мне подошел Джон Барли и сказал, что нам надо поговорить с глазу на глаз. Я встал, и мы пошли в направлении нашего конференц-зала в отеле «Хоуп». Джон Барли вытащил документ толщиной в 10–15 страниц, положил его на стол и сказал: «Небойша, в гостинице “Холидей Инн” уже некоторое время проживает Буяр Букоши¹⁰⁵ — албанец из Франкфурта и представитель Ибрагима Руговы в Европе. Он при поддержке своих американских друзей привез сюда Ругову, который находится в том же отеле. Мы провели с ними встречу и составили проект документа, в котором предлагается урегулирование ситуации в Косово». Я ответил, что это мирная конференция по Боснии и Герцеговине, что о Косово нет ни слова ни в одном плане. На мое требование объяснить, что про-

---

¹⁰⁴ Ибрагим Ругова (Ibrahim Rugova) (1944–2006) — косовско-албанский писатель и политик. В 1989 г. создал Демократическую лигу Косово (ДЛК), выступавшую за отделение Косово от Сербии и Югославии ненасильственным путем. На подпольных выборах 1992 г. избран «Президентом Косово», организовал систему «параллельных учреждений» на территории края. В 1999 г. возглавлял албанскую делегацию на переговорах в Рамбуйе. После перехода края под управление миссии ООН, в 2002 и 2005 гг. избирался президентом Косово.

¹⁰⁵ Буяр Букоши (Bujar Bukoshi) (р. 1947) — косовско-албанский врач и политик, один из основателей и генеральный секретарь партии ДЛК. В 1991–2000 гг. — премьер-министр подпольного правительства И. Руговы. С 1992 г. в изгнании в Германии, где отвечал за сбор 3%-го налога с косовско-албанской заграничной диаспоры в пользу параллельной администрации.

исходит, он ответил, что уже несколько месяцев его эксперты и дипломаты ведут переговоры с представителями косовских албанцев. Они обсуждают, как хоть как-то нормализовать невыносимую обстановку в крае и найти всеобъемлющее политическое решение для Косово. Документ, лежавший на столе, предусматривал предоставление краю широкой автономии. Это удовлетворило бы албанцев, которые смогли бы сформировать собственные институты взамен тех, которые они давно покинули, и, таким образом, самостоятельно обустроить свою жизнь и развитие. Влияние Белграда уменьшилось бы, но при этом, по заверению Барли, это решение исключало независимость Косово, которое по-прежнему оставалось бы в границах Сербии.

Американская администрация и, в частности, группа конгрессменов, которая разговаривала с президентом Клинтоном, полагала, что нужно использовать мирную конференцию в Огайо, чтобы расширить тему переговоров и прийти к всеобъемлющему решению и по Боснии, и по Косово. Во главе этих конгрессменов стояли конгрессмен из Нью-Йорка Эллиот Энгел¹⁰⁶ и конгрессмен из Калифорнии Дэйн Рорабейкер¹⁰⁷. Благодаря их усилиям американский конгресс в обозримом прошлом принял, по крайней мере, 25 резолюций с осуждением Сербии в связи с ситуацией в Косово. По их мнению, Косово должно было вызвать следующий кризис, который уже показался на горизонте. Об этом свидетельствовали

---

¹⁰⁶ Эллиот Энгел (Elliot Engel) (р. 1947) — американский политик-демократ, в 1977–1988 гг. член Ассамблеи штата Нью-Йорк, в 1988–2014 гг. член конгресса США, член комитетов по энергетике и торговле и внешней политике. Был председателем Группы конгресса США по албанским вопросам.

¹⁰⁷ Дэйн Рорабейкер (Dana Rorabacher) (р. 1947) — американский политик-республиканец. В 1981–1988 гг. спичрайтер президента США Р. Рейгана, с 1988 г. член Конгресса США, входил в комитеты по международным отношениям и по науке, космосу и связи. В ходе боснийской войны выступал за удары по территории Сербии, первым из конгрессменов выступил за вооружение повстанческой Армии освобождения Косово (АОК) США. В 2017 г. выступил за раздел Македонии между Албанией, Косово и Болгарией. Примечательно, что Рорабейкер является одним из редких сторонников нормальных отношений с Россией, что привело к массовой критике в его адрес как «адвоката Кремля».

ежедневные демонстрации в Приштине. Сербская полиция иногда применяла силу в отношении протестующих, иногда — нет, а Госдеп соответствующим образом реагировал на происходящее. Американцы сочли, что в этот момент, когда идет решение такой сложной проблемы, как боснийский кризис, можно решить все вопросы одним махом.

Барли сказал мне: «Прошу тебя, передай эту бумагу президенту Милошевичу. Она достаточно взвешенная и сбалансированная. Скажи ему, что руководство США и президент Клинтон согласились, чтобы эту тему включили в план конференции. Пускай президент Милошевич посмотрит на проект решения по Косово, на сопутствующие документы, в которых говорится об изменениях конституции Косово, а США, со своей стороны, окажут политическое и другое необходимое давление на косовских албанцев, чтобы они согласились с этим предложением. Ибрагим Ругова уже дал предварительное согласие. Он хочет встретиться и поговорить с президентом Милошевичем. Скоро выходные, на базе будет меньше народу. Удобный момент, чтобы они поговорили втайне от всех». Он вложил мне документ в руки. «Хорошо, — ответил я, — учитывая, что за этим предложением стоит американское руководство, и что документ поступил напрямую от него, я отдам его министру Милутиновичу, чтобы он передал его президенту Милошевичу». После этого я опять повторил, что Косово не тема конференции, которая официально посвящена «поиску мирного решения для БиГ».

Барли поблагодарил и встал. На прощание он крепче обычного сжал мне руку: «Good luck»¹⁰⁸. Понимал, что мне предстоит. В этом и состоит работа дипломата. Время от времени приходится оказываться между двух огней, чтобы выполнить подобную непростую миссию. Разумеется, я помнил, на чьей я стороне, кто я такой.

Не торопясь, я отправился к канцелярии и апартаменту Милана Милутиновича. После завтрака его осматривал кардиолог доктор Прцович. Как сердечнику министру постоянно требовался особый уход, он принимал энергетические пилюли и таблетки от сердечно-сосудистых заболеваний. Увидев меня, он поинтересовался:

---

¹⁰⁸ Удачи.

— Что нового?

— Много чего нового. После французов приходится сегодня и албанцами заниматься.

— Какими албанцами?

Я пересказал ему свой разговор с Барли и в конце сообщил, что мне передали эту бумагу с просьбой доставить ее президенту Милошевичу, потому что Уоррен Кристофер, Мадлен Олбрайт и Холбрук хотели бы с ним напрямую переговорить. А после этого состоялась бы секретная встреча с Руговой.

Выпучив глаза, Милутинович произнес: «Ты что, хочешь, чтобы Слоба меня убил? Иди, сам отнеси. Желаю удачи». Выйдя из апартамента, я опять стал внушать себе, что документ составили очень серьезные люди, и я не могу оставить его на столе у Милана Милутиновича. Я принял на себя обязательство передать Милошевичу бумаги. Придя к Горану Милиновичу, я сказал, что у меня срочное послание американского руководства к президенту Милошевичу, что я уже был у министра Милутиновича, который велел, чтобы я все сделал сам. Горан ответил:

— Милошевич завтракает с Ивановым, они обсуждают тот твой документ, что ты принес, — про «внешнюю стену санкций». Когда они закончат, я проведу тебя.

— Хорошо, через сколько времени?

— Пятнадцать минут.

— Хорошо, я буду у Йовицы Станишича, в его номере.

Кратко введя Станишича в курс дела, я сказал, что жду, когда президент меня примет. Взглянув на меня, он молча, погрузившись в раздумья, стал ходить по комнате. Узнав, как отреагировал Милан Милутинович, он еще больше задумался и продолжил нервно шагать туда-сюда. Ему стало ясно, в какой ситуации я оказался. Вдруг он стиснул мне руку у локтя и проговорил: «Ты должен это сделать. Отнеси ему!». И в этот момент вошел Милинович и позвал меня к президенту.

Я вошел к Милошевичу. Он предложил мне сесть и спросил, не голоден ли я.

— Нет, я завтракал.

— Скажи, в чем дело?

Тогда я передал ему бумаги и все подробно рассказал. Милошевич прочитал документ и вскочил в бешенстве. Скомкав бумаги, он бросил их мне в лицо. Никогда не забуду его слова: «Они что, шутить со мной вздумали? За кого они меня принимают? Какое Косово? Это внутреннее дело Сербии. И речи быть не может! Скажи этим своим вашингтонским друзьям, чтобы не пробовали со мной в шутки играть! Если продолжают меня подье..., я их так подье...!». Горан Милинович при этом замер как вкопанный. Я нагнулся, собрал одну за другой все бумаги и, медленно выйдя из комнаты, пошел к Йовице.

— Вот чем это для меня закончилось.

— Я так и думал, — сказал он задумчиво.

Разумеется, мне надо было поставить в известность Барли и передать ему послание Милошевича. После моего звонка мы снова встретились в конференц-зале отеля «Хоуп», где я вернул ему помятые бумаги. До сих пор жалею, что не сделал копию, хотя я хорошо запомнил прочитанное. Слова Милошевича я немного отредактировал, сказав, что он просил передать американской стороне следующее: преисполненный надежд и доброй политической воли он прибыл урегулировать кризис в Боснии, а Косово — внутреннее дело Сербии, поэтому не может быть речи о том, чтобы включать его в повестку дня конференции.

Барли, взяв бумаги, сказал: «Хорошо, Небойша, я обо всем проинформирую американскую делегацию. Я поговорю с Холбруком и Хиллом, а они передадут американскому руководству. Только я думаю, Небойша, мы упустили, наверное, последний шанс найти сбалансированное, уравновешенное и взаимоприемлемое решение проблемы Косово. Главные неприятности, по-видимому, нас еще только ожидают». Прошло немного времени, и вспомнились мне эти его слова, когда началась агрессия НАТО на Сербию в 1999 г.

Возвращаясь в свою комнату, я размышлял, что мы упустили возможность, хоть и призрачную, которую предоставляло нам наследие Киссинджера, выступавшего за диалог со всеми заинтересованными сторонами о политически реалистичном решении проблемы. Вместо этого из-за такой реакции Милошевича мы снова сделались мишенью политики «ударь и властвуй», идеологом

которой был Збигнев Бжезинский¹⁰⁹. Ругова провел пресс-конференцию, после обеда перед воротами базы прошли немногочисленные албанские демонстрации, в которых участвовало, возможно, человек триста, которых они откуда-то притащили. По одним оценкам, их было 300, по другим — 500 или даже 1000. Предположу, что они приехали из Детройта и Нью-Йорка — из Бронкса и Квинса. По словам людей Станишича, которые их фотографировали, участвовало от 300 до 500, то есть число малозначительное. В той ситуации внимания заслуживала суть произошедшего, а именно, сама американская инициатива, а не то, сколько было албанцев, и что они выкрикивали. После пресс-конференции Руговы албанцы ретировались. Спустя пару дней в прессе появилась буквально пара кратких сообщений: сербская делегация на конференции в Дейтоне отказалась обсуждать проблему Косово.

---

¹⁰⁹ Возможно, автор переоценивает готовность США удовлетвориться предоставлением косовским албанцам лишь расширенной автономии в рамках Сербии и/или СРЮ, которая могла быть и обычной промежуточной фазой на пути выдвижения все новых и новых требования к Белграду.

Ложь генерала Младича и ее последствия

Йовица Станишич проводил расследование по делу о французских пилотах. Две недели его специальные агенты находились в Боснии, пытаясь установить их местонахождение, а все три представителя боснийских сербов в Дейтоне — Буха, Краишник и Колевич — отрицали, что им что-либо известно об этом. По словам Станишича, генерал Младич лично сказал ему: «Клянусь могилой своей дочери¹¹⁰, я не знаю, где французские пилоты». Солгал, ему было известно место, где они находились. Он их там и держал.

В то время, пока шли Дейтонские переговоры, спецназ Службы государственной безопасности обнаружил пещеру, в которой находились пленные. Очевидно, те, кто их охранял, имели приказ удерживать французов любой ценой, даже ценой своей жизни. Командир элитного подразделения, которое находилось в Боснии с целью их освобождения, сообщил своему начальству в Белграде, что прольется море крови, если они попытаются приблизиться к пещере. Место неприступное, а наша служба и боснийские сербы ввязались бы в серьезный бой, в котором многие бы погибли. Отправили донесение, что любая операция равноценна самоубийству. Когда боснийские сербы поняли, что их обнаружили, то сменили позицию.

Младич не переставал врать, а мы находились под неослабевающим давлением и во время Дейтона, и после него. Итоговое подписание договора состоялось позднее и именно во Франции. И Ширак был одним из тех, кто ставил свою подпись под документом. Только

---

¹¹⁰ Ана Младич (Ана Младић) (1971–1994) — по официальной версии, застрелилась, но Р. Младич заявлял, что она была убита его врагами. Гибель любимой дочери была тяжелейшим потрясением для командующего армией РС.

в результате тотального воздействия, осуществлявшегося всеми средствами, в том числе и грубыми, военно-полицейскими, и после увещаний патриарха Сербской православной церкви¹¹¹ люди Младича отпустили пилотов за неделю до церемонии подписания. Окончательно на свободе они оказались в день подписания мирного договора, которое состоялось 14 декабря в Елисейском дворце в Париже.

Так как в то время мы по несколько дней никуда не выбирались, Йовица Станишич, Никола Чичанович, Златко Раднич, Влада Надеждин и я решили совершить небольшую вылазку с территории базы. Бояна и Оля не могли к нам присоединиться, потому что занимались административными делами. Приводили в порядок согласованные тексты договоров о конституционных соглашениях, демаркационных линиях, военных приложениях и т.д. Мы вызвали микроавтобус и отправились на обед в тот китайский ресторан, в котором мы уже стали завсегдатаями, ведь это был уже наш четвертый-пятый обед там. После того как я кратко изложил ситуацию с французами и албанцами, мы договорились в пятницу вечером пойти в Дейтоне на хороший джаз, которым славился клуб на последнем этаже отеля «Дейтон Мариотт». Захотелось нам хотя бы на время забыть события последней недели и особенно последнего дня.

Через пару дней Станишич, Чичанович, Раднич, Войкан Миленкович и я осуществили задуманное. Поначалу мы держались довольно сдержанно, но по мере того, как ночь вступала в свои права, мы постепенно оттаивали. Я даже заказал песню *Route 66* Нэйта Кинга-Коула и *My Way* Фрэнка Синатры. Выпивали мы американский бурбон, который обычно хорошо идет под джаз. Будучи «американизированным» больше остальных, я заказывал лучший бурбон, о котором остальные и не слышали, — *Basil Hayden's*.

В хорошем настроении, но очень уставший я вернулся в свою комнату. Было далеко за полночь, и я попытался заснуть. Попытался, потому что надо мной кто-то упорно стучал и шумел. Казалось,

---

¹¹¹ Патриарх Павел Стойчевич (Павле Стојчевић) (1914–2009) — глава Сербской православной церкви в 1990–2009 гг.

что этот человек бьет об пол баскетбольным мячом. Шум не прекращался, и через десять минут я, надев тапочки, в пижаме и халате отправился на этаж, где проживала боснийско-сербская делегация. На мой стук дверь открыл Йован-Джон Заметица¹¹² — британец сербского происхождения, который, приехав из Лондона, стал советником Радована Караджича. В Дейтоне он был в качестве члена боснийско-сербской делегации. Я сказал ему, что нельзя стучать мячом в час ночи, что я не могу заснуть, что завтра у меня тяжелый день. Молча меня выслушав, он сказал «хорошо» и захлопнул дверь. Вернувшись к себе, я снова лег. Вскоре снова раздались удары мяча об пол. Я подождал еще десять минут и опять поднялся. Когда Заметица открыл, я вошел, отобрал у него мяч, открыл окно и бросил его изо всех сил. «Вот, — сказал я ему, — теперь ты не сможешь шуметь». По-видимому, стуча мячом, Заметица пытался успокоить нервы. В Дейтоне он «прославился» и тем, что часто забирал машину нашей делегации и отправлялся в город, чтобы пройтись по книжным магазинам. Один раз он сел в наш главный автомобиль и исчез на десять часов. Никто не знал, где он. Вернулся с двумя связками книг¹¹³.

---

¹¹² Йован Заметица (Јован Заметица) (р. 1955) — британский политолог и боснийско-сербский политик. Выходец из смешанного сербско-мусульманского брака, он изначально носил имя Омер, которое уже во взрослом возрасте сменил на православное Йован. Так как его родители эмигрировали в Великобританию, то окончил *London School of Economics*. В 1992 г. по приглашению Н. Колевича стал консультировать руководство РС и в 1993–1996 гг. являлся советником Р. Караджича по контактам с иностранными дипломатами.

¹¹³ Йован Заметица — известный библиофил, знаменит как обладатель одной из крупнейших частных книжных коллекций в странах экс-Югославии.

Как сделать мусульман более податливыми?

Утром в субботу во время завтрака в ресторане *Packy's* на глаза мне попался Ричард Перл¹¹⁴ — бывший помощник министра обороны в администрации Рейгана. Теперь он стал лоббистом, а в Дейтон приехал в качестве советника мусульман. Его первым и главным требованием было отменить эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам, а вторым — продолжить безостановочные бомбардировки сербских позиций в Боснии. Он настаивал, что НАТО, вооружив мусульман, склонило бы чашу весов в их пользу, и сербам пришлось бы согласиться на навязываемое им решение. Зачем он приехал в Дейтон — чтобы создавать проблемы или заявить о своей позиции, которая, по правде, не была бескорыстной, или для того, чтобы помочь мусульманам обрести внутреннее единство, привести себя в порядок и сосредоточиться на поиске решения? Я предположил, что ради последнего. Перл приехал убедить их не быть такими упрямыми. Прежние требования бомбардировок сербов и вооружения мусульман служили всего лишь политической ширмой, за которой скрывались подлинные намерения. Позднее Джон Барли подтвердил мне, что Холбрук попросил Перла помочь ему смягчить непримиримые позиции мусульман.

В субботу в 11:30 в зале отеля «Хоуп» состоялась встреча всей нашей делегации. Президент Милошевич рассказал собравшимся, что на основании состоявшихся переговоров с Холбруком

---

¹¹⁴ Ричард Перл (Richard Perle) (р. 1941) — американский политолог и политик, один из идеологов неоконсерватизма. В 1981–1988 гг. помощник министра обороны по глобальным вопросам. В 1995 г. Перл был директором крупной канадско-американской медиагруппы *Hollinger Inc.*

и другими американскими собеседниками у него сложилось впечатление, что они не в состоянии принудить боснийских мусульман к сотрудничеству. В лагере мусульман полный хаос, Изетбеговича подчинил своей воле Силайджич, который одновременно и турецкий, и немецкий агент, а также находится в близких отношениях с республиканцами в Конгрессе. Если мусульмане не могут преодолеть собственные внутренние разногласия, то как они станут вести с нами переговоры о мире? Кроме того, бросалось в глаза, что Холбрук пытался столкнуть нас лбами с боснийскими сербами. Сначала американцы хотели, чтобы мы им рассказали, какое оружие имеется у боснийских сербов и где оно находится. А затем требовали, чтобы мы им открыли, какова наша военная мощь, которую мы должны, по их словам, сократить на 20 %. Постоянно организовывали утечки информации, которую потом перепечатывали газеты. Например, о том, кто будет участвовать в выборах в Боснии и когда будет подписан договор. Боснийские мусульмане навязали Холбруку и американцам позицию, согласно которой никто из тех, кому Международный трибунал по бывшей Югославии в Гааге предъявил обвинение, не может участвовать в выборах. «Упертые», как они говорили. Так, они хотели провести свободные выборы, в которых участвовали бы одни мусульмане. По словам Милошевича, Холбрук указал им на то, что в Америке главенствует презумпция невиновности, то есть вину обвиненного сначала следует доказать, чтобы его осудить. Подчеркнул, что предметом разногласий остаются карты, коридор в районе Брчко, стратегические позиции, обмен территориями, проблемы Сараево и Восточной Славонии. Сказал, что планомерно и организованно пытались по-тихому вставить в повестку дня и косовский вопрос под тем предлогом, что и Ругова здесь, в Дейтоне. Меня не упомянул. «Я эту инициативу отверг, — рассказывал он. — Все, что до сих пор происходило, и что предлагалось, я обсуждал с Туджманом. Он будет вести себя предельно рационально и разумно. Он заинтересован в том, чтобы побыстрее достичь мирного решения, и он не станет ему препятствовать. Главная помеха — мусульмане, потому что Ричард Холбрук ведет себя, как их нянька». Я несколько раз был свидетелем тому, как Милошевич в лицо говорил Холбруку: «Вы

нянчите боснийских мусульман. Вы их бебиситтер»¹¹⁵. Милошевич попросил нас и дальше работать не покладая рук, а он продолжит вести переговоры ради достижения искомого решения. Подчеркнул, что мы должны убедить американцев надавить на мусульман, чтобы они, прежде всего, договорились друг с другом, выработали единую позицию, и только после этого начали более гибко вести себя на переговорах.

После встречи Милошевич вернулся к тому, чем он обычно занимался, — участию в вышеописанной «челночной дипломатии» Холбрука. Тот обходил одного за другим Туджмана, Изетбеговича и Милошевича и каждые полчаса, зайдя в другие два павильона, заглядывал в наш, чтобы держать нас в курсе.

---

¹¹⁵ *You are babysitting Muslims in Bosnia. You are their babysitter.*

О восстановлении брака между политическими лидерами и проститутках на пенсии

Вторую половину дня Станишич и я провели в торговом центре в Дейтоне. Он покупал подарки и сувениры для семьи, а я поехал с ним за компанию. Заглянули мы и в тот магазин с хорошими кожаными куртками для пилотов. Вернувшись в павильон, я обнаружил ожидавшего меня Джона Барли. От него я узнал, что завтра утром на базу придет госсекретарь Кристофер, который сразу хочет встретиться с Милошевичем. Кроме того, и Уэсли Кларк собирался познакомить президента с новой концепцией демаркационных линий и карт.

Направляясь в свою комнату, я подумал, что приезд госсекретаря — это хорошая новость. Очевидно, им стало ясно, что Холбрук в одиночку не справляется с мусульманами, и политическому руководству придется надавить сверху. В Вашингтоне пришли к выводу, что Холбрук увяз со своей тактикой, а оказываемого им давления недостаточно, чтобы все стороны вышли из окопов своих изначальных позиций и пошли на уступки. Самое главное, поняли, что мусульмане приехали совершенно неподготовленными, что в их лагере царит хаос и междоусобица, что каждый отстаивает какие-то свои идеи, и это мешает им выступать единодушно и озвучивать единую позицию. Милошевич искренне стремился к тому, чтобы найти мирное решение, прекратить войну, насилие и убийства. Он хотел, чтобы сформировались государственные институты и началось сосуществование двух «энтитетов», располагающих в рамках боснийского государственного объединения достаточной степенью свободы и независимости. Чтобы прекратились санкции в отношении Сербии и страна вернулась к нормальной жизни. Уже тогда стало ясно, что придется согласиться на соотношение 51 % на 49 %.

Мусульмане настаивали, чтобы сербам досталось лишь 33% территории, хотя под их военным контролем находилось 64%. Вели себя иррационально в расчете на то, что американцы все за них сделают. Однако то, что американцы готовы были для них сделать, не удовлетворяло аппетиты ни одного из них — ни Силайджича, ни Шачирбея. Основной целью приезда Кристофера было участие в церемонии подписания договора о создании Мусульманско-хорватской федерации. Благодаря его присутствию дело сдвинулось с мертвой точки, а мусульман удалось призвать к порядку. Встретившись с Кристофером, Милошевич пожаловался ему на поведение Ричарда Холбрука. Кристофер пообещал президенту, что американская политика станет более сбалансированной, а также заверил, что в интересах достижения мира будет оказано давление на мусульман. Посетовал, что на саму администрацию давят республиканцы в Конгрессе, негласная цель которых втянуть американское правительство в сухопутную войну в Боснии и Герцеговине, осложнить тем самым положение Клинтона и в итоге помешать ему переизбраться на второй срок в следующем году. Дело дошло до того, что накануне переговоров в Дейтоне группа конгрессменов требовала не выдавать Милошевичу визу. В разговоре с Кристофером Милошевич особо подчеркнул, что понимает, какие трудности приходится преодолевать американской администрации, а также заверил собеседника, что сербская делегация терпелива, готова к поиску мирного решения и требует только справедливого и честного отношения ко всем сторонам переговоров. Кроме того, он высказал недовольство в связи с тем, что, согласно картам Холбрука, Республике Сербской достаются одни горы да ущелья, а плодородная земля — мусульманам. Как нам рассказывал Милошевич, он в связи с этим заявил Холбруку: «Это как, если вы режете быка и отдаете мусульманам лопатку и окорок, а мне — печень и кишки»¹¹⁶. В целом Милошевич оценил встречу с Кристофером как хорошую и конструктивную.

---

¹¹⁶ Борьба за качество предлагаемых международными посредниками территорий была одним из приоритетов и лидеров РС во всех переговорных форматах начиная с 1992 г.

В тот же день около полудня Джон Барли передал мне новую версию мирного урегулирования проблемы Восточной Славонии. В ее решении наблюдался постепенный прогресс, и все надо было как следует подготовить, чтобы подписание договора о Восточной Славонии состоялось через несколько дней¹¹⁷.

После завершения переговоров Милинович и я проводили Кристофера, который от нас отправился сначала к Туджману, а потом к Изетбеговичу. Результатом его визита стало то, что Туджман и Милошевич в общих чертах договорились обо всем, пришли к полному пониманию и согласились с тем, что даже готовы поставить свои подписи. Пришли к соглашению и по Восточной Славонии, в соответствии с которым сербам предоставлялось два года, чтобы каждая их партия могла сформулировать свои требования. Затем спустя некоторое время состоялись бы выборы, сербы сформировали бы городской совет и региональное правительство. В общем, в тот момент один Изетбегович создавал всем проблемы. Придя к соглашению о Восточной Славонии, Милошевич и Туджман сошлись на том, что Югославия останется правопреемницей СФРЮ. Это подразумевало, что мы сохраним членство в международных организациях, и нам не придется снова стучаться к ним в двери¹¹⁸. Хотя американцы возражали против этого, Туджман и Милошевич договорились как об этом, так и о том, что отношения двух стран должны прийти в норму.

В тот день Кристофер начал всерьез оказывать давление на Изетбеговича и мусульман. С ним они не могли обращаться так же фамильярно, как с Холбруком, которого считали своим бебиситтером. Кристофер заявил Изетбеговичу, что тот отвечает за всю мусульманскую делегацию, что укрепило его позиции в отношении Силайджича и Шачирбея. Последним он дал понять, что разговаривать будут с Изетбеговичем, потому что от него ожидают принятия решений.

---

¹¹⁷ Эрдутское соглашение было подписано 12 ноября 1995 г.

¹¹⁸ Окончательное Соглашение о правопреемстве Югославии было заключено бывшими республиками СФРЮ значительно позже, уже после свержения С. Милошевича, — 10 апреля 2001 г.

После ухода Кристофера я отправился к Милутиновичу сказать, что его разыскивают Крис Хилл и Руди Перина. Я нашел его в апартаменте спящим на кровати. Во рту у него была незажженная сигарета, с которой он никогда не расставался. Так он отвыкал от курения после сердечного приступа, перенесенного за семь месяцев до этого. Пока я пытался его разбудить, в соседнюю комнату вошел Милошевич. Когда я к нему вышел, он спросил:

— Где твой министр?

— Вот он, дремлет в своей комнате.

Милошевич вошел к Милутиновичу и, увидев его, сказал: «Посмотри, Вуйович, совсем как турок. Умер с сигаретой во рту». После этого он начал трясти кровать и разбудил его: «Видишь, про него мы можем сказать, что он курильщик на пенсии. А что держала бы во рту проститутка, если бы захотела выйти на пенсию?».

После отъезда Уоррена Кристофера из Дейтона вся база смеялась над шуткой Криса Спиру, который сказал, что Кристофер приезжал, чтобы примирить поссорившихся супругов — Алию Изетбеговича и Франьо Туджмана.

Европейские статисты и распад брачного союза

Как уже говорилось выше, американцы для ведения переговоров прибегли к так называемой челночной дипломатии — дипломатии на ходу. Сначала приходили в наш павильон, а затем — к Туджману и Изетбеговичу. Проводили двусторонние, трехсторонние или четырехсторонние встречи, о содержании которых европейцам, как правило, рассказывали спустя несколько дней. Или их приглашали на торжественные протокольные ужины, которые время от времени организовывали американцы, а иногда сербы, хорваты или мусульмане. Бывало, что и европейцы приглашали остальных на ужин, как, например, Карл Бильдт. Однако по большей части американцы сами осуществляли давление, так как с первых дней претендовали на то, чтобы быть ключевым, доминирующим фактором, чтобы только им достались заслуги достижения мира. Это вызывало определенную нервную реакцию у европейцев, особенно у немцев, французов и британцев, а также у Карла Бильдта с Игорем Ивановым. Все они сидели вместе в одном павильоне и получали больше информации от своих разведок и дипломатических миссий в Нью-Йорке и Вашингтоне, чем от американцев, находившихся по соседству¹¹⁹.

Часто они заходили ко мне и спрашивали, что происходит. Я им тоже, само собой, выдавал информацию «по чайной ложке». Моим долгом было хранить тайну переговоров, которые мы вели с американцами, Изетбеговичем и Туджманом или на трехсторонних встречах, которые, естественно, проходили при американском посредничестве.

---

¹¹⁹ Стратегией американской делегации была полная монополизация переговоров.

В конце концов, что-то надо было дать и европейцам. Поэтому решили, что общий договор будет парафирован на базе Райт-Паттерсон, а Парижско-Дейтонский мирный договор — в Париже 14 декабря. Однако фактически европейцы не участвовали в переговорах, на которых обсуждались наиболее важные моменты или на которых удалось достигнуть наибольшего прогресса. За дверь остались и черногорцы во главе с Булатовичем, а также боснийцы Краишник, Колевич и Буха.

На воскресенье 12 ноября, примерно на 16.00 президент Милошевич назначил встречу с вдовой и двумя дочерьми помощника государственного секретаря Боба Фрэйзера. Тот вместе с еще двумя высокопоставленными американскими функционерами Нельсоном Дрю и Джо Крузелом погиб в Боснии. В августе 1995 г. броневик, в котором они ехали, перевернулся на горе Игман. Они не хотели ехать через территории, подконтрольные Младичу, хотя он гарантировал их безопасность. Для них было неприемлемо с политической точки зрения, чтобы их охранял человек, которого обвиняли в военных преступлениях. Поэтому они поехали по опасной дороге и перевернулись на ней¹²⁰. Представитель нашего посольства присутствовал на их похоронах, которые состоялись в Вашингтоне через шесть дней.

Милошевич организовал ужин в честь всех трех вдов, на который пригласил и некоторых членов политической делегации. С американской стороны присутствовали Холбрук и его супруга Кэти Мортон, которой я передал подарок от президента Милошевича — картину художницы Оли Иванички. Тогда произошел небольшой инцидент. Когда приехала Кэти Мортон, я получил задание отнести картину в американский павильон. Со мной пошел Чеда Борозан — шеф протокола МИДа. Между тем в американском павильоне планировка отличалась от нашей, и я вместо гостиной апартаментов Холбруков вошел в открытую дверь их спальни, в которой Кэти Мортон в этот момент надевала чулки с поясом. Я извинился, а она, вздрогнув, сказала: «Все в порядке». «Это картина, которую президент Милошевич хочет преподнести Вам в качестве знака внимания

---

¹²⁰ См. прим. 43, 44 и 45.

перед ужином в честь трех вдов американских официальных лиц, — коллег Дика Холбрука, — погибших в Боснии», — произнес я. Картина очень ей понравилась.

Во время ужина рядом со мной сидел Джеймс Пердью, который рассказал, что его сын служит в армии и находится на базе в Германии, откуда его перебросят в Боснию в рамках операции по поддержанию мира.

На следующий день, 13 ноября, началось обсуждение проекта новых карт, который Харис Силайджич через Холбрука передал Милошевичу. Вместе со Станишичем, гражданскими и военными картографами Милошевич внес исправления и составил наше контрпредложение, которое вернул Холбруку. Это была большая работа, на которую ушел почти весь рабочий день. Отправив контрпредложение, мы вздохнули с облегчением. На следующий день можно было рассчитывать получить более приемлемые карты. За ужином мы продолжили обсуждать их, сойдясь во мнении, что нужно отстаивать соотношение 51% на 49%, по которому предстояло поделить территорию БиГ и не позволить изменить его в ущерб нам. Особо тщательно следовало следить за тем, чтобы сербам не достались одни горы, ущелья и пустоши, а мусульманам — все плодородные земли. Работа эта была очень утомительной и отнимала все силы.

Свободное время после обеда я и Йовица Станишич провели в торговом центре, где Йовица купил в подарок политическим членам нашей делегации перьевые ручки фирмы *Cross* с выгравированными посвящениями. Мне подарил зажигалку *Zippo* с гравировкой. Мы оба приобрели по кожаной куртке, а также какие-то небольшие подарки для сотрудников Йовицы в Белграде: ручки, зажигалки и запонки. Вернувшись из города, мы продолжили до вечера ломать голову над картами. Особенно над коридорами в районе Брчко, Горажде, Жепы и Сребреницы¹²¹.

Придя в наш павильон, мы обнаружили начальницу протокола хорватской делегации, которая передала, что Туджман приглашает

---

¹²¹ Коридор в Горажде — трасса Горажде-Сараево, соединившая наиболее восточный город ФБиГ (на границе с Сербией) с боснийской столицей, был специально пролоббирован американской делегацией.

Милошевича на кофе с пирожными, а также выпить рюмку-другую на сон грядущий. Президент позвал меня с собой. Разговаривали они друг с другом очень откровенно. В какой-то момент Туджман сказал, что хорваты больше не будут сражаться с сербами на стороне мусульман. Он, по его словам, приехал, чтобы закончить войну в Боснии, и мы должны, объединив усилия, надавить на них. Таким образом, эта встреча весьма поспособствовала координации усилий по укрощению амбиций мусульман. Выйдя из хорватского павильона, мы поняли, что ложный брак между Туджманом и Изетбеговичем распался, как часто шутил Крис Спиру.

Министр как метрдотель и фотограф

На следующий день Туджман пригласил на ужин по четыре главных члена каждой делегации — американского правительства, европейцев, мусульман БиГ, представителей Сербии. Из наших, кроме Милошевича, приглашения получили Милутинович, президент Булатович и Горан Милинович. Остальные — Йовица Станишич, Крис Спиру, Никола Чичанович и я — сидели за отдельным столом. Однако в какой-то момент из отдельного зала, где должен был состояться банкет, вышел Милошевич и подозвал Спиру: «Пойдем, сядь поужинай с нами». Спиру, который не знал, что приглашены только по четыре человека от каждой делегации, подошел к тому столу и уселся на последний свободный стул. В этот момент к этому стулу подошел Мате Гранич — министр иностранных дел Хорватии. Одет он был в черный костюм и бабочку. Поэтому Крис Спиру принял его за метрдотеля — главного официанта. Вручив ему фотоаппарат, он потребовал:

— Снимайте.

— Нет, нет, нет, — сказал Гранич, поняв, в чем недоразумение.

— Ну, снимайте же!

— Нет, нет, нет.

Когда Крис в третий раз потребовал, Гранич взял камеру и стал фотографировать. «А теперь снимайте из того угла», — инструктировал его Крис. Гранич послушался. «А теперь — оттуда», — не унимался Спиру. Выполнив и это указание, Гранич вернул фотоаппарат и в бешенстве вылетел из зала. Проходя мимо нашего стола, он сказал кому-то по-английски: «Я убью этого греческого сукина сына!».

Крис Спиру не знал, что имел дело с высокопоставленным хорватским государственным деятелем. Только после ужина

я объяснил ему, что он натворил. Не только нарушил своей фотосессией *gag order*, но и отобрал место у Мате Гранича, потому что за тем столом должны были сидеть министры иностранных дел всех делегаций. Однако Крис лишь рассмеялся, узнав, что он перепутал Гранича с официантом и выгнал его из стола.

Судя по тому, что нам во время вечернего мочиона рассказал Милошевич, ужин был по большей части церемониального характера. Серьезных разговоров не велось, за исключением десятиминутной беседы Милошевича с Изетбеговичем. Мы ее слышать не могли, и президент пересказал нам ее во время прогулки. Обсуждались все ключевые вопросы, которые нам предстояло урегулировать в ближайшее время, — коридор в районе Брчко, карты обоих «энтитетов», Горажде, конституционные рамки, коридоры, ведущие к Сребренице и Жепе. По словам Милошевича, он предупредил Изетбеговича, что он и Туджман обо всем договорились. Поэтому мусульмане могут больше не рассчитывать на поддержку со стороны хорватов. Кроме того, Туджман и Милошевич готовы подписать мирный договор и без Изетбеговича, который выпадет тогда из общения и окажется в изоляции.

Милошевич ввел в курс дела и Карла Бильдта, который поддерживал его предложение оставить решение вопроса коридора в районе Брчко на усмотрение арбитражной комиссии, в которую вошли бы по одному представителю сербов, хорватов и мусульман. В случае отсутствия согласия всех трех сторон сохранялся бы статус-кво, то есть коридор в правовом отношении становился составной частью Республики Сербской¹²². Это имело жизненное значение, потому что удалось бы избежать разделения надвое территории Республики Сербской. С другой стороны, следовало создать коридор, который связал бы Жепу и Сребреницу с Сараево¹²³ и мусульманской частью БиГ. Карл Бильдт заверил, что и Вольфганг Ишингер с Игорем Ивановым поддержат такое решение. По его словам, теперь

---

¹²² См. прим. 90, 98.

¹²³ Примечательно, что уже тогда города Жепа и Сребреница находились под контролем сербских войск, так что обсуждение коридоров из Сараево к ним отражало возможность их возврата в руки боснийских мусульман.

стало возможным оказать усиленное давление на Изетбеговича и реализовать ту стратегию, которую сформулировал Кристофер.

Французы по-прежнему укоризненно качали головами из-за судьбы французских пилотов. В те дни, о чем бы ни шла речь на переговорах, они, демонстрируя свое недовольство, каждый раз заводили речь о пленниках. 14 ноября в первой половине дня Милутинович позвал меня на встречу Милошевича с главой французской делегации Жаком Бло. Тот вошел в сопровождении Пьера Булера и после краткого приветствия сразу сообщил, что недавно разговаривал с президентом Франции Шираком. Тот поручил ему передать президенту Милошевичу просьбу сделать все возможное и использовать все доступные средства, чтобы заставить боснийских сербов освободить пилотов, по-прежнему остающихся в заключении. На это Милошевич сказал, что отдал соответствующий приказ своим службам и ожидает, что все закончится благополучно. Бло предупредил, что на президента Франции оказывается общественное давление, и, если пилотов не освободят, Франция, поддавшись этому давлению, может наложить вето при голосовании в Совбезе ООН по резолюции об отмене санкций. Милошевич резко ответил, что разделяет озабоченность и французского президента, и семей пилотов, однако в глобальном масштабе их судьба не так важна, как подписание мирного договора. Поэтому Франция должна оставаться конструктивной на всех этапах подготовки Парижско-дейтонского мирного договора, а пилотов освободят, это он может гарантировать. Если это не удастся сделать раньше, хотя Сербия из всех сил оказывает давление на боснийских сербов, то освободят, когда он вернется в Белград.

Я проводил французов и по поручению Милошевича отправился в павильон рассказать о переговорах Йовице Станишичу и его людям.

Вооружение сербской делегации

Сразу после обеда Йовица Станишич, его люди из МВД и я поехали в оружейный магазин в Дейтоне, где они хотели приобрести кое-что на память и для охоты. Купили по несколько хороших пистолетов марок *Colt*, *Smith & Wesson*, *Cobra*, один *45 Special*, один *Magnum*, а также несколько охотничьих ружей. Станишич был страстный охотник. Я тоже воспользовался возможностью и купил один револьвер *Ruger*, один «Винчестер-22» и охотничье ружье «Ремингтон» в подарок отцу, который тоже был охотником. Когда мы уезжали из Дейтона, оба ружья я уложил в самолет и отправил вместе с делегацией. И все остальные, кто купил оружие, пронесли его непосредственно в самолет.

Чтобы не проезжать через ворота, где осуществлялся досмотр машин и натренированные собаки могли унюхать оружие, мне пришлось прибегнуть к особой «гимнастике в интересах безопасности». По моему предложению, все было уложено в наш микроавтобус, который я заранее для этого вызвал из Вашингтона. Вместе с шофером и комендантом посольства Мичей Джурджевичем мы через заднюю дверь самолета загрузили все в грузовой отсек. У нас имелись связи в Госдепе и Пентагоне (благодаря Дэйву Миллеру), с помощью которых удалось избежать досмотра. Один американский офицер — командир патруля, охранявшего самолет президента, — сказал нам потом, что ему казалось, что мы приехали подписать мирный договор, а не покупать оружие, чтобы с его помощью одержать победу по возвращении.

Купленный мною пистолет я не отнес в самолет, а передал Миче Джурджевичу, чтобы он на машине отвез его назад в посольство и положил в сейф. Однако позднее, когда мы разорвали

дипломатические отношения с Америкой и начались бомбардировки, я отдал оружие генеральному консулу Милошу Богичевичу, чтобы он привез его, когда улягутся страсти. Сам я должен был в 24 часа покинуть Вашингтон. Он остался, чтобы найти посольство, которое представляло бы наши интересы в отсутствие дипломатических отношений. По решению нашего правительства Богичевич добивался, чтобы эту роль взяло на себя посольство Китая. Однако американцы не согласились с этим и закрыли консульский отдел. А Богичевич вместо того, чтобы упаковать оружие со своими вещами, выбросил его в мусорный контейнер. Так я остался без двух пистолетов «Ругер» и револьвера, купленных в Дейтоне.

Когда мы после шопинга вернулись в павильон, министр Милутинович сказал, что Бильдт, Ишингер, Иванов и французы выразили свое согласие в связи с договоренностью между Милошевичем и Туджманом и приняли решение осуществить координированное давление на боснийских мусульман, дабы заставить их принять мирный план.

Решение просматривается

Около половины шестого позвонил министр Милутинович и позвал меня и Николу Чичановича сопровождать его к представителям Черногории и Республики Сербской, дабы познакомить их с результатами переговоров, состоявшихся за последние два дня. Мы рассказали, что сложились условия, чтобы президенты Милошевич и Туджман, а также американский госсекретарь Уоррен Кристофер оказали на мусульман координированное давление, с чем, в конце концов, согласилась и вся Контактная группа в составе: Иванов, Бло, Ишингер и Бильдт. Далее мы изложили основные постулаты мирного решения. Подчеркнули, что территория между двумя «энтитетами» делится в соотношении 51 % на 49 %, что мы, как могли, доработали конституционные рамки, за исключением конституционного суда Боснии, вокруг которого по-прежнему ведется ожесточенная полемика. Мы не соглашаемся на решение, которое нам навязывают. Объяснили, что линии разделения воюющих сторон — так называемые демаркационные линии — на деле станут границами «энтитетов». И это можно считать благоприятным для нас исходом, так как Республика Сербская принимается в качестве «энтитета», то есть в качестве территориальной единицы, располагающей всеми атрибутами суверенитета — своим президентом, правительством, министерствами и всеми прочими элементами, которые гарантируют самостоятельность, целостность и равноправие Республики Сербской и сербского народа в Боснии и Герцеговине.

Проинформировали представителей Черногории, что через полчаса состоится многосторонняя встреча членов всех делегаций с модератором переговоров Ричардом Холбруком, на которой должны быть определены оставшиеся спорные моменты. Кроме того,

мы предупредили черногорцев, что, несмотря на координацию усилий Сербии, Хорватии и Контактной группы, нас ожидает тяжелая работа, так как мусульмане не откажутся от своей излюбленной тактики — не перестанут ставить палки в колеса.

На встрече президенты Милошевич и Туджман перечислили основные позиции своего двустороннего соглашения, которое стало следствием принципиальной договоренности, достигнутой ими с американским госсекретарем Кристофером. Кроме того, сближение позиций сербской и хорватской делегаций получило одобрение стран Контактной группы и России. Поэтому боснийским мусульманам следовало бы принять и эти позиции, и рамочный мирный договор (имелось несколько вариантов его детализации, в которых уточнялись вопросы распределения территории и создания коридоров), подписать его, согласившись с установленными конституционными рамками, размером и полномочиями обоих «энтитетов». В этом случае стало бы возможным сосуществование всех народов Боснии и Герцеговины. Мусульмане в ходе встречи не скрывали своего недовольства, особенно Харис Силайджич. Заявили, что им надо дополнительно все обсудить друг с другом, что представленные предложения не соответствуют даже минимальным их ожиданиям. Подчеркнули, что получили гораздо меньше, чем требовали, и пообещали, что вернутся со своим контрпредложением.

Мадлен Олбрайт: санкции остаются!

Когда они ушли, Милошевич велел мне пригласить наших боснийских делегатов — Буху, Краишника и Колевича, чтобы разъяснить им ситуацию. Важно было удостовериться, что никто из них не встрянет с каким-нибудь своим контрпредложением и не похоронит все, чего мы добились. Однако они по большей части корректно на все отреагировали и со всем согласились. Президент рассказал, что провел отдельные встречи с Туджманом, всей американской делегацией, Бильдтом, Ишингером, Ивановым и Бло, что все они поддерживали его рамочную инициативу. Ее суть состояла в преодолении мусульманских препон и формулировании мирного договора, который придется подписать и мусульманам. И Холбрук тогда начал постепенно осознавать, что может подорвать собственную репутацию в глазах Кристофера и Клинтона накануне перевыборов президента, если не надавит на мусульман и если мир не будет подписан. С учетом того что прочие участники мирных переговоров в общих чертах поддерживали стратегию Милошевича, перед Холбруком встала задача осуществить давление на мусульман. И он наконец начал предпринимать конкретные шаги в этом направлении.

Холбрук и американская делегация провели встречу с мусульманами. Он дал им понять, что пришло время принятия окончательного решения, что Дейтонские переговоры близятся к завершению. Не будет больше пресс-конференций в отеле *Holiday Inn*, сливов информации американским журналистам и попыток лоббистов сорвать переговоры, а все усилия следует направить на поиск мирного решения. Кроме того, мусульманам надо договориться друг с другом и принять тот факт, что территорию поделят в пропорции 51 % на 49 %, с чем согласились все остальные стороны. Это, разумеется,

подразумевало, что сербам, контролировавшим 64 % территории БиГ, придется отступить с занимаемых позиций¹²⁴.

В ходе всех переговоров с хорватскими, европейскими и, естественно, американскими представителями, состоявшихся за последние два дня, наша делегация настаивала на том, что подписание Дейтонского мирного договора должно обязательно повлечь за собой отмену всех санкций в результате принятия СБ ООН соответствующей резолюции. Однако глава российской делегации Игорь Иванов во время четвертой нашей с ним встречи поведал, что, согласно заявлению, сделанному Мадлен Олбрайт в Нью-Йорке, США станут голосовать за отмену не всех санкций, а только торговых. То есть в силе останутся финансовые ограничения — так называемая внешняя стена санкций.

---

¹²⁴ Автор не учитывает, что по итогам хорватско-мусульманского наступления в августе-октябре 1995 г. подконтрольная сербам территория БиГ сократилась даже до менее 50 %. Поэтому для достижения соотношения 51:49 уже хорватам пришлось возвратить РС территории захваченных ими общин Мрко-нич-Град и Шипово.

Последний козырь — Ал Гор¹²⁵

Вечером за ужином в ресторане *Packy's* Джон Барли признался мне, что ситуация скверная. Мусульмане не согласились с предложением Милошевича и Туджмана, которых поддерживали Контактная группа и Россия. Холбруку они сказали, что оно сильно не дотягивает до нижней границы требований мусульман в Боснии. В такой ситуации они отказываются подписывать договор и вести переговоры, потому что на них, как им кажется, оказывают неоправданное давление, хотя они — главные жертвы войны в Боснии. По словам Барли, никакого контрпредложения мусульмане не выдвинули, просто отвергли предложение, которое им сегодня вручили. На мой вопрос, что собирается с этим делать американское правительство, Барли ответил, что в ближайшие день-два из Вашингтона придут советник по национальной безопасности Энтони Лэйк¹²⁶, его заместитель

---

¹²⁵ Альберт «Ал» Гор (Albert «Al» Gore) (р. 1948) — американский политик, вице-президент США в 1993–2001 гг. Лауреат Нобелевской премии мира 2007 г. Избирался в Конгресс США (1977–1985) и в Сенат (1985–1993). В 2000 г. проиграл президентские выборы Дж. Бушу-младшему.

¹²⁶ Энтони Лейк (Anthony Lake) (р. 1939) — американский политик и дипломат, в 1969–1970 гг. помощник президента США по национальной безопасности, покинул этот пост после конфликта с Г. Киссинджером. В 1977–1981 гг. директор по политическому планированию в администрации Дж. Картера. В 1993–1997 гг. советник по национальной безопасности президента Б. Клинтона. В 1997 г. был выдвинут на пост директора ЦРУ, но не был одобрен Конгрессом. В 1998–2000 гг. спецпредставитель президента США, посредник на эфиопо-эритрейских переговорах. В 2008 г. был внешнеполитическим консультантом президентской кампании Б. Обамы. С 2010 г. назначен генеральным директором УНИСЕФ.

Сэнди Бергер¹²⁷ и, если потребуется, Уоррен Кристофер. Последним козырем стал бы приезд вице-президента Ала Гора.

После этого разговора я отправился к Милошевичу и передал ему все, что узнал от Барли. Президент ответил, что ожидал такой реакции со стороны мусульман, однако мы не можем себе позволить не использовать такую возможность. Поэтому он приказал немедленно организовать встречу с Туджманом. Следовало не только поделиться с ним тем, что нам стало известно, но и удостовериться, что Хорватия твердо привержена достигнутой с нами договоренности. Во время беседы, которая не заставила себя долго ждать, Милошевич и Туджман легко нашли общий язык и подтвердили, что готовы во исполнение прежнего соглашения подписать договор, что заручились поддержкой Контактной группы и России, и что снова вместе заявят об этом Холбруку. Через 20 минут оба президента в конференц-зале отеля «Хоуп» довели до сведения Холбрука, Кларка, Дональда Керика и Криса Хилла, что достигли консенсуса и остаются неизменными в своем намерении подписать договор, даже если мусульмане продолжают вести себя некорректно и некорпоративно. Они отвергают все предложения, которые сформулированы ценой непростых компромиссов, на которые пришлось пойти сербской и хорватской сторонам. Короче говоря, мусульмане ведут себя как избалованные дети. И в такой ситуации дальнейшие переговоры становятся бессмысленными.

---

¹²⁷ Сэмюэл «Сэнди» Бергер (Samuel “Sandy” Berger) (1945–2015) — американский политик, друг президента Б. Клинтона с 1972 г., в 1977–1981 гг. замдиректора политического планирования Госдепа США. В 1993–1997 гг. заместитель советника по национальной безопасности Э. Лейка, а в 1997–2001 гг. его преемник на этом посту. Считался ключевым разработчиком американской внешней политики в период президентства Б. Клинтона, включая и военную кампанию против Югославии в марте-июне 1999 г.

История совершается на наших глазах

На выходе из конференц-зала Барли сказал мне, что на следующий день приезжает госсекретарь Уоррен Кристофер, который собирается встретиться с Милошевичем, Туджманом и мусульманской делегацией. После этого мы разошлись по своим павильонам.

Мы сидели вместе с Йовицей Станишичем и Николой Чичановичем в конференц-зале в нашем павильоне и пили кофе, когда около полуночи опять появился Барли в сопровождении генерала Кларка, генерал-лейтенанта Дональда Керика и Криса Хилла. По их словам, им потребовалось ненадолго увидаться с Милошевичем. Ответив, что у президента был тяжелый день и он лег спать, я предложил им поговорить с ним завтра в первой половине дня. Кроме того, я добавил, что до обеда президент также собирается встретиться с Уорреном Кристофером. Однако генерал Кларк настаивал, что он должен переговорить если не с Милошевичем, то хотя бы с Милутиновичем. Не оставалось ничего другого, как пойти разбудить министра. Я объяснил ему, что Кларк и американская команда требуют краткого свидания с ним, и что я не разрешил им разбудить президента. Облечившись в халат, Милутинович велел привести их в свой апартамент. Я позвал Барли, и он с остальными вошел в гостиную.

По признанию Кларка, они не ожидали, что подготовка карт отнимет столько времени. Более продолжительным оказался как технический процесс, то есть, собственно, составление карт, так политический — убеждение мусульман принять к рассмотрению проекты карт с обозначенными «энтитетами». Только сейчас американцы смогли предъявить серьезное предложение по границам «энтитетов» (демаркационным линиям), с которым генерал попросил

Милутиновича ознакомиться. Тот коротко ответил, что до сих пор не участвовал в разработке карт и не разбирается в этой проблематике. Поэтому лучше отложить разговор до утра. Кларк, сложив карты, сказал, что вернется завтра, чтобы тщательно рассмотреть и проанализировать их с нашей командой.

На следующий день Джон Барли предупредил, что Уоррен Кристофер по прибытии в Дейтон сначала встретится с американской делегацией, чтобы поделиться с ней, каким видится выход из ситуации американскому руководству. И после этого госсекретарь проведет переговоры с тройкой лидеров. Барли сказал, что Кристофер осведомлен о договоренности Туджмана и Милошевича и о позиции европейцев. И прежде чем отправиться на азиатский саммит, он даст указание Холбруку и его команде продолжить переговоры и, в первую очередь, составить карту, приемлемую для всех трех лидеров. Сказал, что Кристофер понимает, что до завтрашнего отъезда на азиатский саммит сегодня он должен сдвинуть дело с мертвой точки. Я ответил Барли, что Холбрук слишком уступчив в отношении мусульман. Из-за их внутренних противоречий и ненасытных appetites не удастся разорвать тот замкнутый круг, в котором оказались переговоры. Все эти игры слишком надолго затянулись, и мы во главе с президентом Милошевичем всерьез рассчитываем, что после сегодняшней встречи с Кристофером удастся добиться прогресса. В противном случае, как я проинформировал Барли, министр Милутинович сказал мне быть готовым к тому, чтобы после обеда дать команду всем членам нашей делегации упаковать чемоданы и погрузиться в самолет. Потому что, вместо того чтобы наставлять и дисциплинировать Силайджича, Холбрук пытается угодить ему. А на президента Милошевича оказывается давление, хотя он ответственно относится к своей роли в мирном процессе — нашел общий язык с Туджманом и заручился поддержкой европейцев. Однако и он руководствуется осознанием того, что не может действовать в ущерб собственному народу. Я попросил Барли, раз он идет на внутриамериканское совещание, передать это послание Кристоферу.

Я поспешил к президенту, чтобы передать свой разговор с Барли. Милошевич в это время завтракал с Милутиновичем в своем

апартаменте. После моего рассказа Милошевич коротко похвалил меня и попросил заранее напомнить ему, когда состоится встреча с Кристофером. Кроме того, он сказал, чтобы я готовился написать отчет о происходящем, потому что на наших глазах творится история. Люди должны знать, какая драма здесь разыгрывалась. Я ответил, что сообщу через пару часов, когда у американцев закончится заседание всей их делегации.

Около полудня Барли предупредил, что через час Кристофер со свитой придет в апартамент к Милошевичу. Я отправился к президенту, который смотрел новости, и передал ему, когда ждать гостей. Он ответил, что вместе с Милиновичем примет Кристофера, Холбрука и Кларка. А мне велел сходить к Игорю Иванову и узнать, есть ли новости из Нью-Йорка по вопросу отмены санкций Советом безопасности ООН.

К Иванову я пришел в тот момент, когда Милошевич принимал Кристофера. Иванов спросил, о чем они разговаривают. Я ответил, что встреча только началась, и поинтересовался, что нового в Нью-Йорке, что происходит в СБ ООН. Будут ли параллельно с подписанием Дейтонского договора отменены все санкции? Глава российской делегации коротко ответил: «Не будут». Я получил из его рук последний проект резолюции, которая по-прежнему предусматривала отмену лишь торговых ограничений.

Около 14:00 я вернулся в наш павильон и зашел к Милутиновичу, чтобы отдать ему проект резолюции, переданный Ивановым и датированный сегодняшним днем. Знакомясь с документом, министр начал задавать вопросы, на которые мог ответить только эксперт. Поэтому я пошел за Николой Чичановичем — помощником министра по многосторонним отношениям, который, будучи более компетентным в этих вопросах, помог нам распознать возможные ловушки, которые перед нами расставили в СБ ООН. Пока мы разговаривали, вошел Милошевич и вкратце рассказал, что Кристофер и Холбрук ушли, а Кларк показал карты, которыми он остался недоволен. Кристофер предупредил, что вернется в 17:00, чтобы продолжить беседу.

Мы сидели в апартаменте Милутиновича и писали инструкцию, которую собирались отправить телеграммой в нашу миссию при

ООН. Той следовало потребовать встреч на уровне послов в Нью-Йорке с теми европейскими странами, делегации которых присутствовали в Дейтоне, а также встречи на высшем уровне с представителями американской миссии, хотя мы сомневались, что Мадлен Олбрайт примет Влатко Йовановича. Точно в пять пришли Кристофер, Холбрук и Кларк с картами под мышкой. Милутинович с американцами ушли к Милошевичу, а мы с Чичановичем закончили инструкцию и отправили ее в Нью-Йорк.

После окончания встречи Милошевича с Кристофером Милутинович рассказал нам, что американский госсекретарь, по его словам, дважды резким тоном поговорил с мусульманами, убеждая их принять согласованные исправления. Потребовал от них отказаться от максималистских требований и предупредил, что они ничего не выгадают, если продолжат затягивать переговоры и делать все с черепашьей скоростью. Вместо этого посоветовал сосредоточиться на новом справедливом варианте карт с демаркационными линиями двух «энтитетов». Милошевичу Кристофер предложил встретиться с Изетбеговичем тет-а-тет, потому что не удавалось выяснить, кто из мусульман создает главные проблемы — Силайджич или Шачирбей. По словам Милутиновича, Кристофер раздраженно заявил, что, пока он здесь, он — главный переговорщик, а линии, которые он определяет, — линии американского правительства. Когда он уедет, те же линии должны остаться в силе.

Эпизод с исчезнувшей пахлавой и карты

Николу Чичановича я застал, когда он выходил из милошевичевского апартаментов. Сначала я подумал, что он отправился на третий этаж, чтобы передать депешу нашим связистам для набора. Однако депеша осталась на столе. Захватив ее, я отправился наверх — в центр связи. Спускаясь оттуда, я заметил, как Чичанович заносит в свою комнату большой пакет, который ему передал Дэйв Миллер.

— Чича, что это у тебя?

— Не знаю, но пахнет хорошо.

Через десять минут он позвал нас к себе. На столе стоял открытый большой противень с пахлавой, которую Крис Спиру заказал у греков в Нью-Гемпшире и которая прибыла специальной почтой. Дэйву Миллеру не удалось найти Криса Спиру, зато ему повстречался Никола Чичанович — человек с самым хорошим аппетитом в нашей делегации. Это произошло примерно в 10:15 вечера. Позднее появился Крис Спиру, вернувшийся с переговоров с Томом Донилоном — шефом кабинета Уоррена Кристофера. Нам он рассказал, что Чича присвоил его пахлаву. Смеясь мы вошли в комнату и застали Чичу лежащим на кровати. Содрогаясь от смеха, он признался, что съел 10 кусков, а оставшиеся 10 оставил нам. В ответ Крис Спиру произнес только: «Браво, Чича!». Потом повернулся и сказал Станишичу, Надеждину и девочкам — Оле и Бояне: «*Čiča is on a seafood diet. He eats all the food he sees*»¹²⁸.

---

¹²⁸ *Sea* — море, *to see* — видеть. По-английски фразы «морепродукты» (*seafood*) и «видеть еду» (*to see food*) звучат одинаково. Отсюда — игра слов, которая буквально переводится следующим образом: «Чича на диете из морепродуктов, он съедает все, что видит».

Доедая в комнате Чичановича второй кусок пахлавы, я услышал, как кто-то постучался в соседнюю, то есть в мою дверь и позвал меня по имени. Выйдя в коридор, я увидел Джона Барли и Криса Хилла, которые сказали, что госсекретарь Кристофер снова хочет видеть Милошевича. На часах было двадцать минут двенадцатого. Когда я вошел к президенту, он что-то диктовал Горану Милиновичу.

Около полуночи мы собрались в апартаменте Милошевича. В десять минут первого пришли Кристофер, Кларк и Хилл. Кларк передал Милиновичу карту, и тот сразу разложил ее на столе. На ней жирным карандашом были нанесены новые границы, фиксирующие изменения по отношению к более ранним демаркационным линиям. Все мы уставились на карту, и в голове у меня мелькнула мысль, что сейчас станет ясно, есть ли серьезная заинтересованность в том, чтобы наступил мир. В отличие от нас, мало разбиравшихся в картах, Милошевич, военный картограф и Станишич сразу заметили, что исправления внесены значимые. Налицо был большой прогресс, и для завершения всей работы осталось только поправить кое-что по мелочи. Кристофер сказал Милошевичу, что Изетбегович даст согласие на новые линии, нанесенные жирным черным карандашом. А если попытается отвертеться, США заставят его это сделать. Мы переглянулись. Не было уверенности, что это последний день переговоров. Однако, что касается карт, американцы, как нам показалось, предприняли в отношении мусульман последнее и решающее усилие. Приезд на военную базу Уоррена Кристофера, Энтони Лэйка, Сэнди Бергера и Тома Донилона пошел на пользу. Я подумал, что пусть лучше Клинтон отправляет в Дейтон всю свою команду, отвечающую за национальную безопасность, чем посылает спецназ в Боснию. Меня беспокоило, что после отъезда Кристофера мусульмане опять заведут переговоры в тупик, а Холбрук не будет знать, как из него выбраться. Вообще, он снова оказался в центре внимания. Вспомнились слова Джона Барли: «Теперь Холбрук остается за главного. Известны границы, которые для него нанес на карты Кристофер. Думаю, наступило время, чтобы он хорошо сделал свою работу». Барли тоже был очень оптимистичен.

Было уже около двух часов ночи, когда я добрался до своей комнаты. Как раз в тот момент, когда я собирался лечь, раздался

сильный стук в дверь. Это было снова Жак Бло. Он сообщил мне, что должен со всей серьезностью предупредить нас, что проблема пилотов приобрела весьма острый характер, и внимание СМИ и общественности к ней не ослабевает. Поэтому Жак Ширак поручил министру иностранных дел наложить вето на резолюцию об отмене санкций СРЮ, если пленников не освободят незамедлительно. Я посмотрел на часы, было 20 минут третьего. Лечь спать с этой информацией и передать ее завтра или опять разбудить Милутиновича? И все-таки я снова постучался в его дверь, вошел и спросил:

— Господин министр, какую новость хотите сначала услышать — хорошую или плохую?

— Хорошую.

— Нету!

— А плохая какая?

Я рассказал ему об ультиматуме французов. «Они сумасшедшие, — сказал Милутинович. — Однако, очевидно, это Жак Ширак заварил кашу и снова грозит нам. Прошу тебя, сходи к Станишичу и передай ему это».

Дверь в комнату Станишича была закрыта, и мне пришлось два-три раза постучать. Когда он открыл, я, извинившись за поздний визит, передал ему разговор с французом и Милутиновичем. Он ответил, что утром проверит, как обстоит дело с освобождением пилотов. Перед тем как мне уйти, он угостил меня старой домашней ракией. Она подействовала на меня как снотворное.

16 ноября, в четверг, в 7 часов утра меня разбудил Горан Милинович и попросил позвонить в посольство, чтобы они купили билет для Криса Спиру, который уезжал в Вашингтон. Там он собирался встретиться с Биллом Ричардсоном и попросить его со своей стороны оказать давление на американское руководство, чтобы оно сломило сопротивление мусульман и положило конец их иррациональному поведению в столь важный момент переговоров. В Дейтоне Ричардсона не хотел видеть Холбрук.

Крис собрался в Вашингтон. Я проводил его до ворот базы, пожелал удачи и сказал, что жду его возвращения сегодня же вечером. Так как еще было раннее утро, я вернулся в свою комнату и включил новости по телевизору. В прямом эфире транслировалось выступление

в Конгрессе президента Клинтона, который 20 минут говорил о боснийском кризисе, а также об усилиях американской администрации найти его решение на переговорах в Дейтоне. Клинтон заявил, что переговоры протекают хорошо и что американская администрация рассчитывает на скорое подписание мирного договора. В этом случае 20 тысяч американских солдат, расквартированных на американских, то есть натовских базах, отправятся в Боснию в составе сил по поддержанию мира. Он несколько раз подчеркнул, что речь идет не об участии в военных действиях, а о важной операции по поддержанию мира. Подписание мирного договора подразумевает совершенно иную, то есть мирную обстановку, поэтому американской общественности не придется переживать о судьбе американских солдат, направленных в Боснию. Бросалось в глаза, что Клинтон пытается добиться общественной поддержки плана по перенесению американских военных баз из Германии в Боснию. Тем более что истекал срок пребывания американских солдат в Германии, предусмотренный договором, который был заключен после Второй мировой войны. После обращения президента к Конгрессу почти на всех центральных каналах начались аналитические программы, в которых подчеркивалось, что ситуация в Боснии меняется, что война подходит к концу и наступает мир. Поэтому отправка американских сил — полезное, рациональное и справедливое решение, ведь они станут гарантом поддержания мира и стабильности в Боснии и Герцеговине. Мне стало ясно, что происходят какие-то перемены, и американская общественность постепенно отказывается от старых стереотипов, через призму которых она привыкла смотреть на боснийский кризис¹²⁹. Росло число сторонников мирного решения, заслуга достижения которого должна принадлежать американской администрации. Меньше говорили о расходах на проведение этой операции. Они приблизительно оценивались в два миллиарда долларов в год.

После отъезда госсекретаря Кристофера на азиатский саммит атмосфера стала более расслабленной. Спало напряжение последних

---

¹²⁹ Тем не менее политика США в ходе реализации Дейтонского соглашения, линия на последовательное урезание автономии РС в пользу Сараево показали необоснованность оптимизма Н. Вуйовича.

двух дней. После совместного завтрака в *Packy's* мы поехали прогуляться по Дейтону. День был почти свободный. После послеобеденного отдыха и рекреационных процедур мы пошли на ужин в офицерский клуб. Под конец трапезы пришел и Крис Спиру, вернувшийся из Вашингтона. Рассказал, что встречался с Биллом Ричардсоном и привез от него хорошие новости Милошевичу. Судя по всему, настроения в Конгрессе постепенно меняются. Голоса, осуждавшие Сербию, поутихли, и растет поддержка как усилий администрации по поиску мирного решения в Дейтоне, так и планов отправки в Боснию американских сил по поддержанию мира. По словам Ричардсона, Клинтон дал поручение оказать дополнительное давление на мусульман, чтобы они согласились на рамочное соглашение.

На арену выходят все более сильные игроки

Вечером мы снова отправились в город. На джаз нам билетов не хватило, поэтому мы осели в караоке-баре, в котором выступал музыкант, игравший на нескольких инструментах. На экране появлялись слова песен, но он все равно опаздывал и «проглаживал» каждый второй куплет. Тяжелее всего ему давалась песня «Love Me Tender». Постоянно отставал на целый куплет. Во время перерыва Йовица Станишич взял гитару и преподавал музыканту настоящий урок игры на инструменте. Он звучал намного более убедительно и заслужил аплодисменты публики. Чтобы не развлекаться натошак, мы, совсем как настоящие американцы со Среднего Запада, съели по гамбургеру с красным луком, авокадо и маленькими жареными картофелинами. Нам необходимо было выпустить пар, сделать паузу в переговорах и прервать изоляцию, в которой мы находились на военной базе.

Когда мы вернулись, нас поджидал Джон Барли, который сказал, что завтра приезжает Энтони Лэйк. Около 10 утра он снова хочет встретиться с президентом Милошевичем. По-видимому, администрация с помощью одного из своих наиболее влиятельных функционеров пыталась расчистить путь к достижению мирного решения, для чего требовалось заставить мусульман отказаться от тактики затягивания времени.

В пятницу в 10:15 без предупреждения явился генерал Уэсли Кларк с новым комплектом карт, которые он вручил мне с просьбой передать их Милошевичу. Кларк сказал, что подождет, пока президент найдет время и примет его. В карты, которые мы с Гораном Милиновичем разложили на столе в конференц-зале, были внесены серьезные изменения в лучшую сторону. Однако

по-прежнему они отражали некоторые нереальные требования мусульман. Когда появился Милошевич, я передал ему, что Энтони Лэйк просил принять его и что Барли должен сообщить время. Я высказал мнение, что приезд Лэйка — это хороший знак. Потому что он один из главных тяжеловесов в администрации Клинтона и ближайший его соратник. Приезжает он, по-видимому, чтобы заставить мусульман отступить от своих упорно обороняемых позиций. Это говорит о том, что США всерьез намерены достигнуть мирного соглашения. «Энтони Лэйк, — сказал я Милошевичу, — автор стратегии переноса американских военных баз в Боснию из Германии после истечения договора с последней». По словам Барли, Лэйк любил повторять, что в Боснию надо отправить «600-фунтовую гориллу» или, другими словами, мощные силы миротворцев. Кивнув, Милошевич сказал, что согласен со мной и готов встретиться с Лэйком, когда американский офицер связи подтвердит его приезд.

Уже около полудня Уэсли Кларк принес новый комплект карт. Челночная дипломатия между павильонами не прекращалась. Зайдя к Милошевичу показать внесенные исправления, Кларк передал мне копию письма, которое Крешимир Зубак написал американской делегации в Дейтоне. Зубак жаловался Холбруку, что боснийские хорваты полностью исключены из переговоров и что мусульмане беспардонно присвоили их полномочия. Хорватский представитель требовал, чтобы их присутствие принималось в внимание, и чтобы их допустили к переговорам. Наибольшее недовольство вызвало поведение Изетбеговича, Силайджича и Шачирбея, которые полностью изолировали боснийских хорватов. Те подчеркивали, что раз они должны стать частью федерации — второго «энтитета», — то и к их голосу надо прислушиваться. Другими словами, мусульмане не должны располагать монополией. Мне подумалось, что Франьо Туджман выполнил свою часть соглашения с Милошевичем и заставил боснийских хорватов надавить на мусульман, «колынуть их в бок», чтобы они отказались от своих максималистских позиций.

Где-то около 15:30 появился Крис Хилл и сказал, что Энтони Лэйк хотел бы встретиться в Милошевичем в 19:00 в нашем

павильоне. Я передал это президенту, который позвал Милутиновича, Станишича, Спиру и меня на прогулку. По словам Милошевича, Лэйку он собирался повторить то же, что и Уоррену Кристоферу: он делает все от него зависящее, чтобы наступил мир, однако мы постоянно сталкиваемся с провокациями, которые устраивают мусульмане. А столь влиятельный представитель американской администрации, продолжал Милошевич, должен был бы напрямую надавить на Изетбеговича. После непродолжительной прогулки мы вернулись в павильон.

Около 19:00 пришел Энтони Лэйк в сопровождении Криса Хилла и своей правой руки — Сэнди Вершбоу, занимавшего должность старшего директора в Совете национальной безопасности. Я отвел их к президенту Милошевичу, а сам отправился в конференц-зал дожидаться окончания переговоров. С нашей стороны присутствовал только Горан Милинович. Около восьми часов Энтони Лэйк и его люди вышли, а Милошевич поведал нам, что разговор вышел очень хороший. Мы снова пошли на прогулку. На этот раз — ужинать в офицерском клубе. По пути Милошевич рассказал, что Лэйк полностью осведомлен о том, к чему на сегодняшний день привели переговоры. И, понимая, что мусульмане ответственны за тупик, в котором они оказались, он собирается подвергнуть их серьезному политическому нажиму, дабы они скорректировали свою позицию. После разговора с Лэйком президент предположил, что американская администрация не хотела бы, чтобы переговоры закончились ничем. Поэтому Лэйк вполне искренне говорил, что американцы заинтересованы в достижении соглашения. По словам Милошевича, он потребовал, чтобы все санкции были отменены в момент подписания, то есть парафирования договора, еще здесь, в Дейтоне. Я спросил президента, значит ли это, что Вашингтон действительно отказался от сохранения финансовых ограничений — так называемой внешней стены санкций. Он ответил, что Лэйк подтвердил ему, что «стену» уберут, но потихому, чтобы избежать общественного резонанса и не вызвать обратный эффект. Потому что всегда можно ожидать контрудара со стороны мусульманских групп интересов и их лоббистов. Милошевич повторил, что Лэйк твердо обещал ему, что лично приложит все силы, дабы санкции

прекратились¹³⁰. Президент также упомянул, что, по словам Лэйка, рассматривается еще одна возможность для отмены всех санкций. Это могло бы произойти в тот момент, когда воюющие стороны отступят на три мили от занимаемых позиций. Но этот вариант маловероятен.

Нас ожидал легкий ужин, после которого Милошевич сказал, что собирается пригласить Карла Бильдта, потому что обещал посвятить его в содержание разговора с Лэйком. Кроме того, Бильдт всегда поддерживал Милошевича. Как только я уединился в своей комнате, в дверь снова постучал Джон Барли, чтобы сообщить, что завтра приезжает министр обороны Уильям Перри¹³¹, который хочет встретиться с Милошевичем до полудня пораньше. Я счел, что это очень хорошая новость и что американская администрация вводит в игру все имеющиеся в ее распоряжении фигуры, чтобы преодолеть патовую ситуацию, которую устроили мусульмане. На завершающем этапе переговоров руководство США в полном составе сосредоточилось на поиске мирного решения.

Прощавшись с Барли, я встретил в коридоре Спиру, который рассказал, что снова заказал из Нью-Гемпшира килограммовых омаров и креветок. Ведь президент Милошевич подумывал о том, чтобы снова устроить ужин для всех членов американской делегации. Я стал категорически возражать против этого, так как в прошлый раз омары достались только американцам. Они заявили в количестве 15 человек, а члены сербской делегации омаров даже не попробовали. Я предложил теперь организовать ужин только для своих, чтобы нам всем вдоволь хватило этого деликатеса. Крис рассмеялся: «Неплохая идея, Небойша».

---

¹³⁰ Тем не менее усилий Лейка явно не хватило для отмены «внешней стены санкций» после Дейтона. Ограничительные механизмы действовали до самого свержения С. Милошевича в октябре 2000 г. См. также примеч. 52.

¹³¹ Уильям Перри (William Perry) (р. 1927) — американский бизнесмен и инженер, министр обороны США в 1994–1997 гг. В 1977–1981 гг. замминистра обороны США по исследованиям и разработкам. В 1993–1994 гг. снова назначен замминистра обороны США. При нем ВВС США втянулись в воздушную кампанию НАТО против РС в 1994–1995 гг.

Укладываясь в кровать, я подумал, что американская администрация поняла, что наступил переломный момент, который нельзя упустить. Поэтому все свои силы она бросила на достижение решения. Действуя более деликатно и в расчете на свое обаяние, американцы пытались добиться от Милошевича еще каких-нибудь уступок, чтобы этим дополнительно стимулировать мусульман, от которых ожидалось согласие на мирное решение.

О лобстерах, Боснии и Косово... Прелюдия к Рамбуйе¹³²

Утром во время завтрака ко мне подошел Игорь Иванов и снова предупредил, что проект резолюции СБ ООН об отмене санкций не предусматривает снятия финансовых ограничений и что в силе остается Резолюция СБ ООН № 777. Я его внимательно выслушал, потому что он ссылаясь на достоверные источники в Нью-Йорке. Кроме того, ту же информацию ему утром подтвердил по телефону российский посол при ООН. На выходе из ресторана я столкнулся с шефом французской делегации Бло, который спросил, согласен ли президент Милошевич с тем, что подписание мирного договора состоится в Париже. Сказал, что президент Ширак придает этому очень большое значение. Самым важным для французов было показать, что Франция по-прежнему великая мировая держава, и США не могут присвоить все лавры за подписание мирного договора. Европе во главе с Францией следовало предстать равноправным партнером Америки. Еще Бло сказал, что подписание было запланировано на 29 ноября, но, вероятно, придется сдвинуть срок. Во-первых, из-за того, что переговоры в Дейтоне затянулись. И, во-вторых, потому что пилоты до сих пор не освобождены. На следующий день, по словам Бло, от американцев ожидалось согласие на предложение французов. Мы все полагали, что американцы не станут возражать. Не вызывало сомнений, что все заслуги достанутся им как принимающей стороне на мирных переговорах. Поэтому они со спокойным сердцем могли позволить себе уступить французам этот кусок со своего стола.

---

¹³² Рамбуйе (Rambouillet) — город в 45 км на юго-запад от Парижа. Известен своим замком, в котором в феврале-марте 1999 г. проходили переговоры по Косово, предшествовавшие авиаударам НАТО по Югославии.

Французы рассчитывали, что республиканцы во главе с Ньютом Гингричем¹³³ будут против торжественного подписания мирного договора в Вашингтоне, так как невозможно было исправить негативный имидж президента Милошевича, который формировался целых пять лет. Они по-прежнему называли его «военным преступником из Боснии» и «балканским мясником», которому не место в Вашингтоне. Париж это устраивало.

В полдень Джон Барли привел Уильяма Перри в наш павильон. Милошевич велел мне вести запись беседы. С нашей стороны присутствовали Милошевич, Милутинович, Горан Милинович и я. Американского министра сопровождали Джим Пердью, Крис Хилл и Джон Барли. Встреча протекала очень доброжелательно. Перри, которого в основном интересовало размещение американских миротворцев в Боснии, высказал опасение в связи с тем, что они могли оказаться там во враждебном окружении. Он предупредил, что любое происшествие с американскими солдатами может повлечь за собой драматичные последствия¹³⁴. А американская общественность, которая и без того враждебно относится к Сербии, восприняла бы это крайне негативно и потребовала бы немедленного возмездия. Поэтому он выразил надежду, что сербская сторона сделает все для соблюдения договора, воплощение которого будет протекать в том темпе, который указан в Приложении о разграничении и демаркации. Добавил, что смета оценивается в два миллиарда долларов год и что Америка должна играть роль мирового лидера. Открыто заявил, что ожидает, что Сербия выступит в роли союзника Америки и надавит на упертых представителей боснийско-сербского руководства на местах, чтобы и они уважали слово и дух мирного договора и выполняли его в полном объеме. Затем Перри попросил прервать

---

¹³³ Ньютон «Ньют» Гингрич (Newton "Newt" Gingrich) (р. 1943) — американский политик-республиканец, в 1978–1999 гг. член Конгресса США. Идеолог «республиканской революции» 1994 г., когда партия смогла вернуть себе контроль над Палатой представителей и сенатом США. В 1995–1999 гг. спикер Палаты представителей Конгресса.

¹³⁴ Давление У. Перри (и самих американских военных) на сербскую сторону дало ощутимый эффект — миротворцы НАТО в дейтонской БиГ не понесли боевых потерь.

встречу на час, так как у него должен был состояться важный разговор с Вашингтоном.

Спустя час, около 14:15 Перри вернулся в наш павильон со своими прежними спутниками. Милошевич заявил, что готов воздействовать на руководство боснийских сербов, чтобы они обеспечили мирное окружение. Он также пообещал, что сербы сделают все, чтобы американские солдаты в составе сил по поддержанию мира оказались в таком окружении. Президент использовал возможность, чтобы пригласить министра обороны и всю американскую делегацию в офицерский клуб на ужин, на котором будут поданы омары и креветки, прибывшие из Нью-Гемпшира. Крис Хилл ответил, что на такое приглашение нельзя ответить отказом, и что, по его прогнозам, на ужин придет вся американская команда.

Чтобы снова не оказаться в тесноте, как это было в прошлый раз, я договорился со Стайчем и Борозаном из протокола, чтобы они зарезервировали в отдельном салоне два стола по десять человек. С этим возникли проблемы, так как в то же время отставные высокопоставленные американские офицеры ВВС собирались отмечать в ресторане какой-то свой юбилей. Однако они оказались настолько любезными, что уступили нам малый зал, в котором помещались два стола. Нам они сказали, что жертвуют лучшей частью офицерского клуба, потому что мы заняты более важным делом. Они отмечают свои годовщины, то есть оглядываются назад, а мы смотрим вперед. Они правы — констатировал я.

Перед ужином Джон Барли сказал, что Уоррен Кристофер возвращается из Японии на день раньше, чем планировалось, и придет на ужин, если не будет слишком уставшим. Кроме того, на ужине ожидалось Дэйвид Липтон и Марк Медиш — руководитель Управления по контролю за иностранными активами¹³⁵. Этим двум принадлежала «заслуга» создания системы санкций, которым нас подвергали. Марка Медиша я хорошо знал по Вашингтону. Я часто обращался к нему с просьбами сделать то или иное исключение из всех этих запретов. Прежде всего, для нашей фармацевтической промышленности. У него были славянские корни — Медич. Типичный

---

¹³⁵ Office of Foreign Assets Control.

славянин — высокий, с голубыми глазами и светлыми волосами. Да, подумал я, омары с креветками кого хочешь усадят за стол.

Оповестив людей из протокола, кто придет на ужин, я предложил посадить по одну сторону от Милошевича Кристофера, а по другую — Липтона, чтобы президенту было удобно снова завести разговор об отмене всех санкций, в том числе и финансовых. Однако по мере того, как люди подходили, протокол соблюдался все меньше. Уже никто не знал, что такое официальная очередность и кто где сидит. Меня, Барли и Криса Хилла несколько раз перебрасывали от одного стола к другому, потому что прибывали все более и более высокопоставленные американские функционеры. В конце концов мы, пятеро сербов и трое американцев, оказались за одним маленьким столом, дополнительно принесенным в зал. Пришлось понервничать, когда появился Том Донилон, на которого мы не рассчитывали. Однако как-то и его удалось усадить за большой стол. Затем вошел Уоррен Кристофер и занял причитавшееся ему место рядом с Милошевичем. Госсекретарь пожаловался, что законопроект о выделении полутора из двух миллиардов, предусмотренных для размещения американских солдат в Боснии, застрял в Палате представителей. Для принятия требовалось 170 голосов, а собрали всего 163. Однако это, добавил Кристофер, не повод портить гостям аппетит. 10–15 минут назад он разговаривал с президентом Клинтоном, который сказал, что на следующей неделе обратится к Конгрессу, чтобы обеспечить нужные голоса. Рассказанное ясно свидетельствовало о том, насколько сильно американские власти хотят добиться результата.

После долгой дороги семидесятилетний Кристофер выглядел довольно свежим, хотя полет из Осаки занял 20 часов. Однако после закуски усталость настигла его. Извинившись, он встал и попрощался с Милошевичем. Его место занял Донилон, который до этого сидел где-то на углу, всеми зажатый. Донилон был очень важным человеком, шефом кабинета Кристофера, его главным политическим советником. Он также подружился с Крисом Спиру, когда тот начинал свою политическую карьеру в Новой Англии.

Главной темой разговоров за столом были санкции. Президент Милошевич воспользовался присутствием Липтона и Медиша, чтобы потребовать отменить все санкции, включая и «внешнюю стену»,

после того, как Дейтонский мирный договор будет парафирован. Во время ужина удалось договориться о том, что в БиГ сохранится единая валютная система с конвертируемой маркой в качестве денежной единицы, но без центрального банка и централизованной налоговой системы¹³⁶. Какие-то нюансы не удалось оговорить до конца. Все-таки речь шла об ужине, а не о рабочей встрече.

После ужина мы собрались в кабинете Милошевича, чтобы оценить результаты застольных бесед. Мы не были до конца уверены, что нам отменят все санкции. Я по-прежнему громче и упорнее всех настаивал, что следует всерьез воспринимать предостережение, которое нам направили и Иванов, и Барли. Они утверждали, что появление инициалов на договоре не приведет к отмене Резолюции СБ ООН № 777, установившей «внешнюю стену санкций». Французскую угрозу в связи с летчиками мы, разумеется, всерьез не воспринимали. В этом состояла американская тактика, согласно которой сохранение «стены» служило средством давления на Сербию, от которой требовалось полное исполнение мирного договора. Сербию держали в клещах финансовых санкций, потому что знали, что с их помощью могут вымогать политические уступки. А государство, обремененное такими финансовыми ограничениями, не способно нормально функционировать и заниматься экономической деятельностью.

США ожидали, что и по проблеме Косово с Сербией будет подписано Соглашение о статусе вооруженных сил (A Status of Forces Agreement, SOFA). Американцы туда тоже собирались направить некоторое количество своих военнослужащих. Ведь, по их словам, в Косово не наступит мир и безопасность без размещения там военных сил, то есть без вышеупомянутой «600-фунтовой гориллы». Поэтому албанская делегация присутствовала в Дейтоне. Когда впоследствии все вышло из-под контроля, в Рамбуйе уже требовали доступа на всю территорию Сербии. Такой ультиматум невозможно было принять¹³⁷.

---

¹³⁶ Тем не менее создание Центрального банка БиГ предполагалось по Дейтонским соглашениям (учрежден в 1997 г.). Управление косвенных доходов БиГ было создано в 2004 г.

¹³⁷ Соглашение SOFA, предоставляющее силам НАТО право использования территории страны для транзита и перемещения, Сербия подписала в 2006 г. (ратифицировано Скупщиной Сербии в 2015 г.).

Контуры договора

На следующее утро мы узнали, что, пока мы вчера сидели в ресторане, Мухаммед Шачирбей провел пресс-конференцию в отеле *Holiday Inn*, на которую пригласил журналистов всех ведущих американских СМИ. Там он сделал драматичное заявление, что переговоры в Дейтоне нельзя считать справедливыми, что с самого начала на мусульман оказывают давление, что карту поделят по принципу 51:49, что тоже несправедливо, что коридор в районе Брчко обеспечит целостность Республики Сербской как «энтитета» и т.д. Поэтому, будучи глубоко разочарованным произошедшим, он подает в отставку с поста министра иностранных дел Боснии. Позднее мы узнали, что к этому времени уже было договорено, что он станет послом БиГ в Америке, а весь этот маневр он предпринял, чтобы подтвердить свой статус борца за права мусульман.

На основании обзора прессы, полученного из посольства, я составил отчет о пресс-конференции Шачирбея, который передал Милошевичу, Милутиновичу, Йовице Станишичу и Златко Радичу. Барли и я организовали продолжение переговоров по конституционным вопросам, которые продвигались в направлении формирования двух выражено самостоятельных «энтитетов» и центральных органов власти, располагавших весьма ограниченными полномочиями. Специалисты, работавшие с картами, приводили их в соответствие с принципом 51 % на 49 %. Кроме того, наши эксперты вместе с американскими разрабатывали приложение, в котором речь шла о соблюдении прав человека, а также о признании и поддержке Международного трибунала в Гааге. Таким образом, начали проступать контуры мирного договора.

В восемь утра, попивая кофе с Гораном Милиновичем, я ждал, что Уоррен Кристофер и Том Донилен придут попрощаться

с Милошевичем, прежде чем возвращаться в Вашингтон. На всех нас произвело сильное впечатление, как быстро, эффективно и корректно работал Кристофер. Около половины десятого появился президент и сказал, что идет в апартамент к Изетбеговичу. Через 20 минут он вернулся в явно дурном расположении духа и велел мне срочно запросить у командования базы разрешение на вылет нашего самолета, который мог состояться в понедельник или во вторник. А всем членам делегации следовало сказать, чтобы они не торопясь начали собирать чемоданы. Я передал это Дэйву Миллеру, который убежал и вернулся через полчаса. Сказав, что все будет готово для вылета самолета, как мы и просили, он спросил, близки ли мы к подписанию договора. Я ответил, что близки, но никогда нельзя исключать каких-нибудь форс-мажорных обстоятельств.

Вместе с Крисом Спиру мы отправились в комнату к Николе Чичановичу, чтобы вместе посмотреть телевизор. До нас дошла новость, будто Клинтону после обращения к Конгрессу удалось обеспечить необходимое количество голосов для утверждения бюджета операции по отправке миротворцев в Боснию. Это событие служило предельно ясным сигналом, что США выполнили свою часть работы в отношении мусульман и подписание мирного договора состоится. Мы пришли к единому мнению, что перед нами разыграли спектакль «добрый полицейский — злой полицейский». За исполнение роли «злого» Шачирбея наградили местом посла в Вашингтоне. А его заявления журналистам, что это решение несправедливо, что оно ущемляет мусульман, что поощряются военные преступления и этнические чистки, — все это пустые фразы, которыми он хотел прикрыть свою радость от нового назначения.

О том, что это был за тип, говорит тот факт, что спустя всего два года после истечения мандата посла американская полиция арестовала его за мошенничество в казино, расположенном на восточном побережье в штате Джорджия. Когда его взяли за попытку смухлывать в карточной игре, он стал апеллировать к своему дипломатическому иммунитету. Однако, по свидетельству самых влиятельных американских газет *Washington Post* и *New York Times*, полицейский, который производил арест, сказал ему: «Этот паспорт ты покажешь своим коллегам в тюремной камере».

Когда у сербов лопнуло терпение — Клинтон

В 11 часов Уоррен Кристофер и Ричард Холбрук встретились с Милошевичем. Милутинович и я присоединились к президенту в его апартаментах, и министр сказал, чтобы я вел запись беседы. Уоррен Кристофер заявил, что американская делегация прижала мусульман к стене, и у них нет другого выбора, кроме как принять согласованные конституционные решения, размеры «энтитетов» в процентах и принципы реализации договора, признать Международный трибунал в Гааге, а также принципы и правовые рамки введения международных сил миротворцев, в составе которых будут 20 тысяч американских солдат. Подчеркнул, что очень доволен как тем, что принят бюджетный закон о выделении двух миллиардов долларов для финансирования операции по отправке солдат, так и тем, что подавляющее большинство членов Конгресса поддержало военную операцию. Милошевич оценил американские усилия как исключительно плодотворные и сказал, что с большим оптимизмом смотрит в будущее и ожидает, что вскоре удастся заключить мирный договор. Поблагодарил Уоррена Кристофера за то, что тот разобрался во всех проблемах, тормозивших переговоры, и устранил их наиболее эффективным способом. Подчеркнул, что рад тому, что его политический вес и мудрость стали залогом такого хода событий. Вскоре после этого я проводил Кристофера и Холбрука, и госсекретарь вылетел в Вашингтон.

После полудня стали поговаривать, что на базу Райт-Паттерсон собирается приехать президент Билл Клинтон. Я сильно сомневался, что это произойдет, потому что мусульмане все еще не дали окончательного согласия, и оставалась возможность, то есть опасность, что они затеют какую-нибудь новую игру, пойдут на хитрость или

снова станут ставить палки в колеса. Этим я поделился с президентом, который велел мне порасспрашивать кого надо, приезжает Клинтон или нет.

Я отправился к американскому павильону и спросил, где Крис Хилл. Ответили, что он в офицерском клубе на переговорах с мусульманами. Войдя туда, я увидел, что он сидит в компании Холбрука, Барли, Пердью, Кларка, Изетбеговича и Силайджича. Я попросил хозяина клуба отозвать его на пару слов. Когда он появился, я его открыто спросил, приедет ли Клинтон на военную базу, или нет. Хилл коротко ответил, что у него важная встреча с мусульманами, что кое-что удастся продать, и что им сообщили о прибытии Клинтона. Я сказал Хиллу, что Милошевич после утреннего разговора с Изетбеговичем выглядит заметно подавленным и разочарованным, и что он приказал мне передать членам делегации, чтобы собирали вещи и готовились к вылету. «Неужели вы собрались улетать? Дело еще не сделано, — сказал Хилл, — мы тут работаем с мусульманами». «Поторопите, надавите на них, — ответил я ему, — потому что болезненное выражение лица Милошевича после его сегодняшнего разговора с Изетбеговичем не сулит ничего хорошего». Мы попрощались, и Крис Хилл вернулся за стол, а я — к Милошевичу рассказать, что американцы получили депешу, и Клинтон все-таки приедет. При этом меня по-прежнему не покидали сомнения, которые подогревались и состоявшимся разговором президента с Изетбеговичем, и тем, что беседа американцев с мусульманами в офицерском клубе велась на повышенных тонах. Клинтон, само собой, не стал бы жертвовать собственным политическим реноме и приезжать на базу, если до сих пор нет подписей, и соглашение не достигнуто.

Две горы за счастье

В 17:00 пришел Дэйв Миллер и сказал, что мы получили разрешение на вылет самолета, а я могу находиться в числе VIP-персон вместе с Холбруком и Кларком, когда они будут прощаться с нашей делегацией. Дэйв Миллер не был в курсе событий. Как офицер связи из Пентагона он выполнял свои обязанности и всегда шел нам навстречу. Я не мог объяснить ему, что ситуация становится все более запутанной. Выйдя из павильона, я заметил, что чемоданы членов нашей делегации аккуратно сложены перед зданием. Все, кроме моих, потому что я возвращался в Вашингтон и не летел с остальными в Белград.

Зашел Никола Чичанович и позвал меня с собой к Милутиновичу, чтобы сообщить ему, что, по информации нашей миссии при ООН, проект резолюции об отмене санкций не подразумевает отмену Резолюции № 777, в соответствии с которой устанавливалась «внешняя стена санкций». Поговорить с министром нам не удалось, потому что он как раз входил в апартамент Милошевича. Сразу вслед за ним к президенту проследовали Холбрук и Кристофер, который вернулся из короткой поездки в Вашингтон. Разговор продолжался недолго. Кристофер сказал Милошевичу, что провел две исключительно важные встречи с мусульманами, в ходе которых настаивал на смягчении их позиции. По его мнению, они не смогут противостоять американскому нажиму и вечером в конце концов заявят о согласии подписать мирный договор.

Потом они ушли и повторно вернулись около 21:00. Делегация была многочисленной: Кристофер, Холбрук, Кларк, Хилл, Пердью. Так как Дэйв Миллер уже три-четыре раза задавал вопрос о погрузке багажа и самолете, мы с Гораном Милиновичем решили отложить

вылет на сутки. Мы переглянулись. У нас обоих сложилось впечатление, что переговоры только начались. Дэйв Миллер выполнил поручение и попросил отложить вылет на 24 часа, хотя сам он пребывал в недоумении.

Проговорив час и обсудив целиком весь рамочный договор о достижении мирного решения, американцы вышли от президента и отправились в Изетбеговичу. Милошевич в сопровождении Милутиновича пошел к Туджману. Выйдя от него, президент сказал, что обо всем договорился, и они вдвоем подпишут мирный договор.

Около 23:00 Алия Изетбегович пришел к Милошевичу. Горан, Йовица и я сидели в конференц-зале и ждали окончания встречи. Мы сошлись во мнении, что мы как сторона в переговорах вели себя исключительно честно и гибко, что мы уступили все, что могли, но сейчас неразумно ожидать от нас, что мы сами станем пилить сук, на котором сидим. Когда спустя 20 минут Изетбегович вышел из апартаментов, Милутинович рассказал, что тот очень зол из-за договоренности между сербским и хорватским президентами.

Около полуночи Йовица Станишич рассказал, что генерал Здравко Толимир¹³⁸ из Республики Сербской жалуется на меня за то, что я его выгнал из конференц-зала и запретил ему ксерокопировать и посылать документы Младичу в Боснию. Я ответил Йовице, что в тот же вечер застал Толимира, когда он по факсу отправлял фрагменты мирного договора Младичу, находящемуся в г. Пале. Бояна Адамович и Ольгица Влахович видели раньше, как он это делает, и предупредили его, что это запрещено. Однако он не внял их предупреждениям. После этого они позвали меня, чтобы я помешал ему. Толимир отправлял Младичу проекты соглашения о защите прав человека, конституционные рамки, проект карт и т. п.

---

¹³⁸ Здравко Толимир (Здравко Толимир) (1948–2016) — кадровый офицер Югославской народной армии, генерал-майор армии РС. С 1991 г. служил вместе с Р. Младичем в командовании 9-м Книнским корпусом ЮНА, в 1992–1996 гг. — замначальника разведки и контрразведки Главного штаба АРС. В 2005 г. обвинен в военных преступлениях МТБЮ, в 2007 г. выдан властями Сербии Трибуналу. В 2012 г. приговорен МТБЮ к пожизненному заключению за участие в массовых убийствах мусульман в Сребреннице и Жене. В 2016 г. умер в тюрьме в Гааге.

Войдя в комнату, я сказал ему, что это абсолютно недопустимо, а потом я схватил лежащий сверху документ, на котором было написано, что генерал Младич и вооруженные силы боснийских сербов не согласны с введением сил НАТО в Боснию. Я заявил ему, что генерал Младич исключен из этих переговоров, потому что Трибунал в Гааге обвиняет его в военных преступлениях. И, хотя каждого следует считать невиновным, пока не доказано обратное, нельзя отправлять факсом секретные материалы за спиной нашей делегации. Станишичу я рассказал, как все было, — что я остановил его, ни с кем не консультируясь, да и не собирался спрашивать у кого-либо разрешение. Йовица ответил, что я все правильно сделал, а потом тихо произнес: «Проблемы с ними меня доконают. Все равно в конце они согласятся с тем, о чем мы здесь договоримся». Действительно, у Станишича имелись возможности и рычаги заставить боснийских сербов выполнять мирный договор.

Около двух часов ночи я, Йовица и Милутинович сидели в министерском апартаменте. С мрачным лицом вошел Милошевич, взглянул на нас и стал в задумчивости ходить по комнате. Открылась дверь, и вошел Крис Спиру с вопросом: «Как дела? Что нового? Смотрю — полно народу. Все бегают по коридорам. Все говорят по-сербски. Я ничего не понимаю». Президент ответил: «Плохо! Вчера у нас был готов договор. Кристофер все скомпоновал в лучшем виде. Сообщил Клинтону. Однако сегодня около полуночи Изетбегович потребовал у американцев снова все открыть и продолжить переговоры по всем вопросам. Он абсолютно сумасшедший! Вуйович, подтверди, чтобы самолет приготовили к вылету. Завтра возвращаемся в Белград. Нет никакого смысла оставаться здесь дольше».

В этот момент — около 2:10 ночи — пришел Холбрук и сказал Милошевичу, чтобы мы не ложились спать, потому что в это самое время американцы как могут обрабатывают Изетбеговича. Он и сам сейчас к нему пойдет, а Кристофера он отправил спать. На это Милошевич ответил, что Алия Изетбегович большой лгун: «В отличие от меня. Я пытался с самого начала действовать честно и справедливо. Все, что обещал, исполнил. И вам это хорошо известно. А мусульмане ведут себя как избалованные дети, а вы этому потакаете.

По крайней мере, раньше потакали. Давайте посмотрим, как эта ночь завершится. Я буду бодрствовать». Появился и президент Булатович: «Проблема серьезная?» «Серьезная, — ответил Милошевичу — Осталось немного потерпеть, и мы увидим, что произойдет в ближайшие час-полтора».

Крис Спиру по-прежнему считал, что Клинтон настаивает на подписании договора и не допустит, чтобы переговоры закончились ничем. Он посоветовал Милошевичу придерживаться прежнего курса, даже если он будет единственным, кто подпишет договор. Но лучше, если бы они подписали его вместе с Туджманом. Булатович согласился. В 2:30 все-таки пришел Кристофер и попросил Милошевича о встрече. Президент вместе с Булатовичем приняли Кристофера и Холбрука. Я остался в кабинете Милутиновича. Через 15 минут американцы ушли. Булатович зашел к Милутиновичу. На вопрос, что там было, он ответил: «Было недолго».

Милошевич, который сделал все, что предлагали американцы, напомнил им, что сдержал свое слово и все выполнил, и теперь очередь мусульман сделать встречный шаг и дать окончательное согласие. Тогда Кристофер попросил Милошевича совершить символический жест, а именно, уступить мусульманам горы вокруг Сараево, откуда сербские силы вели обстрел города. Милошевич ответил: «Хорошо, отдам. Пусть нам это будет стоить одного-полтора процентов, но только это станет последней уступкой, которую они от нас потребуют»¹³⁹. На это Кристофер сказал, что не знает, последнее ли это требование мусульман к нам, но это точно последнее требование, которое он передает от их имени. Выглядело неправдоподобно: Уоррен Кристофер и США требовали отдать две горы в окрестностях Сараево, чтобы спасти от провала мирную конференцию. Безумное требование мусульман, не имевшее никакого

---

¹³⁹ На самом деле речь шла не «о двух горах», а о передаче мусульманам практически всех контролировавшихся сербами районов и пригородов Сараево — Илиджи, Илияша, Вогошчи, Райловаца, Грбавицы, что привело в том числе и к массовому исходу сербского населения города в феврале-марте 1996 г. при введении в этих районах мусульманской администрации (до 100 тыс. человек). Именно сараевский исход 1996 г. окончательно превратил столицу БиГ в практически моноэтнический мусульманский город.

значения, кроме символического. На Вогошче жили только сербы, но оттуда велась стрельба по позициям мусульман в городе.

Около трех часов ночи Джеймс Пердью вошел к Милутиновичу и передал, что теперь мусульмане требуют немного изменить соотношение вооружения, которым, согласно договору, могут располагать обе стороны. 1:1 они хотел поменять на 1:1,5 в свою пользу. Это означало, что на один сербский танк приходилось бы полтора танка Мусульманско-хорватской федерации. «Вот что такое цыганский подход, — ответил Милутинович Пердью, — мы уже достигли соглашения по этому вопросу. Что здесь происходит?» Сказал, что Булатович заверил его, что переговоры обо всем этом завершились, что тема закрыта, а теперь мы опять к ней возвращаемся. Уходя, Пердью попросил еще раз подумать, потому что, если достигнуто соглашение о картах, в том числе и о горах над Сараево, то обо всем другом не составит труда договориться. Милутинович и Булатович согласились, что наутро Милошевичу надо встретиться с Туджманом и договориться о том, чтобы подписать договор вдвоем. Булатович вышел и направился к себе наверх. Я остался сидеть на стуле, задумавшись. Когда Милутинович заснул, я пошел к себе. Было уже без пятнадцати пять утра.

Горевестник

В понедельник 20 ноября я проснулся от громкого стука в дверь. Крис Спиру звал меня вместе идти завтракать в *Packy's*. Я попросил дать мне 10 минут, чтобы привести себя в порядок.

Перед тем как отправиться в ресторан, мы позвали с собой и Йовицу Станишича. По дороге нам встретились Никола Колевич и Момчило Краишник, которым мы пожелали доброго утра. На наше приветствие Колевич ответил: «Видите, мы с завтрака, а вы на завтрак. Мы, сербы из Боснии, и вы, сербы из Сербии, всегда движемся в противоположном направлении». Аллюзия Колевича была совершенно ясной. Он выражал недовольство не только тем, что их исключили из главных переговоров по преодолению кризиса в БиГ, но и тем, что Сербия, по их мнению, вела себя слишком податливо и шла на чрезмерные уступки. Я задумался о том, что мы расходимся даже в способах обретения мира и реализации общих интересов наиболее действенным способом. Мирные переговоры могут оказаться гораздо более эффективным средством достижения выгодных позиций, чем выбивание уступок из противника с оружием в руках. Войной нельзя добиться многого. Мир приносит больше. Войдя в ресторан, мы встретили Криса Хилла и Джона Барли, которые только закончили завтракать. На мой вопрос, будет ли подписан договор, и приедет ли Клинтон, они ответили, что, согласно последней информации и по состоянию дел на тот момент, Клинтон должен прибыть. Все, чего здесь удалось добиться, — заслуга американского правительства, поэтому совершенно естественно и логично, что президент собирается приехать.

Около 10:30 я зашел к Горану Милиновичу, а затем мы вместе пошли к Милутиновичу, который сидел в апартаменте со своим

шефом кабинета Надеждиным. За то время, что прошло с пяти утра, мы не узнали ничего нового. Милошевич сказал, чтобы в 13:00 на встречу собралась вся наша делегация, которой он собирался рассказать, каковы результаты переговоров. Перед этим он велел Милутиновичу пойти к Краишнику и рассказать, что пришлось уступить мусульманам Вогошчу и горы вокруг Сараево.

Когда Милошевич вышел, Милутинович повернулся ко мне:

— Небойша, ты пойдешь к Краишнику и расскажешь ему. Я не могу.

— Ведь он Вам сказал.

— Я твой министр, я тебе приказываю.

Когда я вошел к Краишнику, он поднялся со словами:

— А, посол, что нового?

— Я пришел рассказать Вам, что есть изменения в картах, связанные с формулой 51:49. По требованию Уоррена Кристофера президент Милошевич отдал Вогошчу и горы вокруг Сараево мусульманам. Кристофер требовал от их имени, упирая на то, что это имеет символическое значение для мусульман, потому что с этих гор обстреливали Сараево.

В этот момент Краишник упал плашмя и, ударившись, рассек себе подбородок¹⁴⁰. Я помог ему подняться, подал стакан воды и вышел.

Когда я доложил Милутиновичу, что проинформировал Краишника, министр спросил, как тот отреагировал. «Рухнул как подкошенный. Наверное, сахар у него упал в крови. Ударился об пол. Думаю, он был в шоке от того, что ему придется передать это своим в Боснии», — ответил я.

А в это самое время CNN по-прежнему исполняла старую песню: у сербов завышенные территориальные требования, сербы занимают негибкую позицию и т. п. Одна ложь нанизывалась на другую.

Барли позвал меня выпить кофе. Мы сидели в *Packy's* вместе с Крисом Хиллом. Оба они выглядели подавленно и еле

---

¹⁴⁰ М. Краишник, единственный из руководства боснийских сербов, происходил из старого сараевского рода, поколения которого жили в районе Райловац и владели там большими участками.

разговаривали. В основном спрашивали, что я думаю. Тут появился улыбающийся Руди Перина:

— Небойша, это правда, что Краишник брякнулся оземь, когда узнал про Сараево (*Hit the deck*)?

— Да, я ему передал эту новость. Только не понимаю, откуда ты так быстро это узнал.

— Да об этом все говорят.

После обеда я предупредил Дэйва Миллера, что мы не едем на аэродром, чтобы он отменил автобус. Но вещи пусть останутся уложенными, потому что мы задерживаемся ещё на сутки. Встретив меня в коридоре, Крис Спиру пошутил: «Небойша, мои вещи лежат в самолете уже два дня. А ты возвращаешься в Вашингтон, поэтому твой багаж у тебя в номере. Пользуешься косметикой, гигиена у тебя на завидном уровне. Можно, я буду спать у тебя?». Мы рассмеялись над его шуткой. Однако больше в нашем коридоре никто не смеялся. Все остальное было хмуро и серо.

На общем собрании Милошевич рассказал нам, как обстояли дела на тот момент. Члены делегации третий день не меняли одежду, потому что все было уложено в самолет — чемоданы, оружие, компьютеры... Уставшие и разнервничавшиеся в восемь вечера мы отправились в офицерский клуб на ужин. Вылет мы отложили на вторник, хотя и это не было окончательно. Нам все время говорили: «Ожидайте, ожидайте, ожидайте (*Stand by, Stand by, Stand by*)». За ужином мы пришли к единому мнению, что, хотя мы все еще здесь, заниматься нам нечем. С хорватами мы обо всем договорились, и теперь мяч на стороне американцев. После ужина, около 23:00, Милутинович сказал, что Кристофер передал ему, что разговаривал с Клинтоном и проинформировал его о сложившейся ситуации. После этого Клинтон позвонил Изетбеговичу. Все карты, все итоговые варианты документов переданы мусульманам, которые сегодня ночью должны принять решение. В полночь мы пили кофе и ждали, что американцы нам сообщат, к чему пришли мусульмане. Никто не появлялся.

Наконец...

Около двух часов ночи я пошел спать. Во вторник рано утром меня опять разбудил Крис Спиру. Через десять минут мы направились в отель «Хоуп», где царила серая, почти безнадежная атмосфера. Крис и я столкнулись с Руди Периной:

— Ты где был, Руди?

— Я всю ночь не спал.

— Руди, если эти переговоры закончатся ничем, я доставлю президенту Клинтону список из пяти членов американской делегации, которых надо расстрелять за то, что они провалили переговоры.

— Правильно, так и сделай, а меня запиши шестым.

После завтрака мы со Спиру пошли к Милутиновичу, от которого узнали, что Кристофер в этот самый момент проводит встречу с мусульманами. Вошел Булатович, а за ним и Милошевич. Все мы сидели в апартаменте у Милутиновича, когда около половины одиннадцатого Милошевич произнес: «Осталось подождать, что нам скажет Кристофер, держитесь». После этого он удалился в свой апартамент. Через пару минут президент вызвал меня к себе: «Вуйович, ты здесь дольше всех находишься. Как ты думаешь, что эти твои америкосы предпримут?» Я ответил, что твердо убежден, что договор будет достигнут, потому что администрация вложила слишком много политического капитала и усилий, чтобы допустить крах мирной конференции. Конгресс уже утвердил финансирование передислокации американских военных из Германии в Боснию, поэтому с учетом того, сколько инвестировано, им не остается ничего другого, как убедить мусульман подписать договор. Единственное, что он могут сделать нам, это попытаться вытянуть из нас все возможные уступки, но провала переговоров они не допустят. «Что

будет с санкциями, Вуйович?» — продолжал задавать вопросы президент. Я сказал, что все сигналы свидетельствуют о том, что торговые ограничения отменят, а «внешняя стена санкций» сохранится. Как они сами говорят, в качестве инструмента принуждения нас к исполнению договора. Они их не отменяют и из-за Косово. Мало им разместить войска в Боснии, они и в Косово хотят ввести свои силы. Этот вывод напрашивается, если проанализировать политику Вашингтона в отношении Косово за последние год-два.

— Когда здесь был Ругова со товарищи, я принес Вам тот проект соглашения, которым Вы в меня кинули.

— Как ты себе это представляешь? Как бы я вернулся в Сербию и объяснил, почему занимался Косово на конференции по Боснии? И эти уступки, на которые мы пошли, надо будет объяснять. Мне придется разбираться с руководством боснийских сербов. И у нас на носу выборы, не только у Клинтона. У американцев своя задача — найти работу для солдат с немецких баз, как ты говоришь. А наша задача — уберечь то, что осталось от государства, насколько это возможно. Если этот договор будет подписан, это станет историческим результатом. Потому что мы в лице Республики Сербской создали второе сербское государство на Балканах¹⁴¹. И две Германии в конце концов объединились. Косово — колыбель сербства. Оппозиция бы меня сожрала.

Он замолчал и стал ходить по комнате, а потом повернулся ко мне и продолжил: «Я рано утром договорился с Туджманом, что мы подпишем договор и сделаем совместное заявление, оповестим все СМИ: Милошевич и Туджман подписали договор, хорватская и сербская делегации пришли к полному согласию и передают договор мусульманам на подпись. Мы оба поняли, Вуйович, что нельзя позволить Изетбеговичу обвинить нас в срыве переговоров. Пусть

---

¹⁴¹ Первые последейтонские десятилетия показали правоту С. Милошевича: в череде исторических потрясений и потерь, выпавших на долю сербского народа на рубеже XX и XXI вв. — распад СФРЮ, изгнание большей части сербского населения Хорватии, агрессия НАТО и отторжение Косово и Метохии, наконец, отделение родственной Черногории — оформление в БиГ сербской автономии стало единственным масштабным достижением.

он потом сам объясняет, что и как было. И пусть посмотрит, что с ним произойдет в ближайшие дни и месяцы».

Я вышел из апартамента и пошел к Крису Спиру передать, что мне сказал Милошевич. А потом мы вместе побежали в его комнату посмотреть, что говорят по CNN. Спиру позвонил политическому обозревателю CNN Ральфу Беглайтеру, который сказал ему, что переговоры провалились. Именно об этом говорили с экрана. Крис отреагировал виртуозно: «Это не точная информация! Ральф, Милошевич и Туджман договорились подписать мирный договор в Дейтоне. Договор передан Изетбеговичу, который вправе его подписать или не подписать. Если нет, то на него ляжет ответственность за провал переговоров». Ральф поблагодарил и спустя две минуты, выйдя в эфир, озвучил ударную новость: Туджман и Милошевич подпишут договор, и теперь слово за Алией Изетбеговичем и мусульманской делегацией, на которых лежит все бремя ответственности. Далее Беглайтер сообщил, что мусульмане на переговорах с Кристофером, и скоро станет известно, подпишут ли они договор, который уже приняли Сербия и Хорватия. Все в руках государственного секретаря — резюмировал корреспондент CNN.

Я пошел к Милутиновичу, который мне сразу сказал, что Кристофер проинформировал Милошевича по телефону, что мусульмане дали согласие, и договор будет подписан сегодня во второй половине дня. Я передал это Крису, а потом в коридоре и Горану Милиновичу. Мы все вошли в апартамент к Милошевичу, который в тот момент закончил телефонный разговор с председателем правительства Мирко Марьяновичем. Президент улыбался и был в отличном настроении, в котором я его давно не видел. Он расцеловал Криса Спиру со словами: «Те твои усилия, которые ты предпринял с Ричардсоном, сейчас принесли плоды». Спустя 10 минут из ниоткуда появились корреспондент и оператор Радио-телевидения Сербии (РТС), чтобы запечатлеть первое заявление президента Милошевича. Мы вышли из апартамента, чтобы не мешать. Я понятия не имел, откуда они приехали — из Нью-Йорка или Вашингтона. Ни тот, ни другой не были мне знакомы.

Я сидел в милутиновичевском апартаменте. Наши телефоны разрывались. Звонили все — из Америки, из Белграда...

Ему — из европейских стран, мне — редакторы печатных и электронных СМИ. Все хотели подтверждения информации. Пока Милутинович беседовал с сербскими изданиями, я общался с американскими. Проинформировал Майкла Добса, Стивена Эрлангера, моего большого друга Дэвида Байндера из *New York Times*, Вульфа Блицера из *CNN*.

Потом я отправился в свой номер посмотреть новости. Где-то около полудня президент Клинтон официально проинформировал американскую общественность, что на базе Райт-Паттерсон в Дейтоне, штат Огайо, достигнут мирный договор. После заявления президента американские электронные СМИ в один момент изменили тональность и содержание того, как освещался боснийский кризис. Перестали рассказывать о войне и погибших, а все внимание сосредоточили на огромных заслугах администрации Клинтона, которая остановила войну и принесла мир Боснии. Американская общественность, легко поддававшаяся индоктринации, должным образом восприняла позитивный посыл, в том числе и новость об отправке солдат в Боснию в рамках операции по поддержанию мира.

Сразу после обеда, около 15:00, мы все собрались в общем конференц-зале в отеле «Хоуп». В присутствии всех глав делегаций и политических делегатов, а также американской команды в полном составе были поставлены инициалы на Дейтонский мирный договор. Госсекретарь Уоррен Кристофер председательствовал во время церемонии. Присутствовали все европейцы, среди которых я впервые увидел и Полин Невилл-Джонс¹⁴² — шефа британской делегации и политического директора Министерства иностранных дел и по делам Содружества (*Foreign and Commonwealth Office*). Протокольные речи выступавших заняли не более двух минут каждая.

---

¹⁴² Баронесса Полин Невилл-Джонс (Pauline Neville-Jones) (р. 1939) — британский дипломат и политик, в 1991–1994 гг. глава секретариата по обороне и внешним делам правительства Соединенного Королевства, в 1993–1994 гг. председатель Объединенного разведывательного комитета, в 1994–1996 гг. политический директор Министерство иностранных дел и по делам Содружества, в 1998–2004 гг. член совета управляющих Би-Би-Си. В 2007–2010 гг. министр по безопасности в тещевом кабинете. В 2010–2011 гг. министр безопасности по борьбе с терроризмом в правительстве Дж. Кэмерона.

Уоррен Кристофер произнес самую эффектную речь — лаконичную и ясную.

Сразу после подписания в центральной части отеля состоялся прием. Мы чокнулись со всеми членами американской делегации — от Джона Барли до Уоррена Кристофера. Непринужденное общение давалось гораздо легче, когда спало напряжение. Барли подошел ко мне и сказал, что председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Джон Шаликашвили¹⁴³ хочет коротко переговорить с Милошевичем. Я передал это президенту, который ответил: «Хорошо, через десять минут. Ты пойдешь со мной». Шаликашвили пригласил и президента Туджмана, и мы все вместе сели за круглый стол. Через пять минут я потихоньку удалился. Разговаривали они об окружении, в котором окажутся американские военные, когда придут в Боснию в составе сил по поддержанию мира. Шаликашвили попросил, чтобы Милошевич и Туджман сделали все от них зависящее, чтобы исключить нападения на американских солдат¹⁴⁴. Подчеркнул необходимость максимальной осторожности и, одновременно, настойчивости в побуждении к исполнению мирного договора.

Затем мы все вместе вернулись в наш павильон выпить по рюмке. Стоял солнечный, но прохладный осенний день. В павильоне нас угостил горячей ракией шеф протокола президента Стаич. Он не знал ни слова по-английски и постоянно меня спрашивал: «Что говорят швабы?». Все знали, что Милошевич очень его любил. Стая лучше всех готовил «шумадийский чай»¹⁴⁵, который всегда у него заказывали американцы, приходившие на переговоры в апартамент

---

¹⁴³ Джон Шаликашвили (John Shalikashvili) (1936–2011) — американский генерал русского происхождения. В 1993–1997 гг. — председатель Объединенного комитета начальников штабов США (высшая военная должность в стране), полный (четырёхзвездный) генерал армии США. Руководил операцией «Освобожденная сила» (авиаудары по РС в августе-сентябре 1995 г.).

¹⁴⁴ Заботы Дж. Шаликашвили об обеспечении безопасности американского миротворческого контингента БиГ дали свой эффект — даже в первые, самые напряженные годы операции американцы не имели летальных боевых потерь.

¹⁴⁵ Шумадийский чай — подогретая смесь ракии (сливового самогона) с сахаром.

к Милошевичу. Научились даже правильно произносить «горячая ракия». Спрашивали, из чего его готовят. Я им передал Стаины слова, что это 45-градусная ракия, разогретая с сахаром. Когда они услышали, что пьют, голова у них заболела от одного рецепта. К Стаинной ракии подали суджук и сыр из окрестностей г. Сеница¹⁴⁶, которые всегда были наготове для гостей. Стая и Чеда Борозан работали исключительно слаженно. В тех условиях наша служба протокола действовала более чем безупречно.

Правда, имело место одно неприятное, но весьма комичное небольшое происшествие. Помимо прочего, Стая привез в Дейтон несколько бутылок ракии, сваренной из груш сорта Вильямс. Одну такую бутылку Вильямовки с большой грушей внутри Милошевич вручил Холбруку. Когда тот взял ее в руки, дно бутылки отвалилось, и содержимое вместе с грушей оказалось на полу. Стало ясно, что бутылку не надевали на цветок, чтобы груша созрела внутри, как положено. Ее просто склеили, потому она и развалилась. Хотя было очень неприятно, мы не могли удержаться от смеха, обсуждая, на какой обман пошел производитель.

---

¹⁴⁶ Суджук — сушеная колбаса со специями, сеницкий сыр — овечий или смешанный сыр в рассоле.

Последний рейс из Дейтона

Около 18 часов члены нашей делегации собрали последние вещи, остававшиеся в комнатах, уселись в автобус и направились к самолету. Милутинович подозвал меня и сказал, что, как обещал Донилон, санкции отменяют на следующий день между тремя и пятью часами пополудни по белградскому времени. Отменены, а не приостановлены — подчеркнул министр. Велел отслеживать отмену, так как это имело приоритетное значение, и сразу позвонить ему. Если его по какой-то причине не застану, звонить Владе Надеждину. А если санкции отменяют, когда они оба еще будут в самолете, сообщить Зорану Яначковичу¹⁴⁷, который работает в МИДе в Белграде. Во время перелета, как и по пути в Дейтон, делегация должна была совершить промежуточные посадки на канадской базе Гузбэй и в Рейкьявике.

Посадка в самолет происходила без всякого протокола и сопровождения. Все погрузились, а ручную кладь уложили в полки над сидениями. Перед этим нас для проформы опять обнюхали собаки. Пошел первый снег. Пока Милошевич с Булатовичем и Милутиновичем поднимались к передней двери, на взлетной полосе появился лимузин, из которого вышли Холбрук и Кларк. Попрощавшись с ними, президент позвал меня в самолет. Там он сказал, что только что попросил Кларка передать именно мне дейтонские карты, когда они будут готовы. Моя задача забрать их, лично привезти в Белград

---

¹⁴⁷ Зоран Яначкович (Зоран Јанаћковић) (1939–2015) — сербский дипломат, функционер СПС, публицист. С начала 1970-х гг. начальник аппарата председателя Скупщины Сербии. С 1992 г. в МИДе СРЮ, в 1994–1996 гг. генеральный секретарь МИД СРЮ, в 1996–2000 гг. первый посол СРЮ в Македонии.

и передать в президентскую канцелярию. В самолете Стая угостил всех «на дорожку». Стюардессы подали хорошую домашнюю ракию.

Выйдя из самолета, я наблюдал, как складывается лестница, закрывается дверь и делегация отправляется домой. Самолет вырулил на полосу в 8:30 и взлетел в 8:40. Разумеется, как предписано дипломатическим протоколом, я ждал, пока самолет не уберет шасси. Было около 8:45 — 8:50, когда я отправился в свой павильон.

Недремлющее око Большого брата

Когда самолет улетел, я направился в наш павильон № 836. Дойдя до комнаты, я позвонил в оперативный центр базы и попросил соединить меня с генералом Кларком, потому что он не подходил к мобильному телефону. Спустя несколько минут послышался голос Кларка, который попросил меня приехать на центральный командный пункт и сказал, что пришлет кого-нибудь за мной. Вскоре появился лейтенант Дэйвид Миллер, который отвез меня до подземного командного пункта, располагавшегося в центре базы. Мы спустились по лестнице, потом на лифте и оказались в помещении, где сидели несколько офицеров, которым генерал Кларк что-то показывал на мониторе. Поздоровавшись, я сказал ему, что президент Милошевич проинструктировал меня забрать экземпляр карт, как было договорено. Кларк ответил, что у него имеется только один экземпляр, который он вечером отдаст картографам, чтобы они начертили еще один. Получить я его смогу завтра до обеда. В результате мне пришлось перенести вылет из Дейтона в Вашингтон с утреннего рейса на вечерний.

После этого генерал Кларк попросил меня задержаться, потому что хотел мне что-то показать. Последовал приказ капитану Стивену Джоунсу, который выполнял обязанности своеобразного адъютанта Кларка и часто сопровождал его. Капитан включил монитор, на котором появилось изображение со спутника. Сначала я увидел земной шар, потом постепенно проступили очертания континентов, потому — крупным планом Европа, Балканы, БиГ, а затем — город. Генерал Кларк сказал: «Вот Горажде, вот, смотрите, люди по улицам ходят. Сейчас мы приблизим лица». На экране появился балкон, на котором стояла старуха. Я отчетливо видел ее покрытое

морщинами лицо. Демонстрация технологических возможностей американцев ошеломила меня¹⁴⁸. Кларк произнес: «Видите, господин посол, как мы следим за всем, что происходит в БиГ. Когда мы вам говорим, что где-то военные совершают насилие или нарушены правила ведения военных действий и права человека, мы эти утверждения, естественно, полностью подкрепляем документальными свидетельствами». Все еще оставаясь под впечатлением от того, как далеко зашел прогресс и какой техникой располагает американская армия, я, тем не менее, вернулся к теме карт и спросил, во сколько часов мне прийти забрать их. Генерал ответил, что пришлет их в мой павильон.

Я вернулся в свою комнату, оставил бумаги, которые носил с собой, и пошел ужинать в офицерский клуб. Однако ужин не был предусмотрен. Персонал все складывал и убирал в преддверии праздника День благодарения. Выбора не было, пришлось идти в последний раз в *Packy's*. Там сидела пара солдат, которые ужинали холодными сэндвичами. Метрдотель, который тоже собирался закрывать ресторан, предложил мне только неплохой сэндвич с тунцом и зеленый салат. Я ответил, что этого вполне достаточно. Запив этот ужин бокалом красного вина, я отправился спать.

На следующее утро я снова набрал номер оперативного центра и напомнил им, что я жду, когда мне доставят карты. Дежурный спросил, кто мне это обещал. Ответил — генерал Уэсли Кларк. «Подождите немного, попытаемся его найти», — сказал голос в трубке. Через несколько минут мне перезвонили: «К сожалению, мы не можем установить его местоположение». «Прошу Вас, поищите его адъютанта капитана Джоунса», — взмолился я. Через пару минут позвонил капитан Джоунс, которому я сказал: «Звоню согласно договоренности. Я остался последним в павильоне и жду карт, чтобы вернуться в Вашингтон». Капитан ответил, что, к сожалению, все разъехались, и он в настоящий момент в аэропорту ждет рейс в Вайоминг, где живет его семья. Все уехали на День

---

¹⁴⁸ Аналогичную демонстрацию своего технологического превосходства американские военные провели и для С. Милошевича при обсуждении в Дейтоне прокладки сухопутного коридора из Сараево в Горажде.

благодарения — большой американский семейный праздник. Поэтому до понедельника все будет закрыто. Сказал, что карты нельзя было изготовить из-за праздника, и посоветовал попробовать разыскать Кларка в понедельник в Пентагоне. Поблагодарив его, я собрал свои вещи и позвонил секретарше в посольстве, чтобы она зарезервировала мне билет в Вашингтон. Уже около 12:30 я был в аэропорту.

Рейс вылетел в 14:10, и в 15:30 я уже приземлился в Вашингтоне, где меня ждал шофер Мича Джурджевич. В посольстве было приготовлено угощение, и весь персонал сгорал от нетерпения узнать, как все происходило в Дейтоне. Я сказал им, что было очень трудно, тяжело, однако, в конце концов, спустя три недели мы пришли к решению, которое удовлетворило все три стороны. В результате логика мира взяла верх над логикой войны. Нас ожидает непростая работа по выполнению договора, — резюмировал я, — а народы БиГ — более светлое будущее.

Единожды дипломат — всегда дипломат

В понедельник Мича заехал за мной уже в 7:15, и еще не было 8 утра, когда мы стояли на проходной в Пентагоне. Я представился и сказал, что иду в канцелярию к генералу Уэсли Кларку и что их должны были предупредить о моем визите. Старший сержант, стоявший на проходной, сказал, что меня нет в его списке, однако это могло быть из-за праздника. Велев мне подождать, он вернулся через 10 минут и сказал, что поговорил с секретаршей Кларка, по словам которой, генерал появится только после 9 часов. Однако я могу пройти и позавтракать или выпить кофе в офицерском ресторане в ожидании его.

Пришлось принять его предложение. В ресторане я познакомился с двумя американскими офицерами, с которыми оказался за одним столом. Они слышали, что я вернулся из Дейтона и пришел за картами. Их интересовало, как там было.

В 9:10 за мной пришла секретарша Кларка и отвела меня к нему. Генерал сказал, что картографы из-за праздника не работали и, извинившись, попросил прийти завтра утром, но только после 9:30. Я согласился и, попрощавшись с ним, вернулся в посольство. На следующий день я опять около 9:15 был в Пентагоне. Кларк пришел около 9:40 и поприветствовал меня словами:

— А, вы здесь.

— Здесь. Жду карты, чтобы отправиться в Белград.

— Дело обстоит так. Карты еще не готовы. Я отдам Вам свой оригинал, а мы потом с компьютера распечатаем. У нас была запарка из-за подготовки соответствующих решений, необходимых для отправки американских миротворцев в Боснию. Поэтому на карты времени не хватило.

После этого он собрал карты, которые все еще были разложены на столе в его кабинете, свернул и передал мне. Я взял их под мышку и отправился к Миче.

Я сразу позвонил в посольство, чтобы мне срочно на тот же день забронировали билет до Белграда. Вернувшись в квартиру, я быстро упаковал вещи и уже около полудня выехал в аэропорт. На самолете компании *Northwest*, осуществлявшей совместные рейсы с *KLM*, я долетел до Амстердама, где пересел на рейс *JAT* до Белграда. Эмбарго на пассажирские авиаперевозки было отменено, когда мы ввели санкции боснийским сербам на Дрине. Не выпуская карт из рук, я приземлился в Белграде, где меня ждала служебная машина МИДа. Я отправился сразу в кабинет к президенту Милошевичу. Там меня поджидал Горан Милинович. Было уже около 16:20, когда я передал ему карты. Мы выпили кофе, и он сказал, что или он сам, или секретарша Милошевича Мира оповестят меня, когда состоится аудиенция у президента. Я объяснил, что это единственный экземпляр карт, который я буквально силой забрал у Кларка.

Около 19:00 секретарша сообщила, что президент очень занят, и она позвонит мне завтра, скорее всего, около 12:00 или после обеда. Я поехал к родителям, чтобы немного отдохнуть. На следующий день я зашел в МИД к Милутиновичу, который принимал греческого посла. Когда они закончили, я вошел к нему в кабинет, и мы немного поговорили. Я доложил ему о картах и сказал, что Горан Милинович или секретарша Милошевича Мира сообщат мне, когда я смогу с ним встретиться.

— Да, да, мне сообщили. Узнал что-нибудь новое об отмене санкций?

— Нет, были праздники — День благодарения. Все вымерло. В понедельник начали появляться на службе. И только во вторник американская администрация снова начала работать. Все куда-то разбежались.

День благодарения — праздник, на который половина американцев отправляется в дорогу, чтобы повидать родных, а вторая половина принимает гостей.

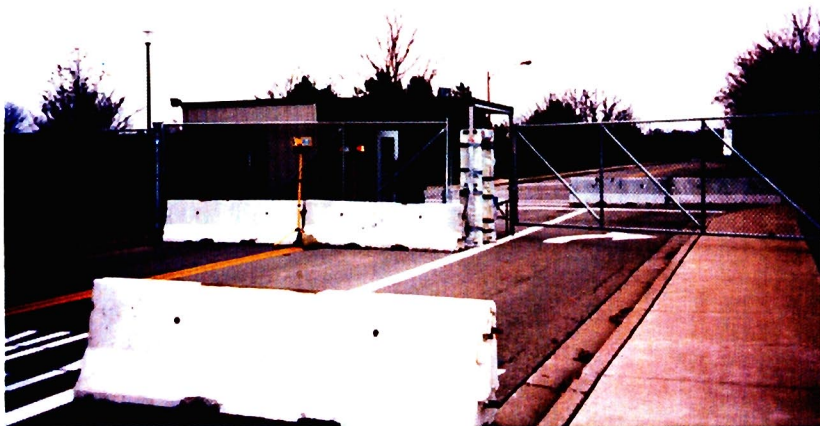
— Когда, как ты думаешь, состоится отмена санкций?

*Слободан Баич, Небойша Вуйович и Небойша Чович
в Вашингтоне во время приезда последнего*

*Крис Спиру и Небойша Вуйович в посольстве СРЮ
в Вашингтоне*

Въезд на базу Райт-Паттерсон

*Небойша Вуйович проходите осмотр
при въезде на базу Райт-Паттерсон*

*Небойша Вуйович, Влада Надеждин и Никола Чичанович
в апартаменте*

*Йовица Станишич, Нейбоша Вуйович и переводчица
вместе с солдатами на базе Райт-Паттерсон*

Йовица Станишич, Слободан Милошевич и Милан Милутинович во время прогулки по военной базе

Милан Милутинович в своем кабинете на базе Райт-Паттерсон

*Златко Раднич, Влада Надеждин, Никола Чичанович,
Йовица Станишич, Крис Спиру и Небойша Вуйович
на обеде в китайском ресторане в Дейтоне*

*Никола Колевич и Йовица Станишич
во время переговоров об освобождении французских пилотов*

Небойша Вуйович и Йовица Станишич в караоке-баре в Дейтоне в тот момент, когда Станишич присоединился к музыкантам

Златко Раднич, Крис Спиру, Йовица Станишич и Небойша Вуйович отправляются в Дейтон за покупками

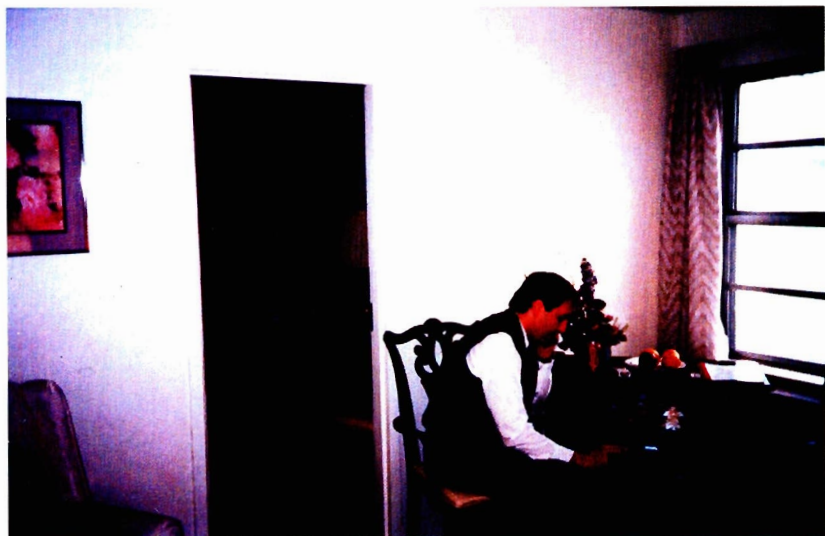
Небойша Вуйович и Горан Милинович по возвращении из магазина, где они приобрели туфли для Мирьяны Маркович

Небойша Вуйович и Джон Барли (крайний справа) с двумя сотрудниками Госдепа в Дейтоне

Небойша Вуйович и Горан Милинович в конференц-зале в Дейтоне

Милан Милутинович и Небойша Вуйович в апартаменте Милутиновича отвечают на звонки после объявления о достижении мирного урегулирования в БиГ

*Момир Булатович и Небойша Вуйович во время
парафирования мирного договора в Дейтоне*

*Горан Милинович, Йовица Станишич, Момир Булатович,
Мича Джурджевич, Брана Срданович и шеф кабинета
Булатовича после парафирования Дейтонского договора*

*Влада Надеждин и Слободан Милошевич
в самолете югославской делегации перед вылетом
из Дейтона*

*Небойша Вуйович и Милорад Додик в Вашингтоне
накануне годовщины подписания Дейтонского договора*

*Генри Киссинджер и Небойша Вуйович
в канцелярии Киссинджера в Нью-Йорке*

*Небойша Вуйович и Билл Ричардсон во время присуждения
последнему звания почетного доктора Рамапо колледжа
в Нью-Йорке, где Вуйович присутствовал как специальный гость*

*Милан Милутинович, Слободан Милошевич
и Йовица Станишич гуляют по базе*

— Думаю, в течение нескольких следующих дней. Консультации все еще продолжаются.

Милутинович на это сказал, что, согласно донесениям Владислава Йовановича, французы на каждом заседании Совета безопасности поднимают вопрос судьбы двух пилотов.

— Все санкции отменяют?

— Нет. Я думаю, что отменяют только торговые ограничения. Не только потому что мне это в Дейтоне упорно повторял российский заместитель министра иностранных дел, но и потому что я хорошо их знаю. Уверен, что внешние санкции останутся в качестве инструмента давления, чтобы разыграть дейтонский сценарий, если американцы захотят и в Косово отправить миротворцев.

— Крепко подумай, как ты об этом расскажешь Милошевичу. Не заставляй его нервничать.

— Хорошо. Буду вести себя как представитель и дипломат, кем я и являюсь по профессии.

«Служебка» о Дейтоне

Около половины двенадцатого позвонил Горан Милинович и сказал, чтобы я ждал звонка от Миры около четырех-пяти пополудни. Позвонила она в шесть и сказала приехать на виллу, расположенную по адресу: ул. Льва Толстого, 2А. Президента Милошевича я застал в обществе Мирко Марьяновича и Влайко Стоильковича¹⁴⁹.

Перед этим у дверей я столкнулся со Станишичем, который ухаживал. На мой вопрос, есть ли новости о французских пилотах, он ответил лаконично в своем стиле:

— Этот вопрос будет решен. Ты карты привез?

— Да.

— Заходи, Слоба тебя ждет.

Я вошел и поздоровался со Стоильковичем, Марьяновичем и президентом Милошевичем, который мне крепко пожал руку со словами: «Это тот самый пресловутый Вуйович, который отлично сделал свою работу в Дейтоне. Благодаря ему все работало как

---

¹⁴⁹ Влайко Стоилькович (Влајко Стоиљковић) (1937–2002) — сербский хозяйственник и политик, близкий соратник С. Милошевича, один из основателей Социалистической партии Сербии. В 1991–1997 гг. председатель Хозяйственной палаты Сербии. После убийства главы МВД Сербии Р. Стоичича в 1997–2000 гг. занимал пост министра МВД Сербии. В мае 1999 г. МТБЮ обвинил его в военных преступлениях в Косово. В ходе массовых волнений сентября–октября 2000 г. выступал за жесткое подавление протестов. Ушел в отставку после свержения президента С. Милошевича, а после принятия в апреле 2002 г. парламентом закона о сотрудничестве с МТБЮ застрелился в здании Скупщины Сербии, обвинив новые власти в предательстве страны, капитулянтстве, нарушении конституции и законодательства.

часы. У него всегда имелась свежая информация, которую он нам докладывал». Я поблагодарил и сел. Перед этим я вручил ему подарок — пять вестернов на VHS-кассетах. Вообще, мало известно, что Милошевич был большим поклонником этого жанра. Про карты я сказал, что оставил их в кабинете у Горана Милиновича. «Знаю, Горан мне говорил, — сказал Милошевич, — я их передал нашим военным и полицейским специалистам, чтобы они их детально рассмотрели и подтвердили, соответствуют ли они тому, о чем мы договорились. Чтобы в будущем нас никто не обманул».

Затем мы из французского салона перешли в малый салон, где нас ждал ужин. В честь приезда своего друга из Дейтона, то есть меня, Стая приготовил свое фирменное блюдо — ягнятину. «На этот раз без горячей ракии», — предупредил я его. Мы оба рассмеялись. Излагая свое видение политики американской администрации в связи с санкциями, я выразил уверенность, что резолюция СБ ООН отменит торговые ограничения, но оставит в силе Резолюцию № 777 («внешняя стена санкций»). Я сделал паузу, памятуя о том, что мне говорил Милутинович. Я был готов продолжить, если бы Милошевич и дальше задавал вопросы, но их не последовало.

После ужина мы вернулись во французский салон. Влайко Стоилькович извинился и покинул нас, а Мирко Марьянович попросил завтра в течение рабочего дня написать ему «служебку» — информационную записку о Дейтоне, которую он собирался зачитать на заседании правительства, назначенном на завтрашний вечер. Небольшую, страницы на две. «Служебка», — он был из Книна и так выражался. Позднее, в тот же вечер, вернувшись домой, я написал председателю правительства эту «служебку» о наиболее важных этапах переговоров и поиске мирного решения.

На следующий день рано утром я отправился в МИД и заявил, что мне нужна машинистка из кабинета министра. Продиктовав ей записку, я отнес ее прямо в кабинет председателя правительства, который находился в здании напротив. Марьянович угостил меня кофе. Мы любезно побеседовали десять минут, и я откланялся.

По указанию министра Милутиновича на следующий день я вылетел в Вашингтон. В результате мое пребывание в Белграде продолжилось всего три-четыре дня.

Годовщина Дейтона — два послания для Милошевича

Когда я вернулся в Вашингтон, телефоны у меня разрывались — и городской в посольстве, и мобильный, потому что мои коллеги из европейских и некоторых прочих стран, а также многочисленные журналисты жаждали повидаться, взять интервью. Я побеседовал с представителями *New York Times*, *CNN*, *Washington Post*, *Washington Times*, с моим хорошим другом Энди Боровицом, разумеется, с дипломатическим корреспондентом *New York Times* Дэвидом Байндером, шефом европейской внешнеполитической редакции того же издания Стивеном Эрлангером, Майклом Добсом — автором колонки в *Washington Post*. Встретился с коллегами из Италии, Великобритании, Испании, Греции, Чехии, России. В первые дни после Дейтона на меня свалилось много работы, и в то же время я был, наверное, одним из самых востребованных собеседников.

Что касается двух французских пилотов, из-за которых французы доставили нам столько головной боли во время переговоров, то их удалось освободить в результате успешных действий Йовицы Станишича, предпринятых накануне Парижской мирной конференции и официального подписания Дейтонского мирного договора, состоявшегося 14 декабря в столице Франции. Милошевич и Станишич всерьез надавили на боснийских сербов, которым пришлось отпустить пленников, несмотря на то, что Младич, как уже говорилось выше, клялся могилой дочери, что не знает их местонахождения. Как выяснилось, знал.

После начала регулярной сессии Генеральной ассамблеи ООН, которая всегда открывается в третий вторник сентября, в Нью-Йорк прибыла делегация в составе министра Милана Милутиновича, нашего поверенного в делах в Тиране Станимира Вукиевича и Николы

Чичановича. По плану делегация после переговоров в Нью-Йорке должна была посетить Вашингтон. Из встреч в Нью-Йорке самая важная была с государственным секретарем Мадлен Олбрайт, которая состоялась в рабочем помещении американской резиденции, расположенной в пентхаусе на последнем этаже отеля «Уолдорф-Астория». По решению Милутиновича на встречу его сопровождали только Влатко Йованович и я. Мне министр поручил написать краткое донесение, которое должно было дать президенту Милошевичу представление о том, как прошла первая после длительного перерыва встреча на уровне министров между СРЮ и США. Мы вошли в рабочее помещение, в котором государственный секретарь Мадлен Олбрайт принимала коллег, министров иностранных дел и прочих высокопоставленных представителей других государств. После краткой протокольной фотосессии (*photo opportunity*) начались переговоры. Поприветствовав нас, государственный секретарь заявила, что американское правительство следит за выполнением Дейтонского мирного договора. По словам Олбрайт, оно шло по плану, если не считать мелких проблем, которые решались по ходу. Она особенно подчеркнула роль президента Милошевича — ключевого фактора обстановки в регионе и сторонника исполнения Дейтонского мирного договора в полной мере. Откровенно призналась, что мусульмане доставили им немало проблем, однако усилия американской администрации в их отношении в целом возымели действие. Поэтому на тот момент дела шли примерно так, как и можно было ожидать с учетом того, в какой тяжелой ситуации находилась Босния после войны. Прогресс не за горами — резюмировала госсекретарь. Времена изменились, свидетельством чего служила и эта встреча на уровне министров, проведение которой долго время было немыслимым делом. Пообещала, что американское правительство и дальше будет всемерно поддерживать последовательное исполнение договора, чему способствует и присутствие в Боснии 25 тысяч американских солдат, число которых может вырасти и до 30 тысяч¹⁵⁰. Олбрайт также отметила, что благодаря усилиям Сербии, предпринятым

---

¹⁵⁰ На деле наибольшая численность американского контингента в БиГ составляла 20 тыс. человек (1996), а затем, по мере стабилизации обстановки в стране — неуклонно сокращалась.

в отношении боснийских сербов, американцы в БиГ находятся в мирном окружении и не стали мишенью враждебных вылазок. Отрадно, что прежние лидеры сербов в Боснии — Караджич, Младич, а также остальные, кто обвиняется в военных преступлениях — ушли со сцены, а Сербия не позволяет им туда вернуться и поставить под угрозу осуществление Дейтонского мирного договора. Встреча не заняла много времени. По ее завершении мы попрощались и в сопровождении охраны отправились в отель «Плаза», ставший нашей временной резиденцией в Нью-Йорке. Милутинович попросил меня составить телеграмму, которую следовало «ужать и украсить, как я умею». Я вернулся в свой номер и написал телеграмму о прошедшей встрече, которая де-факто продолжалась 15 минут. Взглянув на нее, Милутинович сказал, что написано хорошо, но он еще поработает с текстом, так как я, дескать, упустил некоторые вещи. Я вышел от него в недоумении — что же ускользнуло от моего внимания? Описание разговора, который продолжался минут 12–15, я растянул на полторы страницы... Или мы с министром были на разных встречах? Указал я и то, что Олбрайт недвусмысленно заявила, что президент Милошевич сыграл ключевую роль в прекращении войны в Боснии, а также в поиске мирного решения и выполнении Дейтонского мирного договора. Эту оценку и можно считать главным посланием госсекретаря. После этого Милутинович провел встречи с лидерами и министрами иностранных дел других государств, принимавших участие в сессии Генассамблеи ООН, — России, Франции, Белоруссии, а также ряда африканских стран. Вечером 27 сентября мне пришлось вернуться в столицу, чтобы подготовить вашингтонскую часть визита Милана Милутиновича. Для него был выбран отель «Хилтон» на Коннектикут-авеню, что неподалеку от посольства. Зная, что супруга министра Ольга страстная курильщица, я выбрал для них комнату для курящих. Встретив чету на вокзале *Union Station*, я сопровождал их до номера, где посвятил министра в программу его пребывания в Вашингтоне. Она включала в себя встречи с двумя сенаторами — республиканцами Чаком Хэйгелом¹⁵¹ и Питом

---

¹⁵¹ Чарльз Чак Хейгел (Charles Chuck Hagel) (р. 1946) — американский бизнесмен и политик. Ветеран Вьетнама, член Сената в 1996–2009 гг., министр обороны США в 2013–2015 гг.

Доменичи¹⁵² из Комитета конгресса по ассигнованиям, а также с двумя конгрессменами — членами Палаты представителей. Позже, когда я направился домой, мне позвонил корреспондент «Вечерних новостей» Бора Лалич, который пришел поприветствовать Милутиновича уже после нашего с ним расставания. Сказал, что министр пожаловался ему, что программа его пребывания в Вашингтоне недостаточно насыщена. Лалич ответил ему, что программа исключительно насыщенная, ведь он встретится с двумя сенаторами и двумя конгрессменами, представляющими важнейшие комитеты — Комитет по внешней политике и безопасности и Комитет по ассигнованиям, который обеспечивает финансирование американских военных операций за рубежом. Убеждал министра, что я подготовил ему отличную программу, потому что ему предстояли четыре встречи с наиболее влиятельными американскими журналистами из *Washington Post* и *New York Times*. Проинформировал его, что Стивен Розенфельд, Майкл Добс и Чарльз Краутхаммер — корреспонденты *Post*, а Дэйвид Байндер — *New York Times*. Кроме того, Чарльз Краутхаммер и Стивен Розенфельд ведут свою колонку в *Washington Post*. Дома я переоделся и вернулся к министерской чете, чтобы отвести их на ужин в культовое место — «Кафе Милано» в Джорджтауне. Предварительно я попросил владельца и распорядителя ресторана приготовить отдельный кабинет и особое меню, потому что это был первый и жизненно важный визит Милутиновича в Вашингтон в качестве министра иностранных дел. Ужин был превосходен, но весь отличался каким-то «желтым тоном». Сначала подали ризотто с морепродуктами, а затем главное блюдо, приправленное шафраном, после чего Милутинович спросил: «Небойша, а здесь можно красного мяса поесть, бифштекс какой-нибудь? Или мы будем жевать только эту желтую пищу для вегетарианцев и тех, кто на диете?» Я улыбнулся и заказал специально для министра бифштекс *T-bone steak*, который он с аппетитом съел, помимо всего того, что нам подали раньше. Потом он обратился с вопросом ко мне и Горану Милашиновичу — кардиологу, который повсюду сопровождал его, — зачем мы с ним едим рыбу, если в Вашингтоне можно заказать такой хороший

---

¹⁵² Пит Доменичи (Pete Domenici) (1932–2017) — американский политик, в 1973–2009 гг. член Сената США.

стейк. Милутинович забыл, что та же картина имела место и в нью-йоркском ресторане *Smith & Wollensky*. Я, как и доктор, ел лосося, так как пытался скинуть пару килограммов, а министр за обе щеки уплетал американские бифштексы.

Визит Милутиновича стал весьма эффективным, чему поспособствовали его встречи в Конгрессе — Палате представителей и Сенате. После Дейтона — накануне первой годовщины подписания договора — нельзя было не заметить изменения имиджа Сербии. Поблагодарив меня на прощание, министр возвращался в Белград очень довольным.

Я проводил его до аэропорта, пожелал счастливого пути и вернулся в посольство. После отъезда Милутиновича мне позвонил Милорад Додик¹⁵³, который находился в Вашингтоне, и предложил встретиться. Я пригласил его в посольство, однако он ответил, что предпочел бы побеседовать со мной в отеле «Мариотт», в котором его поселили. Договорились на 6 часов вечера. Разговаривали мы в отдельном кабинете в отеле. Он поделился, что приехал по программе Информационного агентства Соединенных Штатов, чтобы познакомиться с Вашингтоном как американским политическим центром. Провел полезные встречи в Республиканском институте, Национальном демократическом институте, с представителями

---

¹⁵³ Милорад Додик (р. 1959) — боснийский и сербский политик. В 1990 г. избран в Скупшину БиГ от Союза реформистских сил Югославии. В 1991 г. вошел в состав Скупщины сербского народа БиГ, а с 1992 г. — в состав Народной скупщины Республики Сербской. В 1994 г. возглавил оппозицию правящей партии СДП, первоначально сотрудничал с С. Милошевичем. В 1997 г. поддержал президента РС Б. Плавшич в ее конфликте с руководством СДП и был выбран США и их партнерами на роль «нового демократического лидера» и «падежды на трансформацию Боснии». В 1998–2001 гг. занимал пост премьер-министра РС. Второй этап его политической биографии связан с возвращением на пост премьер-министра РС в 2006 г. и прошел под знаком защиты автономии РС от попыток ее подчинения власти Сараево, а также ориентации на Россию. В 2006–2018 гг. Додик последовательно блокировал все попытки вовлечения БиГ в НАТО. После ухода с поста премьер-министра, в 2010–2018 гг. был президентом РС. На выборах в конце 2018 г. был избран сербским членом Президиума БиГ. С начала 2010-х гг. признан Западом основным препятствием их политике в Боснии. В 2017 г. внесен в черный список Госдепа США.

Госдепа. И все его собеседники, а особенно шеф балканского отделения Берг Браунт, посоветовали ему поговорить со мной. У меня сложилось впечатление, что американцы вкладывали в Додика как в нового политического лидера боснийских сербов, который должен был заполнить вакуум после ухода, то есть устранения Караджича, Младича и всей старой команды, обвинявшейся в военных преступлениях. Додика, по-видимому, пригласили, чтобы познакомиться с ним поближе, протестировать и донести до него позицию американского руководства¹⁵⁴.

После продолжительного разговора мы остались в отеле на обед, во время которого я дал Додику несколько важных советов. На этот раз я, по примеру Милутиновича, съел бифштекс. Мы встречались в первый раз. На протяжении следовавших года-двух благодаря моим связям и не только Милорад Додик удостаивался позитивных характеристик со стороны и американской администрации, и ведущих печатных изданий — *Washington Post* и *New York Times*.

21 ноября 1996 г. — на первую годовщину Дейтона я снова отправился самолетом из Вашингтона в штат Огайо на американскую военную базу Райт-Паттерсон. Мухаммеда Шачирбея, Хариса Силайджича, Миомира Жужула и меня поселили в отеле «Мариотт» в центре Дейтона. Перед официальными мероприятиями ко мне в гостиницу приехал Дэнни Стоянович-Срба и пригласил перед торжественным ужином в отеле «Хоуп» заехать к нему домой и познакомиться с его семьей. Я принял его приглашение с большим удовольствием. Супруге подарил большой букет цветов, детям — коробку конфет. Познакомившись со всей семьей, я только тогда узнал, что его сын тяжело болел и нуждался в трансплантации костного мозга. Жена-американка подала нам закуску, и мы послушали отличную музыку в исполнении группы, в которой играл его сын. Срба подарил мне тот альбом, который я до сих пор храню как память об исключительно хорошем и близком нам по происхождению человеку, с которым я познакомился в Дейтоне, и который очень нам помог.

---

¹⁵⁴ В дейтонской Боснии поездка в Вашингтон была важным элементом карьеры местного политика, своего рода «смотринами» перед выдвижением на ведущие посты в стране.

Около 19:00 я отправился на торжественный ужин, который для всех нас организовал Строуб Тэлботт — бывший многолетний корреспондент *New York Times* в Сербии и американский посол в России. Тэлботт — один из ведущих специалистов по России, который и в Госдепе курировал российское направление. Силайджич, Жужул, Тэлботт, Холбрук, Уэсли Кларк, Джим Пердью, Крис Хилл и я сидели за круглым столом. Каждый из нас произнес приличествующую моменту речь, после чего начался ужин. В какой-то момент Тэлботт, попросив меня сесть рядом с ним, сказал, что хотел бы передать Милошевичу два послания. Первое гласило, что президент в ходе мирных переговоров, состоявшихся в Дейтоне год назад, сыграл ключевую конструктивную роль. Ее высоко оценили в американской администрации, которая ожидает, что Милошевич аналогичным образом сосредоточится на решении проблемы Косово, пока ситуация там не вышла из-под контроля. В качестве второго послания следовало довести до сведения Милошевича, что США очень озабочены тем, что он пытается сфальсифицировать результаты местных выборов в Сербии. В связи с этим в городах уже начались массовые акции протеста. Тэлботт попросил меня передать Милошевичу, что американская администрация пристально следит за протестами в Белграде, предостерегает его от фальсификации результатов местных выборов и призывает признать их¹⁵⁵. Я заверил Тэлботта, что передам все в Белград.

В ответ я озвучил краткое резюме произошедшего за последние 12 месяцев. За год пройден большой путь в реализации мирного договора по Боснии. Это говорит о том, что президент Милошевич и сербская сторона искренне, с надеждой и верой в будущее исполняли его положения. А из всех сторон, вовлеченных в конфликт, именно боснийские сербы опережали всех в деле выполнения Дейтонских соглашений. Американские миротворцы в БиГ находились в абсолютно безопасном и доброжелательном окружении, и все соблюдали свои обязательства, предусмотренные мирным договором.

---

¹⁵⁵ Политический кризис вокруг результатов местных выборов в конце 1996 — начале 1997 г. завершился приходом к власти в Белграде и ряде крупных городов Сербии оппозиции.

С политической сцены устранены Караджич и Младич, которым Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии предъявил обвинения. Что касается Косово, то это составная часть Сербии, а именно, край, которому предложена автономия. Однако албанцы ее отвергают.

Тут Тэлботт перебил меня и снова сказал, что в Белграде начинаются протесты, которые, согласно американским донесениям и прогнозам, не только не прекратятся, но и станут все более ожесточенными. Было бы прискорбно, если бы обе стороны не смогли удержаться от столкновения и ситуация вышла из-под контроля. Это я тоже должен передать Милошевичу. Мое изложение этого разговора, которое я отправил в Белград позднее, было предельно точным.

После этого мы продолжили ужин и обсуждали совсем другие темы. Подали десерт, и мы договорились, что завтра в отеле «Мариотт» состоится торжественный обед. В роли организатора выступил Дик Холбрук, который до его начала настоял, чтобы Жужул, Силайджич и я сфотографировались вместе с ним. Впоследствии эта фотография могла дорого мне обойтись. Кто-то, кто хотел меня подставить, донес в Белград, что я фотографировался с Холбруком и с Силайджичем и сердечно их приветствовал. Это дошло и до Милошевича, а в Белграде генеральный секретарь МИДа Матович передал мне лично, что мне категорически поставлено на вид за то, что я поступил непатриотично. Милутинович, напротив, никогда не заговаривал со мной об этой истории, полагая, по-видимому, что все это полная глупость. Он знал меня лучше остальных и понимал, что фотографирование предусмотрено американским протоколом.

Впоследствии появилась еще одна такая фотография. На презентации книги Холбрука в Вашингтоне присутствовали дипломатические представители стран, участвовавших в Дейтонских переговорах. Крис Спиру и я купили по экземпляру, на которых автор написал посвящение. В этот раз я опять сфотографировался с Холбруком, что стало поводом для новых претензий в мой адрес. Поэтому я прошу прощения у читателей, но в этой книге нет моей фотографии с Холбруком!

После фотографирования мы расселись за свои столы, и Холбрук произнес речь, которая была выдержана в присущем ему стиле. Он по большей части восхвалял и выпячивал себя и, по старой привычке, намеренно коверкал имена собственных сотрудников. После него состоялось пропагандистское и неуместное выступление Хариса Силайджича. Последним к собравшимся обратился я, изложив нашу позицию в Дейтоне и подчеркнув конструктивную роль сербской делегации в переговорах. Особенно подробно я остановился на результатах выполнения договора, в частности, на том, в каком окружении пребывают американские части, входящие в состав миротворческих сил. Это вызвало самый большой интерес у журналистов, которые задали мне более 20 вопросов. Главным образом по этой теме.

На следующее утро в 8:15 я вылетел первым самолетом в Вашингтон. Уже в 9:00 мне позвонил Милутинович и потребовал дать отчет. Мое донесение ему представляло собой резюме разговора с Тэлботтом, а также анализ событий, произошедших за год после подписания Дейтонского мирного договора.

Обесценивание наследия Дейтона

На следующий день около семи утра мне позвонил шеф центра связи Бранислав Баич и сказал, чтобы я приехал в посольство, потому что на мое имя пришла срочная телеграмма от Милутиновича. Тот требовал, чтобы я направил Государственному департаменту жесткий протест в связи с вмешательством Строуба Тэлботта во внутренние дела Сербии. Пока я в задумчивости изучал послание начальства, раздался телефонный звонок, и министр спросил меня:

— Вуйович, как дела, что делаешь?

— Неплохо. Читаю вашу инструкцию.

— Хорошенько обдумай, что написать, а то президент Милошевич отрежет нам яйца.

— Отлично, спасибо большое.

Точка. Мы попрощались, и я положил трубку.

После обеда я потребовал, чтобы меня принял пришедший на смену Холбруку Боб Гелбард, которому я от имени правительства Сербии заявил, что неприемлемо, чтобы заместитель госсекретаря вмешивался во внутренние дела Сербии, к которым относятся результаты местных выборов. Разумеется, как я и ожидал, Гелбард отреагировал весьма твердо. По его словам, имело место неуважение воли граждан, высказанной посредством выборов, а также нарушение основных демократических принципов. Со своей стороны, США как великая демократическая держава не могут обойти это молчанием. Затем он попросил меня передать руководству в Белграде и лично президенту Милошевичу, который и инициировал озвученный мною протест, что существует вероятность эскалации противостояния. Ситуация может выйти из-под контроля, что подорвет стабильность не только в Сербии, но и в Боснии, и в регионе

в целом. Поэтому США самым решительным образом рекомендуют президенту Милошевичу и правительству Сербии признать результаты выборов.

Вернувшись в посольство, я написал телеграмму, в которой вкратце изложил вышеописанный разговор. Тем временем в течение нескольких последовавших часов мне позвонил Берт Браун — новый референт, сменивший Джона Барли, — а затем и Мартин Слезингер — шеф персонала в Подкомитете по Европе, который входил в состав Комитета по внешней политике Палаты представителей, во главе которого стоял исключительно влиятельный конгрессмен Ли Хэмилтон¹⁵⁶. Оба моих собеседника выразили озабоченность в связи с тем, что ситуация может серьезно обостриться. День за днем я находился под давлением не только со стороны американского правительства, Госдепа, Пентагона, академических кругов и журналистов, но и своих коллег из стран Евросоюза, а также всех прочих, кто предупреждал, что сложившаяся ситуация может перечеркнуть позитивные результаты, достигнутые в Дейтоне, и умалить вновь обретенный авторитет президента Милошевича в Америке и Европе. Это следовало бы предотвратить.

Вскоре после этого как-то утром у меня зазвонил телефон. Министр Милутинович рассказал, что в Сербии побывал Филипе Гонсалес. Бывший испанский премьер, которому поручили преодоление кризиса, вызванного местными выборами, в Белграде провел переговоры с официальными лицами, которых он убеждал вернуть мандат оппозиции, которая выиграла выборы, а также возобновить вещание радиостанции Радио Б-92, закрытой властями. По словам Милутиновича, в тот же день Скупщина Сербии собиралась принять *Lex specialis* — специальный закон, позволявший признать первоначальные результаты местных выборов¹⁵⁷. Американцам также следовало передать, что ответственность за кризис лежит не на нем и Милошевиче, а на сторонниках твердой линии во главе с Горицей

---

¹⁵⁶ Ли Хэмилтон (Lee Hamilton) (р. 1931) — американский политик-демократ, член Конгресса США в 1965–1999 гг. В 1987 г. глава парламентской комиссии по расследованию сделки «Иран-Контрас», в 2002 г. замглавы комиссии по расследованию теракта 11 сентября.

¹⁵⁷ 11 февраля 1997 г.

Гаевич¹⁵⁸. Лично меня проинструктировав, Милутинович подождал, пока в посольство не пришла телеграмма с текстом специального закона. На прощание он велел мне вышеизложенную информацию передать в Совет национальной безопасности, то есть в Белый дом, а не в Госдеп.

Я выполнил это указание, передав послание из Белграда Сэнди Вершбоу — советнику президента Клинтона по безопасности в Европе. Тот спросил, надежная ли это информация, и будут ли признаны результаты выборов.

— Однозначно. По закону *Lex specialis* будут признаны те результаты выборов, которые фигурировали в первом отчете Избирательной комиссии. Это создаст все необходимые предпосылки для преодоления кризиса, связанного с прошедшими выборами.

— Хорошо, я проинформирую Государственный департамент.

Через 10–15 минут, после того как я вернулся в посольство, мне позвонил Боб Гелбард и попросил меня зайти к нему. Он сидел в обществе Джима Свайгарта, Криса Хилла и Берта Брауна.

— Ради бога, скажи нам, зачем ты отнес эти бумаги в Белый дом, а не в Государственный департамент? Ты же достаточно квалифицированный дипломат, чтобы понимать, как распределены полномочия между органами власти в Америке.

— Я хорошо понимаю, кто за что отвечает в Америке, но мое правительство проинструктировало меня, чтобы информацию о принятии особого закона и признании результатов выборов я передал напрямую в Белый дом, то есть в Совет национальной безопасности. Этот приказ я получил непосредственно от министра Милутиновича.

Я добавил, что они должны были бы поприветствовать столь позитивное развитие событий, который позволит преодолеть кризис, связанный с местными выборами.

— Значит, это точно произойдет?

---

¹⁵⁸ Горица Гаевич (Горица Гајевић) (р. 1958) — сербская юристка и политик. В 1996–2000 гг. избрана генеральным секретарем партии СПС, и одновременно занимала пост зампреда Скупщины СРЮ. Входила в число ближайших сотрудников С. Милошевича. После его свержения в октябре 2000 г. ушла в отставку со всех постов и оставила политику.

— Точно.

Они по-прежнему были скептически настроены, потому что американское посольство в Белграде не имело никакой информации обо всем этом, никто его не проинформировал.

— Берт, — сказал Гелбард, — напиши письмо Перине и отправь ему копию того, что нам Небойша принес.

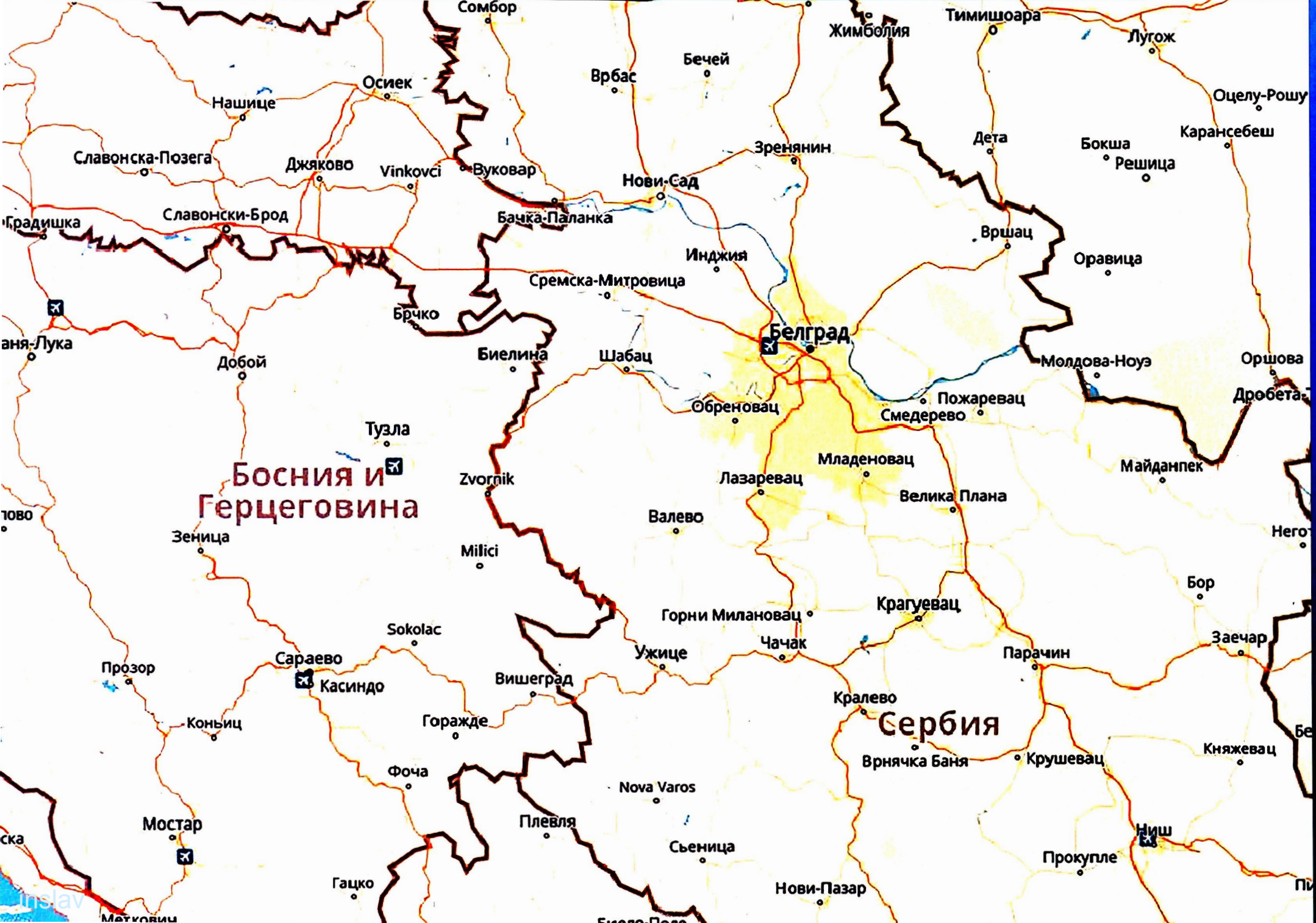
После этого мы попрощались, и я вернулся в наше посольство.

Конец первой книги...

Об авторе

Небойша Вуйович (р. 1957) в прошлом карьерный дипломат. Закончил юридический факультет в 1979 г. Занимал должность вице-консула в Сиднее (Австралия), а затем — политического представителя и шефа Миссии СРЮ в США. Был послом в МИДе, помощником министра иностранных дел, председателем Комитета по сотрудничеству с KFOR (Силы для Косово) и UNMIK (Миссия ООН по делам временной администрации в Косово). Исполнял обязанности эмиссара председателя правительства Сербии в 2004–2009 гг. Участвовал в мирной конференции в Дейтоне, а также в военно-технических переговорах в Куманово, которые закончились подписанием соглашения о прекращении бомбардировок Союзной республики Югославии силами НАТО. Кумановское соглашение послужило основой для резолюции СБ ООН № 1244. По завершении дипломатической карьеры до 2011 г. был генеральным директором корпорации *Hemofarm USA* (Вашингтон) — главного сербского экспортера в Америке в то время. Затем состоял советником президента немецкой компании *Stada* (Франкфурт). В настоящее время партнер (*off counsel*) в Нью-Йоркском адвокатском бюро *Lanza, Reich & Daniel*. Женат на Весне Никчевич-Вуйович, психиатре, с которой имеет дочь Атину. От первого брака — дочь Нина и сын Андрия.

Босния и
Герцеговина

Сербия

Белград

Сараево

Нови-Сад

Мостар

Ниш

Нови-Пазар

Плевля

Горажде

Крагуевац

Горни Милановац

Лазаревац

Младеновац

Смедерево

Обреновац

Шабац

Биелина

Тузла

Добой

Зеница

Прозор

Конџиц

Соклас

Гацко

Nova Varos

Сьеница

Краљево

Врњачка Баня

Парачин

Прокупле

Княжевац

Заечар

Бор

Неготин

Майданпек

Дробета

Оршова

Оравица

Бокша
Решица

Карансебеш

Оцелу-Рошу

Лугож

Тимишоара

Жимболия

Бечей

Врбас

Сомбор

Осиек

Нашице

Славонска-Позега

Джяково

Vinkovci

Вуковар

Славонски-Брод

Градишка

Бачка-Паланка

Сремска-Митровица

Инджия

Зренянин

Дета

Вршац

Брчко

Аня-Лука

Тово

ска

inslav

Меткович

Београд

